



РАЗДЕЛ III

МЕТАМОРФОЗЫ
ИДЕНТИЧНОСТИ

Трудная задача переоценки ценностей и пересмотра представлений о жизни, с которой столкнулись все граждане бывшего СССР, оказалась еще более драматической для русскоязычных новых независимых государств. Крах прежних устоев и необходимость соответствовать новым вызовам со стороны экономики и социального устройства сопровождалась для них также и резкой сменой этносоциальных ролей и всей прежней конфигурации отношений с титульной группой.

Важнейшим глубинным показателем состояния таких отношений, работающим в режиме взаимозависимости (образы «мы» и «они» одновременно являются итогом устоявшихся межгрупповых контактов и определяют дальнейшее их развитие), а также индикатором возможных форм психологического и поведенческого реагирования человека на трения и напряженность, является **этническая идентичность**. Подвижность, вариативность представлений индивидов о «своей» этнической группе особенно усиливаются в периоды глубоких социально-экономических и политических трансформаций. Кроме того, меняется вся структура и содержание социальных лояльностей, в первую очередь символических, к которым относится этническая идентичность, а также ее «вес» в данной структуре. То, как протекали эти процессы в среде русскоязычных жителей Киргизии, и является предметом рассмотрения в первой главе раздела. Во второй главе внимание сосредоточено еще на одном существенном элементе идентичности — исторической памяти и, точнее, на том, как конструируют жители современной Киргизии (русские и киргизы) историю своих межкультурных контактов на протяжении XX в.

ГЛАВА 1

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАРЫХ И РОЖДЕНИЕ НОВЫХ ЛОЯЛЬНОСТЕЙ

Исходные позиции

От какого наследства мы отказываемся?

Состояние изученности данной темы в России разительно контрастирует с тем, как подробно и всеобъемлюще отслеживались все постсоветские годы сдвиги в массовом сознании самих россиян¹. Сыграли свою роль финансовые, организационные и методологические

трудности проведения полевых исследований в новом зарубежье. Вряд ли можно создать в чужих странах разветвленную систему социологических служб, подобную, скажем, ВЦИОМ, а для проведения качественных исследований, на мой взгляд, более продуктивных при изучении идентичности, чем массовые опросы, ученому необходима специальная подготовка и длительное пребывание в «поле». Но главная причина недостаточной изученности² проблемы, как мне представляется, в другом. В рамках того политизированного миграционистского дискурса о положении «соотечественников», который долгое время велся в России, и среди ученых, и в более широких, как принято говорить, кругах общественности, **устоялись некие аксиоматические представления о настроениях и состоянии умов русскоязычных.** Вот несколько конкретных примеров, которые могут проиллюстрировать мою мысль.

Тон дебатам был задан, на мой взгляд, в начале 1994 г. яркой публицистической статьей авторитетного российского демографа и социолога Анатолия Вишневского, которую он озаглавил вполне созвучно миграционной ситуации начала 1990-х гг. — «Неизбежно ли возвращение?». Рассуждая о том, что ждет «соотечественников» в новых независимых государствах, он пишет: «...русские вполне могут стать равноправными гражданами Украины, Латвии или Кыргызстана, то есть получить официальный статус украинцев, латышей или киргизов. Ведь стали же сотни тысяч, а то и миллионы русских эмигрантов французами или американцами. Они могут сохранять (а могут и не сохранять) интерес к России, память о своем происхождении, языке или религии. Но в большинстве своем уже со второго поколения они живут интересами Франции или Америки, несут воинскую службу под знаменами этих стран, их основной, а то и единственный язык — французский или английский, и, в общем, они в лучшем случае уже “бывшие русские”»³.

Далее автор задается вопросами: устроит ли такая судьба русских ближнего зарубежья и насколько реалистично подобное развитие событий, и отвечает на них: «Кыргызстан — не Франция, Украина — не Америка. Огромная Россия слишком близка, поле ее экономического и культурного тяготения слишком сильно, память об имперском — далеко не бесславном — прошлом слишком жива, чтобы русские в “ближнем зарубежье” легко отказались от своей “русскости” — и не только в культурном, но и в государственном, гражданском смысле»⁴. Подчеркнув, что из-за особенностей положения России в регионе «конфликты неизбежны», А. Вишневский приходит к выводу о том, что выходом является «не защита русскоязычного населения везде, где оно живет, а возвращение из потерявших былую привлекательность краев вне России в ее пределы»⁵.

По сути, мы наблюдаем здесь привычное для нашего публичного и академического дискурса мышление в рамках дихотомии — или ассимиляция, которая якобы ждет русских (хотя бы «теоретически», как рассуждает А. Вишнеvский), или исход из-за невозможности отказаться от своей «русскости». Вероятность иных вариантов, например, того, что пресловутая «русскость» может переживаться в каких-то специфических, локальных формах и от нее не придется отказываться, равно как и уезжать ради ее сохранения, не рассматривается. Кстати, как будет показано в следующей главе, «живая память об имперском прошлом» отнюдь не является засушенным экспонатом, навечно сохраненном в сознании русскоязычных — в нем происходят хоть и медленные, но заметные сдвиги.

Двигаясь дальше по временной оси, упомяну еще один эпизод, характеризующий популярный подход к идентичности русскоязычных и вытекающим отсюда задачам российской «диаспоральной» политики. Речь пойдет о состоявшемся в начале 1997 г. в Московском Центре Карнеги семинаре «Россия и новые диаспоры: приоритеты и направления политики». Выступая на нем, Валерий Тишков, сторонник необходимости перехода России к стратегии интеграции русскоязычных, обосновал свою позицию, в том числе, и следующими аргументами: «...культурные ориентации, лояльности подавляющего большинства населения, которое мы называем соотечественниками, прежде всего ориентированы на новые государства. Все серьезные исследования показывают, что от 90% русских в Эстонии до как минимум 60% в Киргизии (я только что говорил об этом с вице-президентом Киргизской академии наук, с ведущими педагогами, представляющими Славянский университет...) ориентированы определенно на лояльность и интеграцию в этих новых государствах. И утверждение, что эти люди не имеют перспектив и шансов там выжить — это грандиозный блеф. Да, ситуация очень разнится. И, конечно, ситуация, скажем, в Таджикистане или в Узбекистане очень отлична от Киргизии и Казахстана, а тем более от Украины, Белоруссии и Прибалтики. Но общая тенденция такова»⁶.

Я бы не стала ориентироваться именно на приведенные цифры — при подвижных, перетекающих друг в друга идентичностях крайне трудно прочертить количественную границу между людьми с принципиально разными лояльностями. Однако, как показывают собранные и проанализированные мною материалы, картина, нарисованная В. Тишковым, гораздо ближе к реальности, чем подход миграционистов (естественно, с учетом страновой специфики). Важнее здесь другое — это высказывание вызвало резкие возражения участников дискуссии; в частности, по мнению Сергея Панарина, раз Россия не в состоянии реально помочь этой пресловутой интеграции «соотечест-

венников», удовлетворить их культурно-образовательные запросы и пр., то лучше «делать ставку на другой курс — на их прием, репатриацию...»⁷. Подобный весьма распространенный ход рассуждений сводит вопрос о будущем русскоязычных в новых государствах лишь к успехам или неудачам российской политики и совершенно не учитывает то обстоятельство, что, **независимо** от реального вклада России в интеграцию «соотечественников», с разной скоростью и своими путями они самостоятельно адаптируются к новым условиям; в их среде формируются так называемые локальные идентичности, ориентированные на страну проживания (хотя никто не спорит — было бы лучше, чтобы Россия действовала энергичнее и эффективнее).

Приведу также принципиальное высказывание Галины Витковской из ее опубликованной в 1999 г. статьи, в которой обобщается опыт вынужденных миграций в Россию за последнее десятилетие XX в. Казалось бы, в такой работе должны найти отражение и сокращение миграций, и сдвиги в самоощущениях русскоязычных. Однако почти весь раздел работы, посвященный, по сути, идентичности последних, состоит из суждений алармистского типа, не сопровождаемых убедительными аргументами. Вот главная авторская мысль: «Начался процесс утраты гражданской и социальной самоидентификации [имеется в виду, после распада СССР. — *Н. К.*], который, как правило, не сопровождался обретением удовлетворительных новых идентификаций»⁸. Это утверждение верно лишь по отношению к первым годам после распада СССР и относится практически ко **всем** его жителям. Впоследствии у граждан и России, и новых независимых государств начался, хоть и с разной скоростью и в различных направлениях, процесс переосмысления старых и формирования новых идентичностей, более сообразных ситуации и потому «удовлетворительных» для их носителей (но, возможно, не для всех исследователей).

Наконец, еще одно симптоматичное и более свежее обобщающее высказывание об идентичности русскоязычных, принадлежащее перу Ольги Брусиной. Оно интересно тем, что, анализируя локальные формы самосознания русских старожилов, серьезный и вдумчивый исследователь, едва ступив за пределы очерченной в своей книге проблематики, воспроизводит широко распространенные штампы: «Теперьшнее положение русских в новых государствах региона [имеется в виду Центральная Азия. — *Н. К.*] усугубляется и тем, что они в своем большинстве не считают себя гражданами этих стран, а **по-прежнему отождествляют себя с россиянами**; более того, **многие остаются приверженцами СССР** [выделено мной. — *Н. К.*] и с огромным трудом приспосабливаются к новой политической реальности. Это люди остро переживали кризис идеи интернационализма, которая

подспудно обосновывала их пребывание и деятельность в Средней Азии»⁹.

Безоговорочно принять, на мой взгляд, можно лишь последнюю мысль, совершенно правильно выраженную в прошедшем времени. Что же касается остальных утверждений, то некоторые (например, об идентификации с россиянами) далеко не бесспорны и, как мы увидим, не подтверждаются обследованиями. Кроме того, здесь явно преувеличены трудности адаптации к «новой политической реальности» (а ведь не начало девяностых было на дворе!), а также не берется в расчет сложная структура идентичности русскоязычных, наличие в ней развитых локальных ориентаций и частое несовпадение гражданских лояльностей и эмоциональных привязанностей (последнее, впрочем, весьма распространенное свойство социальной идентичности).

На представленном концептуальном фоне прямо-таки революционной выглядит позиция Татьяны Полосковой, в которой, несмотря на оперирование терминами «диаспора» и «этнические русские», есть два очень важных момента: учтены фактор времени и дифференциация в среде русскоязычных. Она пишет: «Российская диаспора в ближнем зарубежье 1991–1992 гг. и диаспора 1999 г. — разные вещи. За эти годы шел процесс интеграции, и он дал свои плоды. Появилось немалое число русских, адаптировавшихся к новым реалиям и не желающих восстановления СССР. Среди т. н. этнических русских немало таких, кто ассимилировался, “врос” в этнокультурную, языковую среду государства проживания. Еще большая часть находится в ситуации “двукультурия”, множественной этнической самоидентификации. В то же время сохраняется значительная часть людей, не сумевших адаптироваться к новым реалиям. С кем мы будем преодолевать “разделенность русской нации”?»¹⁰. К сожалению, жанр газетной статьи не дал автору возможность развернуть свою аргументацию и представить более четкие критерии градации русскоязычных. Однако сам факт некоего прорыва, хотя бы на уровне публичной дискуссии, налицо.

Подводные камни методологии

Предварю переход к главной теме несколькими методологически замечаниями. Наиболее часто используемые для исследования идентичности закрытые методики, будь-то социологические массовые опросы или социально-психологические тесты, не очень хорошо подходят, на мой взгляд, для «вытаскивания» мнений об этих сложных и тонких материях. И даже неплохое знание исследователем ситуации и того, что думают люди о себе и близкой им группе(ах) — насколько

это вообще возможно — не является панацеей, т. к. весь спектр подобных переживаний трудно поддается формализации.

Отсюда вытекает не только значимость данных, полученных качественными методами, но и недопустимость абсолютизации получаемых в ходе опросов количественных рамок тех или иных групповых лояльностей (столько-то процентов людей считает себя русскими, столько-то «советскими людьми» и пр.) и иных, более сложных идентификационных показателей. По указанным причинам я буду рассматривать имеющиеся в моем распоряжении «проценты» скорее как индикаторы того, в каком направлении развивается процесс, каков порядок «веса» той или иной лояльности и как они соотносятся между собой.

Ограниченность закрытых методик проявляется и в другом — они плохо показывают то, что я называю «разверткой», или «наполнением» используемых в анкетах подсказок. Большинство исследователей идентичности не задается вопросом, что стоит за выбором той или подсказки респондентом, что при работе со стандартным набором идентификаций и при нахождении в пределах одного стабильного социума, может быть, и не столь необходимо. Иное дело, когда идентичности, трансформируясь, образуют некие симбиозы, когда речь идет о переходных обществах или возникает необходимость их сравнения. Вот, к примеру, гражданская идентичность, на первый взгляд, вполне прозрачная по смыслу. Но совсем не одно и то же — чувствовать себя «гражданином» в России и в европейской стране, где развито правовое сознание населения и давно созданы институты гражданского общества. Аналогично, не одно и то же для русскоязычных жителей считать себя «гражданами» в Эстонии, где далеко не всем им дается этот статус, но зато и плохие, и хорошие законы соблюдаются, и считать себя «гражданами» в Киргизии, где на бумаге все равны, но последнее слово нередко остается за чиновником. Показать, чем «наполнены» идентичности, как раз и могут помочь данные, полученные качественными методами. Собственно, попытка предложить свои «развертки» и является одной из основных целей данной главы.

Сдвиги в идентичности русскоязычных на российском фоне

Проведенные в 1990-е гг. в нашей стране многочисленные социологические исследования выявили важнейшие изменения в самосознании россиян, которые отражают реалии идентификационной ломки всех постсоветских обществ.

Очевидным является стабильное доминирование **первичных групп и общностей**, т. е. групп повседневного общения (семьи, друзей, род-

ственников) над **вторичными, воображаемыми и конструируемыми**, причем во времена социальных потрясений стремление выразить свою общность с наиболее близкими людьми заметно возрастает. Это выявили, в частности, исследования идентичности в 1992–1994 гг., один из наиболее кризисных периодов развития постсоветской России¹¹.

Более поздний опрос РНИСиНП, проведенный летом 1998 г. по аналогичной методологии, подтвердил этот результат: «Если говорить об устойчивом чувстве общности, то... решающую роль в жизни россиян играет самоидентификация себя с семьей и друзьями. С ними чаще всего идентифицируют себя три четверти россиян... Кроме того, при любом кризисе глобальных общностей именно группы непосредственного общения выступают той нишей, куда человек стремится уйти, чтобы избежать воздействия общественных потрясений»¹². По результатам опроса 900 жителей Рыбинска в 1997 г., на семью и родственников как на близкие общности ориентировались более 50% респондентов (см. табл. 1)¹³.

Далее, к концу 1990-х гг. явственно обозначилась также **эрозия советской идентификации**. Это проявление присущей бывшему СССР тенденции к переходу, по словам Юрия Левады, «от единообразных и жестких принудительных рамок социальной идентичности привычного прошлого (“мы советские люди”) к многообразным, подвижным и в значительной мере добровольным структурам, характерным для либеральных обществ»¹⁴.

Таблица 1

Ответы жителей среднего российского города на вопрос «Частью какой общности Вы себя считаете, о ком Вы могли бы сказать “мы”, “наши”?»

(Рыбинск, июль 1997 г., N = 897; %)

Варианты ответов	Варианты ответов	Варианты ответов	Варианты ответов
1. русские	45,3	7. люди моего поколения	16,8
2. как и прежде — советский народ	11,7	8. люди одних со мной интересов	16,8
3. граждане России	31,9	9. люди того же достатка, что и я	6,5
4. жители Рыбинска	38,5	10. люди моей профессии, рода занятий	6,7
5. семья	51,3	11. люди с таким же образованием	2,8
6. родственники	1,2	12. мужчины/женщины	3,2

* Сумма не равна 100%, поскольку респонденты выбирали несколько подсказок (но не более трех).

Возьмем, например, серии обследований ВЦИОМ по программе «Советский человек». Опрос 1994 г. показал, что «постоянно» «чувствовали себя советским человеком» 35% респондентов, ответивших на вопрос; «в отдельных случаях» — 23, «практически никогда» — 19 и затруднились с ответом — 23%¹⁵. В 1998 г., по данным сопоставимого опроса РНИСиНП, с «советским народом» «часто» испытывали чувство общности 15,8% респондентов; «иногда» — 31,3; «практически никогда» — 51,5 и затруднились с ответом — 1,4%¹⁶. Отвечая на вопрос «Кем Вы осознаете себя с гордостью?», опцию «советским человеком» выбрали в 1999 г. лишь 13% респондентов, опрошенных ВЦИОМ (в сравнении с 29% в 1989 г.)¹⁷. В «рыбинском» опросе свою общность с «советским народом, как и прежде» отметили лишь 11,7% респондентов (см. табл. 1).

Чем же замещается в сознании советская идентичность? В России движение шло двумя путями — поскольку «советскость» служила прежде инструментом и государственного, и этнического самоопределения (в замещающей форме), она начала трансформироваться в **этническую (русские) и гражданскую идентичность (граждане России)**. При этом обследования фиксируют устойчиво больший интерес людей к **этническому самоопределению**, нежели к **гражданскому** (при условии, конечно, что опрашиваемым был представлен полный, а не усеченный набор подсказок). Так, по опросу РНИСиНП 1998 г., «с людьми той же национальности» «часто» ощущали свою общность 45,4% респондентов, а с «россиянами» — 27,8% (разрыв примерно в 1,5 раза)¹⁸. По материалам опроса в Рыбинске две названные идентичности — «русские» и «граждане России», находятся между собой почти в таком же соотношении, как и по данным РНИСиНП (45,3 и 31,9% соответственно, см. табл. 1).

Как показывают мои исследования, а также работы других ученых, изменение идентичности русскоязычных ближнего зарубежья, во-первых, лежит в русле постсоветских закономерностей (что свидетельствует о значимости системно-цивилизационных факторов, обуславливающих ментальные сдвиги); во-вторых, некоторые формальные аналоги при этом имеют, в сравнении с Россией, иное «наполнение» (имеются в виду, в частности, советские и гражданские лояльности). Кроме того, обнаруживается и важная специфика, касающаяся в первую очередь принадлежности к этническим общностям.

Итак, в каких же формах происходит вытеснение «советскости» из сознания русскоязычных? Посмотрим подробнее на динамику и, главное, содержание главных **символических** идентичностей. В моих опросах олицетворяющими их общностями стали: «**как и прежде — советский народ**»; «**русские**»; «**русские Киргизии**» и «**граждане Киргизии**».

«Как и прежде — советский народ»

Что думает человек, ставя в нужном месте галочку или крестик в анкете и подтверждая тем самым, что он/она считает себя советским человеком, испытывает чувство близости с советским народом? Полагаю, весь спектр возникающих при этом ассоциаций будет неизбежно более узким, чем содержание советской ментальности в широком философско-социологическом смысле. Так и круг людей, отвечающих соответствующим образом на вопрос анкеты, существенно уже, чем все население бывшего СССР, продолжающее в той или иной степени оставаться советским по своим ценностям, идеалам и образу жизни. Но ощущения людей, осознанно презентующих себя как часть советского народа, все же достаточны многозначны, динамичны и варьируют в зависимости от территории.

Комментируя в этой связи результаты обследований второй половины 1990-х гг., Ю. Левада отмечает три момента: «модель “вражеского окружения” и связанного с ней комплекса страха и противопоставления... внешнему миру сохраняется»; «верность советской “модели самооправдания” в неодинаковой мере обнаруживается у разных возрастных групп и даже на противоположных концах политического спектра», «однако осевая конструкция этой модели — образ устрашающей мир державы — тем не менее, основательно разрушена, намерения вернуться к ней остаются декларативными»¹⁹. Видимо, у населения теперь уже независимых республик, не претендующих, естественно, на статус сверхдержав, значительно быстрее шел процесс освобождения от комплекса «устрашения» и противопоставленности всему остальному миру, но все еще сохраняется, как и в России, комплекс коллективной безответственности и завязанные на него элементы трудовой морали. А вот о чем русскоязычные новых государств, скорее всего, сильно тоскуют, в отличие от россиян, так это «советский интернационализм». Я ориентируюсь тут на комментарии респондентов, которыми они сопровождали свой выбор опции «как и прежде — советский народ»:

- *доктрина была правильная, что «все люди братья»;*
- *я не понимаю «русский», я за то, что было раньше, СССР;*
- *мы жили разные нации как братья, там национальность не различали;*
- *без различия наций, как было раньше;*
- *как и прежде — советский народ; самое главное; мы там были все без национальности, все одинаковые — и русские, и узбеки, и татары, и украинцы и т. д. — мы были советские;*
- *это не национальность, а нация, как американцы, и т. д.*

Итак, советская идентичность — безусловно, не фантом, а реально существующий в сознании многих людей комплекс переживаний; здесь много своеобразной социальной ностальгии (по тем временам, когда жизнь казалась простой, предсказуемой и действительно имела много плюсов по сравнению с днем сегодняшним); здесь и тоска по былому величию, и протест против деления людей на национальности, а также много «экономики». Таким ментальным наследием являются свойственные постсоветским людям, но вполне советские по своему происхождению уравнилельные настроения, социальное издивенчество, неразвитость достижительных мотиваций и пр. Экономический пласт, на мой взгляд, недооценивается при попытках «распаковать» советскую идентичность, поскольку он выходит за рамки традиционной для исследований идентичности тематики — этнокультурные и политические лояльности.

Еще на один нюанс «советскости» местного разлива, когда экономика переплетается с наднациональным единством, обратил внимание социолог Владислав Потоцкий (23.09.98):

«В. П. Когда я езжу по республике, много, первый вопрос, который мне задают, это, очевидно, связано с тем, что у меня возраст такой, не юный, воспринимают как некоторое официальное лицо... первый вопрос, который мне задают — когда снова будет Союз?»

Н. К. От этого еще не избавились?

В. П. Нет, здесь не избавились, здесь очень большая, скажем так, ностальгия даже по Союзу, возмущение тем, что все развалилось. А развалилась та инфраструктура, которая держала людей вместе — это транспортная инфраструктура, промышленная, социальная, социально-бытовая. Вот она вся развалилась, и люди из-за того, что нет этого, вот они... Конечно, понятно, если даже восстановишь Союз, то это ничего не восстановится. Но потребность в том, что нужна эта инфраструктура, которая объединяет людей, в производственном плане, в бытовом плане...

Н. К. Не только в культурном?

В. П. Не только в культурном, но и в материальном, — вот она, собственно говоря, и держит».

У «советскости», при всей ее многоликости, есть одно существенное отличие от остальных рассматриваемых символических вариантов идентичности. Она не является **поведенческой**²⁰ (в рамках выбора русскоязычных между «уехать» или «остаться», «интегрироваться» или «самоизолироваться»), а скорее **фоновой, созерцательно-ностальгической** (экономические стратегии или идеологические пристрастия — совсем другое дело). Это некое состояние души, при котором базисные функции социальной идентификации — потребность в защите и развитии личности, не могут быть реализованы посредством определенных

поведенческих шагов, поскольку того общества (страны, государства), где все устроено «по-советски», больше не существует. Видимо, не случайно в опросах в Бишкеке из всех главных символических идентичностей только «советская» редко встречается одна, а идет в подавляющем большинстве случаев «в пакете» с опциями «русские Киргизии», «русские» или «граждане Киргизии». Заметное увеличение доли респондентов, идентифицирующих себя с советским народом, в 1998 г. по сравнению с 1996 г., причем именно среди желающих уехать (см. табл. 2), на мой взгляд, вызвано, как и другие резкие движения цифр²¹, российским августовским кризисом, обострившим у людей ощущение зыбкости и непредсказуемости существования (второй опрос проводился в сентябре 1998 г.). Ведь именно нацеленные на отъезд оказались, как показали наши исследования, хуже «устроенными», чем желающие остаться, и более пессимистично оценивали свое материальное положение и экономические перспективы (см. разд. II). Этот момент как раз и говорит о наличии важной экономической составляющей «советской» идентичности.

Таблица 2

Ответы русскоязычных жителей Бишкека на вопрос «Частью какой общности Вы себя считаете, о ком Вы могли бы сказать “мы”, “наши”?, с разбивкой по группам *

Варианты ответов	Желающие остаться, %		Желающие уехать, %	
	1996 г. N=129	1998 г. N=187	1996 г. N=144	1998 г. N=105
1. русские	27,9	29,6	29,9	40,0
2. как и прежде — советский народ	21,7	24,7	20,1	31,4
3. русские Киргизии	22,5	22,0	20,8	25,7
4. граждане Киргизии	39,5	30,1	17,4	12,4
5. семья, родственники	34,9	55,9	32,6	63,8
6. люди моего поколения	12,4	31,2	10,4	34,3
7. люди моей профессии, рода занятий	10,8	12,4	6,9	6,7
8. люди того же достатка, что и я	7,0	8,6	2,8	12,4
9. другое	2,3	4,8	2,8	1,0
10. затрудняюсь ответить	3,1	3,2	4,9	3,8

* Сумма не равна 100%, поскольку респонденты выбирали несколько подсказок (но не более трех).

Итак, если резюмировать сказанное в данной части статьи, как можно оценить слова О. Брусиной о том, что среди русскоязычных жителей Центральной Азии «многие остаются приверженцами СССР»? В самом широком смысле таковыми, не всегда осознавая данный факт, остаемся мы все, жители постсоветских государств старше 25–30 лет. Численность тех, кто до сих пор мыслит себя частью «советского народа» («как и прежде»), много меньше и будет постепенно снижаться, хотя это ощущение может обостряться в периоды экономических кризисов и общественных потрясений (особенно в самых уязвимых возрастных и социальных группах, причем независимо от национальности).

Если же речь идет о том уровне восприятия, на котором появляется пространство выбора, например, о приверженности СССР как родине, то здесь тенденция к отказу от «советскости» выражена наиболее явно. В первые годы после распада СССР инерция прежних представлений, действительно, была очень велика, и даже Прибалтика, где русскоязычные перестроились быстрее, не стала исключением. Как показывали опросы, проведенные Институтом этнологии РАН, бывший СССР в целом считали своей родиной около половины русских респондентов в городах и селах Киргизии (1992 г.), 68% и 85% в городах и селах Молдавии (1993 г.), 47% в городах Литвы (1993 г.) и 40% в городах Эстонии (конец 1993 — начало 1994 г.)²². Приведем для сравнения реакции на вопрос «Какую страну Вы считаете своей родиной?», который задавался в ходе обследования 1996 г. в Казахстане и Латвии. В первой из этих стран СССР назвали родиной 35,7% русских респондентов, а во второй — всего 17,8%²³. Но, заметим, все это ответы на закрытые вопросы; когда же людям предлагается высказать свое суждение без «подсказок», то в конце 1990-х гг. у привязанности к «советской родине», как мы увидим ниже, почти не остается шансов.

Два лика русскости

В 1978 г., когда в СССР в социальных и гуманитарных науках господствовал идеологический прессинг, а понятие «советский народ» «подминало» собой все иные возможные категории социальной и этнической самоидентификации, в Колумбийском университете (США) прошел коллоквиум на весьма злободневную для нас сейчас тему: «Современная этническая Россия: свойственен ли ей кризис идентичности?» В тогдашней России, скорее всего, о нем никто не знал, но случилось так, что возникшая дискуссия подняла ключевые для развития постсоветской идентичности вопросы и «нащупала» важнейшие траектории ее динамики (хотя вряд ли участники обсуждения предви-

дели будущий ход событий в мире). Главный спор вышел по следующему поводу: различаются ли этнические самоощущения «ядра» русского этноса — населения, проживающего на основной этнической территории, и так называемой **периферии**, т. е. русских, оказавшихся в результате различных добровольных и вынужденных переселений далеко от «ядра»²⁴, в том числе и в тогдашних союзных республиках.

Участники дискуссии высказали почти противоположные суждения. Так, Раймонд Пирсон (*Raymond Pearson*) утверждал, что «...отдаленность от Родины лишь усиливает национальную [по смыслу — этническую — *H. K.*] идентичность...», поскольку «национальное своеобразие осознается благодаря контакту и соперничеству различных этнических групп, следствием чего является рост чувства национальной идентичности у всех контактирующих»²⁵. По мнению Р. Пирсона, на периферии этническая идентичность «не только не видоизменяется (*altered*) или ослабляется (*loosened*), но, напротив, усиливается (*strengthened*)»²⁶.

Ему противостоял Мэтьюз Павлович (*Matthews Pavlovich*), как оказалось, с пророческой идеей о том, что «русская диаспора находится в процессе обретения собственной идентичности, отличной от той, которая характеризует русских Центральной России», и связано это с оторванностью мигрантов от исторической родины, ослаблением связей с ее культурой и нравами, с одной стороны, и необходимостью приспособиться к новому непривычному окружению, с другой²⁷ и т. д.

Вряд ли можно с достоверностью судить об идентичности русских «ядра» и периферии в советский период, а вот в отношении того, что стало происходить с этническим самоопределением людей после распада СССР, то правыми, хотя и в несколько ином смысловом ракурсе, оказались обе стороны.

Навязываемая сверху интернационалистская идея ушла, и освободившаяся ниша стала заполняться преданностью иным общностям — этнической группе (этническая идентичность) и государству (гражданская лояльность). У разных народов, населяющих бывший СССР, данный процесс протекал по-разному, но, естественно, не минул и самих русских как в России, так и бывших советских республиках. В приложении к ним именно первая сторона динамики идентичности постоянно акцентируется в нашей науке под грифом «интенсивный рост этнического самосознания русских». Только лишь этот лик русскости, обращенный в сторону России (и якобы все более желанный, раз идет «интенсивный рост»), видят перед собой и примордиалисты в науке, и националисты в политике. **Однако у русскости есть и другой лик, обращенный к стране проживания.** На периферии, т. е. в новых независимых государствах, стала все заметнее проявлять себя особая идентичность местных русских и русскоязычных — определим ее как

чувство принадлежности к **локальной (территориальной) этнокультурной общности**. Впрочем, если даже рассматривать первую трактовку как единственно возможную, возникают, на мой взгляд, серьезные «но» и «если».

«Русские». Трансграничная (объединяющая) идентичность

Трудности постижения

В отличие от «советской» идентичности, «русская», безусловно, является **поведенческой** и при этом **дезинтеграционной**. Я согласна с Полом Колсто, для которого культурная идентичность в качестве русских есть ориентация на «внешнюю родину», т. е. Россию²⁸. Хотя опрос, проведенный в относительно стабильный период (1996 г.), показал одинаковую популярность этой опции среди желающих остаться и ориентированных на отъезд, «кризисный» опрос 1998 г. именно у последней группы выявил достаточно заметный всплеск интереса к базовой этнической идентичности (см. табл. 2).

Тут действуют противоречивые взаимозависимости. В целом события в России, за которыми в Киргизии следили очень внимательно, не только политики, но и обычные люди, «работали» на ухудшение имиджа нашей страны и, безусловно, способствовали тому, что «прибыло полку» выбирающих опцию «я никуда не хочу уезжать». А вот теми, кто сохранял настрой на отъезд и не имел возможности осуществить это желание, ухудшение ситуации в России могло трактоваться как дальнейшее уменьшение шансов, и отсюда — актуализация на конкретном временном отрезке своей принадлежности к русским.

Но все же, говоря о поведенческом характере «русской» идентичности, надо иметь в виду неизбежную условность этого определения — в силу природы этничности вообще (чувство принадлежности к этнической группе как бы спит в глубинах сознания и актуализируется, если, конечно, нет стимулирования «сверху», лишь в условиях явного конфликта или угрозы такового), а также в силу свойств самой «русскости», веками формировавшейся в условиях мультикультурного окружения и долголетних русификаторских усилий властей. В данной связи можно выделить количественный и качественный аспекты восприятия этничности — во-первых, сила, острота таких ощущений на стадии «покоя», выхода на уровень углубленной саморефлексии и, далее, принятия решений; во-вторых, расплывчатость границ этнического массива, вызванная явлением, которое Валерий Тишков называет «дрейфом этничности»²⁹.

Таблица 3

Ответы русскоязычных жителей Бишкека на вопрос «Частью какой общности Вы себя считаете, о ком Вы могли бы сказать “мы”, “наши”?» (%)*

Варианты ответов	1996 г. N=304	1998 г. N=325
1. русские	29,6	32,9
2. как и прежде — советский народ	21,1	25,8
3. русские Киргизии	20,1	23,4
4. граждане Киргизии	26,0	24,6
5. семья, родственники	31,6	57,5
6. люди моего поколения	13,1	32,0
7. люди моей профессии, рода занятий	9,5	11,7
8. люди того же достатка, что и я	4,9	9,8
9. другое	2,3	4,0
10. затрудняюсь ответить	3,9	3,4
11. нет ответа	1,0	0,3

* Сумма не равна 100%, поскольку респонденты выбирали несколько подсказок (но не более трех).

Вес этнической компоненты в структуре идентичности — величина непостоянная, ситуативная, поэтому многое зависит от того, как и о чем спрашивать. Так, например, при ответе на простой вопрос: «Кем Вы считаете себя по национальности?», почти все участвующие в опросе «паспортные» русские идентифицировали себя как русских. А вот тех, кто испытывал чувство общности, близости с русскими (и мог выбирать среди многих подсказок), было уже гораздо меньше (см. табл. 2, 3). Замечу в скобках, что в обоих опросах «русские» и «русские Киргизии» вели себя как весьма состоятельные идентичности, встречаясь в паре менее, чем в 10% ответов. Поскольку в таком случае можно допустить суммирование процентов, то по грубой прикидке доля респондентов, которым близки этнические общности, оказывается не многим выше, чем в России (см. результаты опроса в Рыбинске, табл. 1).

А когда люди действуют без всяких подсказок, отвечая на открытые вопросы и объясняя, например, мотивы тех или иных своих решений, они уже очень редко апеллируют к этничности. Такова, например, реакция опрошенных на включенный в анкету 1996 г. вопрос «Собираетесь ли Вы принять гражданство России? Если да, то почему?»

Если нет, то почему?» Среди желающих уехать лишь 11 человек (7,6% от численности группы) объяснили свое желание принять российское гражданство (а по замыслу вопроса, связать свою жизнь с Россией в близком или отдаленном будущем) тем, что «я русский, хочу жить в России», «я же русский», «я русская и горжусь этим», «потому что Россия русская» (почти все высказывания однотипны). Среди желающих остаться таких было всего трое.

В 1998 г. оценка респондентами условий жизни в России и Киргизии и, соответственно, мотивация намерений «уехать» или «остаться» выяснялась методом незаконченного предложения (подр. см. главу 5 разд. I). И опять этноакцентированных аргументов было очень мало, и только у желающих уехать (восемь человек, 4,3% группы):

- *хочу к своим;*
- *мы русские, чужие на этой земле;*
- *Киргизия для киргизов, а Россия для русских;*
- *там бы жили среди своих;*
- *я русская и должна жить в России;*
- *хочу жить среди русских людей;*
- *имею квартиру, работу, друзей, но чувствую себя русской, и т. д.*

Не правильнее ли будет при анализе этнических самооощущений русскоязычных, и прежде всего тех, кто не намерен уезжать, прибегнуть к метафорам «**дремлющая**», «**спелёнутая**» или «**принесенная в жертву**» этничность? Тут было бы уместным привести слова В. Тишкова о том, что «на индивидуальном уровне этническая солидарность крайне эфемерна... Гораздо более вероятно, что подавляющее большинство членов группы ложится спать и встает не с вопросами — “кто мы?” — русские, татары, чуваша или чеченцы, если, конечно, на их дома не падают бомбы по причине именно подобных вопросов»³⁰.

Важно и то, что массив людей, для которых формальная (паспортная) идентичность совпадает с их внутренним самооощущением, окружен слоем колеблющихся, пересматривающих (или пересмотревших) мнение о своей этнической принадлежности. Видимо, величина этого слоя достаточно стабильна при использовании выборок, отражающих национальную структуру генеральной совокупности. В моих опросах таких «колеблющихся» было примерно 10%, и в обоих случаях самая большая группа этнических несоответствий, примерно их половина, расширяла массив считающих себя русскими (т. е. работала на «вход»)³¹. В основном речь шла о «паспортных» украинцах («я русский украинского происхождения»); в единичных случаях — о немцах и белорусах. Меньше было несоответствий, работающих на «выход» — «паспортные» русские считали себя евреями, полькой, татаркой, немкой. Возможно, если бы прицельно изучались другие этнические

группы, скажем, евреи или немцы, не только стремящиеся преодолеть последствия русификации, но и имеющие сугубо прагматические причины для пересмотра прежней формальной идентичности, больше было бы именно «выходов».

Подвижность и ситуативность границ русскости, особенно в условиях поликультурного окружения, типичного для существования русских на «имперской» периферии, проявляется в колебаниях людей, доподлинно знающих, что стояло в графе «национальность» в паспортах их родителей и/или дедушек и бабушек:

«Дело в том, что, понимаешь, как... ну, как объяснить? Ну, чисто русских — мы все записаны русскими — чистых русских, как бы... не было, по сути своей кто-то мама, кто-то папа. А кем были? Комбинацией наций. Ну, в общем они считались русскими, русскоязычными, так скажем...»³².

Важно и просто само ощущение родства со многими народами, пусть никак не зафиксированное документально. Интересное письмо от двух русских жителей Казахстана, почти крик души, в котором идея СССР как плавильного котла подана как личностное переживание, появилось в газете «Азия» в 1992 г. Это ответ авторов на шовинистически-националистические призывы российских «державников» приступить к вооруженной защите «русского народа»:

«В центральных регионах страны многие убеждены, что на “периферии” русские, во-первых, категорически отделены от нерусских, а во-вторых, “противостоят” им чуть ли не из последних сил. Это вздорный и опасный миф. Мифично и убеждение, что в многонациональных “коктейлях” именно национальность чаще всего определяет отношения между людьми. Бывает, конечно, что и определяет: “державники” есть везде. Но подавляющая часть народа в любом регионе сохранила здравый смысл: если человек нужен, полезен окружающим, его уважают и ценят независимо от национальности. Третий миф — отождествление национальности **только** с этническим происхождением. Этнос — категория биогенетическая, национальность — социокультурная. Обе они непрерывно формируются и непрерывно же трансформируются... Подобно США, столь же мощной плавильной печью является и наша страна. Сегодня даже в семьях переплелись иногда десятки этносов. Вот уж чем не может похвалиться русский народ, так это “чистотой крови”. Как, впрочем, и любой другой... У первого из авторов достоверны русские, украинские и польские предки. Практически несомненны тюркские корни... Второй по одной из линий восходит к известному историку А. Соловьеву, а по другой — к “неподлеглим” польским шляхтичам... Наши дети, благодаря своим матерям, найдут в себе и многие другие корни — от калмыцких до китайских. Только наши ближайшие родственники родились, жили или живут практически на всем про-

странстве страны. Более дальние — от Исландии до Австралии... И это **нам** предлагается “собрание сил во всех республиках”? Это **мы** должны засвидетельствовать свой патриотизм в составе “казачьих дружин”? Это **нас** пугают “беспощадным геноцидом”?.. Мы и есть подлинные русские. Как и миллионы других, мы жили и намерены жить дальше в мире со всеми, кто нас окружает [выделено авторами статьи. — *Н. К.*]»³³.

Даже это краткое и не полное перечисление ситуаций, при которой этничность ведет себя «нестандартно» с точки зрения примордиального подхода, подрывает аксиоматичность идеи о том, что «соотечественники» остро переживают свою этническую принадлежность (читай: русскость), и процесс идет по нарастающей. Эту позицию пытаются обосновать, в частности, Сергей Савоскул в своей книге, выгодно отличающейся от предшествующих наличием специальных глав, посвященных идентичности. Он пишет: «...с распадом единого союзного государства и суверенизацией бывших союзных республик, все важнейшие стороны самосознания русских (и особенно в новом зарубежье) переживают кризис [книга опубликована в 2001 г.! — *Н. К.*]. Одним из его признаков стало то, что в период перед распадом СССР и в постсоветские годы в самосознании русских стала интенсивно расти этническая составляющая»³⁴. И далее: «Для русского населения республик Центральной Азии, как и других стран нового российского зарубежья, характерен высокий уровень этнического самосознания. Подавляющее большинство (более $\frac{4}{5}$) опрошенных русских в Киргизии ответили, что испытывают родственное чувство к людям своей национальности. Противоположный ответ дало весьма незначительное меньшинство, а около $\frac{1}{10}$ затруднились ответить на этот вопрос»³⁵.

Здесь мы видим все то же традиционное для российской науки узкое понимание этничности «русских» как ориентацию лишь на материнский этнос. Однако конкретная аргументация, на мой взгляд, слабовата. В частности, вопрос, на который ссылается С. Савоскул, сформулирован как риторический, с заранее запрограммированным ответом: «Роднит ли Вас что-то с людьми Вашей национальности?» («да», «нет», затрудняюсь ответить») ³⁶. Но что доказывает этот результат? Совершенно очевидно, что почти каждого человека «что-то», да роднит с членами своей этнической группы, тем более, что выразить отношение к другим потенциально близким общностям, в том числе и этнокультурным, опрошенным не предлагалось. Если такой шанс появляется (а у моих респондентов он был), результат далеко не столь однозначен. Уже одно это, кстати, говорит о возможности различного восприятия формулы «люди Вашей национальности» — совсем не таком одномерном, как у составителей анкет.

И далее, продолжает С. Савоскул мысль о «родственных чувствах», «для этнической идентификации русского населения Киргизии ха-

рактерно также гораздо более широкое, чем у русского населения ряда обследованных нами стран нового зарубежья, представление о своем полном тождестве с русским населением России. Свое отличие от последнего видели около $\frac{1}{3}$ русских Киргизии»³⁷. Как будто существует некая норма, эталон — на кого русские в республиках должны быть похожи, и чем сильнее, тем лучше. А я бы эти данные «подала» иным образом: **целая треть** русских Киргизии осознавала свое отличие от русских «материка» еще практически в советское время (напомню, ссылается С. Савоскул на опрос 1992 г.), до того, как бурные события 1990-х гг. еще больше обострили чувство особости по отношению к последним.

Не приведены в анализируемой работе и эмпирические доказательства «интенсивного роста». Остается также открытым вопрос о том, в какой степени актуализация «русскости» (а для части русскоязычных она, безусловно, имела место) является отражением тенденций, типичных для всех жителей бывшего СССР, включая россиян, освободившихся от навязываемых системой общенациональных лояльностей, а в какой она вызвана спецификой положения русскоязычных в бывших советских республиках. Сошлюсь в этой связи на результаты одного из общероссийских опросов (1998 г.), который показал, что с «людьми той же национальности» «часто» испытывают чувство общности 45,4% россиян, «иногда» — 42,1%, а «практически никогда» — 11,6% (респондентам предлагался очень широкий выбор подсказок, включающий различные общности, но лишь одну — этническую)³⁸.

Пересечение идентичностей — «русскокультурные»

Вынуждена признаться, что с позиций сегодняшнего видения проблемы список опций в дважды использованном мной вопросе о параметрах идентичности (о «своих» общностях) выглядит явно неполным. Хотя в анкете отсутствовали опции «русскокультурные» и «жители Киргизии», анализ эмпирического материала, а также изучение литературы позволяют считать достаточно достоверной гипотезу о том, что речь идет не о маргинальных, а о массовых ментальных комплексах.

В «развертках» русской идентичности присутствуют как жесткие, чисто этнические элементы (в примордиальном смысле), так и мягкие — эмоциональные и культурно-лингвистические³⁹. Хочу обратить особое внимание на последние из них. Именно на этом пространстве русская идентичность пересекается с так называемой **русскокультурностью, центростремительной, интеграционной** идентичностью, которую разделяют люди (не только русские), приверженные определенной

культуре и не стремящиеся уезжать, пока сохраняется желаемая и наиболее комфортная для них культурная среда⁴⁰. Россия же выступает в данном случае не как территория этнического исхода, которая когда-то «отпустила», а теперь должна (и готова) «принять обратно», а как создатель и гарант сохранения единого культурного пространства (по выражению Сергея Градировского, «связки цивилизационных платформ»). И тут можно высказать предположение о том, что в первую очередь «остающиеся» воспринимают русскость именно в таком свете.

В данной связи интересны размышления В. Потоцкого в ответ на мой вопрос о том, значим ли для русских Киргизии фактор оторванности от России (4.10.96):

«Мне кажется, нет. Около 60% всех русских, которые здесь живут, это коренные кыргызстанцы. У них где-то третье, четвертое, пятое и даже больше поколений живут, у них здесь родственники похоронены и т. д., и, понимаете, есть такой фактор природный, они уже не воспринимают российскую природу и климат как родные. Это первое. Второе — культурная оторванность. Вот если бы российское телевидение и радио резко оборвали трансляцию на республики, то тогда бы этот фактор начал работать. А поскольку эти традиции, благодаря великолепным нашим телеведущим и журналистам, продолжают как бы, то все живут в том же самом русле культурном, в котором жили раньше. Но если оборвут, будет резкая обособленность. Потому что это чувство приобщенности к какой-то общей культуре, русской культуре чрезвычайно развито. Но чувство этнической родины мало у кого развито так уж остро».

«Русскокультурная» идентичность отличается тем, что в ней сравнительно легко вычлениается **рациональный компонент, поддающийся конструированию «сверху»**, т. е. ее легко можно заставить «работать». Во-первых, она раздвигает рамки ингруппы, объединяя под своим крылом не только «чисто русских» или «сомневающихся» русских, но и «европейцев», являющихся частью русскоязычного сообщества, и, в определенных условиях, даже представителей коренных для региона этнических групп, ориентированных на русскую культуру (включая и титульные). **Пространство для диалога и консолидации таким образом существенно расширяется**, равно как возрастает число союзников русских в их отстаивании своих культурных и языковых потребностей.

Во-вторых, в «русскокультурности» заложена идея о том, какой может и должна быть миссия ориентированных на Россию, но не желающих уезжать «соотечественников» — миссия, плодотворная и для них самих, и для исторической родины. Эта мысль очень выразительно сформулирована С. Градировским: «И совсем по-другому поведут себя русские ближнего зарубежья, когда авторитетный голос из России скажет, что их задача — не в разрушении “приютивших” их государств,

а в “продвижении” русского духовного и технологического продукта как части комплиментарной политики России ближайшего времени. Скажет, что задача таких пространств совместного проживания — обеспечить контакт России с граничащими с ней цивилизационными платформами... И тогда желание русских ужиться, найти общий язык станет не следствием страха перед межнациональным конфликтом, не элементарным требованием выживания во “враждебной среде”, но нравственным, осозанным, признанным Родиной трудом»⁴¹.

«Русские Киргизии». Локальная (разделяющая) идентичность

Данная идентичность наиболее сложна по своей структуре. Она многослойна и, как мне представляется, образует разными своими сегментами зоны пересечения с другими лояльностями, которые, с одной стороны, расширяют границы общности «свои», «наши» до русскоязычных всего ближнего зарубежья (русскокультурные), а с другой, сужают до земляков, жителей родного города или поселка.

С чего начинается родина?

Первая составляющая этой идентичности — **эмоциональная**. Здесь «сидят» чувства, которые люди обычно испытывают по отношению к родине, родной земле, дому, очагу и т. д. Начав ездить в Киргизию в 1992 г., я уже тогда поняла, а позже не раз в этом убеждалась, что, несмотря на «бурю и натиск» выталкивающих факторов первой половины 1990-х гг., не Россию, а именно Киргизию большинство русскоязычных считали своей родиной (впрочем, пример Киргизии не является уникальным на фоне других постсоветских стран). В течение нескольких тяжелых лет произошла перестройка ориентиров, и место «большой», одной на всех и во многих отношениях официальной родины — СССР, постепенно заняла страна проживания, воспринимавшаяся раньше не как что-то менее значительное, а просто другое, личностное, ставшее привычным атрибутом жизни и/или окрашенное в теплые тона собственного опыта и собственных воспоминаний.

Конечно, все было непросто, и реакции респондентов тех переходных лет отражают и спокойную уверенность, и смятение, и попытку заглянуть в пугающее будущее. Во время интервьюирования в 1994 г. русскоязычных жителей Киргизии (в Бишкеке и селах Иссык-Кульской области) им задавался вопрос о том, сочли бы они переезд в Россию (в случае такового) возвращением на родину. Большая часть

(около 60%) ответили «нет», около 20 — «да» и 18% не знали, что ответить. Вот некоторые комментарии к каждой из трех позиций:

— *нет, если иметь в виду тягу на родину;*
— *родина там, где родился и вырос;*
— *всю жизнь прожила, другого не знаю, родина — Киргизия;*
— *нет, исхожу из того, что не придется уезжать;*
— *родина — здесь, переезд будет от безысходности;*
— *это бегство отсюда, скорее бегство на вторую родину; где один русский — там и Россия;*

— *да, считаю, что здесь жизни не будет;*
— *не нравится язык и не нравилось в Киргизии;*
— *да, хотя на Россию не надеемся, ей не до нас;*
— *раньше об этом не думала, наверное, да; для русских Россия должна быть родина, для киргизов — Киргизия;*

— *надо там побывать, там пожить...;*
— *не знаю, родители здесь похоронены, очень трудно их здесь оставить;*
— *родина там, где тебя ждут, где ты себя чувствуешь человеком; СССР до сих пор родина по большому счету;*
— *родина там, где родился; если мы уедем и я там хорошо устроюсь — я отвечу по-другому, будет вторая родина.*

Аналогичным образом реагировали на данный вопрос и вынужденные переселенцы в Орловской области: около четверти из 106 проинтервьюированных сказали, что считают переезд возвращением на родину, свыше 60% ответили отрицательно, остальные пребывали на этот счет в сомнениях. Большинство свободных комментариев касались именно чувств к стране выезда, хотя и попадались единичные высказывания о Советском Союзе как о родине:

— *Узбекистан — родина; я без Горбачева Россию не знала и знать не хотела, жили очень хорошо, богато;*

— *выросла там, родина там; хотя и здесь привыкла, тянет назад, там жили лучше;*

— *мы выросли там, и Россия для меня — совсем чужое, хотя и люди русские;*

— *что бы ни было в Таджикистане, будем считать его родиной и будем жить этими воспоминаниями;*

— *никогда Россия моей родиной не будет; Ваша родина, может быть, Москва, а я как могу сказать, что она родина? Вот для Люси [внучка. — Н. К.] Россия будет родина;*

— *разве что наши родители из России; родина наша там, это там, где мы родились; мы здесь не жили и сейчас не живем, существуем;*

— если я там родился, вырос, а здесь никогда не был — какая она мне родина?

— Узбекистан для меня — это родина; здесь я немножко только помню озера; сколько ни приезжал в Россию — очень не нравилось, кругом все пьют... Узбекистан — самое нормальное государство, век бы там жил;

— ну какая это мне родина? Теперь будет родина, но привыкнуть не могу, сны снятся про жизнь там, но воевать пойду за Россию против Узбекистана;

— «езжай в свою Россию», а моя Россия там была!

— я и не думал, что покинул родину; у меня ностальгия по СССР, я ему присягу давал в армии;

— мы с родины не уезжали, наша родина — СССР;

— не знаешь, как и ответить, ведь был Советский Союз.

Эмоциональный «градус» высказываний переселенцев, пронизанных ностальгией, в целом ощутимо выше, чем у жителей Киргизии, которые никуда не уезжали. До сих пор помню двух женщин, вырвавшихся из воюющего Таджикистана, и слезы у них на глазах, когда они рассказывали о своей родине:

«Я попала в то место в детстве, совершенно случайно, и сколько я там ни жила, мне оно не нравилось; но когда все начало рушиться, я поняла, что это и была моя настоящая родина...».

И еще, о Пяндже:

«Вы спрашиваете, чем мне нравится Таджикистан и мой город? Там, собственно, нечему было нравиться, обычный провинциальный городок, зажатый горами, жара, нечем дышать... но для нас это был дом, наша родина, где мы знали каждое дерево, каждый арык...».

Валентина Грищенко приводит похожие в количественном плане данные по Волгоградской и Саратовской областям. На вопрос: «Чем является для Вас республика, где Вы жили?», 69% опрошенных ею переселенцев ответили: «моей настоящей родиной»⁴².

Правда, на мой взгляд, нельзя исключить, что сам факт расставания с прошлой жизнью и печально известное российское «гостеприимство» могли несколько «сместить» симпатии мигрантов, в особенности тех, кто изначально был ориентирован на Россию (это видно и по некоторым комментариям моих орловских собеседников):

— теперь Казахстан уже не считаю родиной, туда уже не вернешься; теперь уже здесь наша родина, и вообще — где эта родина? Было все единое, и все резко разрушили!

— да какая она мне Родина? Образ жизни другой, люди другие;

- *родина слишком уж неласковая;*
- *мачеха, а не родина;*
- *и да, и нет; думали о переезде, еще когда все было хорошо; хотела к своим, русским, но меня встретили враждебно;*
- *душевно я здесь не чувствую родину; мы здесь не чувствуем себя на родине;*
- *у меня ощущение, что я в командировке;*
- *хотелось бы считать, что да, но это не родина, родина так не принимает;*
- *когда я ехала, считала так, а теперь нет; не знаю, где мой дом, родина — скорее Казахстан.*

Определив во время своих первых поездок в Киргизию основной вектор представлений о родине, я больше не включала в анкету прямых вопросов, затрагивающих этот аспект идентичности. А вот Лоуэлл Баррингтон (*Lowell Barrington*), который задал этот вопрос в открытой форме, получил вполне однозначный результат по всем четырем странам СНГ, где в 1998 г. проходило его обследование (данные по Киргизии представлены в табл. 4).

Ответы русских в других странах выявили те же предпочтения. Так, в Казахстане большинство респондентов (52,1%) именно его назвали своей родиной (57,7% вместе с теми, кто отметил определенный

Таблица 4

Ответы русских Киргизии на вопрос: «Скажите, пожалуйста, что Вы считаете своей родиной?» (N=689) *

Ответы	%	Ответы	%
Киргизия	57,8	Украина	0,6
Киргизия и город в ней	0,7	Ничего не считаю	1,0
Город в Киргизии	2,3	«Где дела идут хорошо»	0,3
Россия	18,0	«Где я родился (родилась)»	2,6
Российский город	0,7	«Где я живу»	2,5
Российский регион	1,4	Другое	3,3
Казахстан	3,2	Затр. ответить	0,3
СССР/бывший СССР	4,1	Нет ответа	1,0

* Источник: *Barrington L. Rethinking the Triadic Nexus: External National Homelands, International Organizations and Ethnic Relations in the Former Soviet Union. A paper prepared for the 1999 Annual Convention of the Association for the Study of Nationalities. New York, April 15–17, 1999. P. 34.*

город); Россию считали родиной 18,2% и, наконец, СССР был назван лишь 3,9% опрошенных. Для русских Белоруссии, по понятным причинам, Россия не сильно отстала от страны проживания по популярности — Белоруссию назвали родиной 29,6% опрошенных, вместе с указавшими город или район их было уже 42%; Россию же упомянули 21,2%, но 35,6% вместе с проявившими локальные предпочтения. А Украина ближе к среднеазиатской компании: ее назвали своей родиной 42,5% респондентов плюс 3,1% — Крым, а Россию — 18,4%. Правда, Украина несколько выбилась из ряда по советским ориентациям — 16% опрошенных здесь считали родиной СССР, тогда как в Белоруссии — 6,3%⁴³.

Таким образом, явно просматривается следующая тенденция: доля считающих своей родиной (а это, не будем забывать, не пустой звук, а комплекс глубоких переживаний и привязанностей) именно Россию, колеблется вокруг отметки в 20%, тогда как страну проживания воспринимает таковой в два, а в Центральной Азии в три раза больше людей. Ко второй половине 1990-х гг. очевидным стало также затухание ориентаций на СССР и схождение к минимуму процента сомневающихся, не сделавших свой выбор.

Но вернемся в Киргизию. Теплое отношение к ней как к «своей» стране порождено для разных людей, естественно, их особыми жизненными обстоятельствами, индивидуальным опытом и складом характера, но анализ интервью позволяет выделить ряд общих притягательных моментов. Среди них необыкновенная красота природы и в первую очередь специфика Киргизии как горной страны; особый круг общения, причем, как подчеркивалось, многонациональный; характер населяющих ее людей и, наконец, общечеловеческое — прожитая жизнь, воспоминания детства и юности, родные могилы, т. е. все то, что стоит за словами «здесь мой дом, мои корни». Наиболее проникновенные слова я слышала из уст тех людей, которые уехали в Россию, но вернулись, и это вполне понятно. Однако и никуда не уезжавшие тепло говорили о своем отношении к Киргизии. Приведу несколько фрагментов интервью, иллюстрирующих сказанное.

Марина, вернулась из России, объясняет, как было принято такое решение:

«Н. Все-таки вернемся к моменту, который Вас вытолкнул, ведь в миграции есть факторы выталкивания и притяжения; иногда они действуют вместе, иногда один сильнее действует... Причина возвращения сюда — это была работа?» [предложение перспективной работы в Бишкеке. — Н. К.]

М. Работа была уже последней каплей этой чаши; когда уже выяснилось, что работа будет, это было уже последней... вообще последний

год у нас был такой, на каком-то таком... несмотря на то, что была работа замечательная и все остальное, постоянно вспоминалась та ночь, темная, азиатская... знаете, приезжаешь в отпуск, вечером посидел, вышел вот на этот балкон, а здесь у нас такая форточка, и сбоку ветерок дул такой шикарный-шикарный... азиатская ночь — по запахам она [смеется] — это что-то... вот когда мы вышли вдвоем [втягивает носом воздух] о-о-ой... вот в этом вздохе решилось все в последний год; когда мы приехали в последний раз [в отпуск. — Н. К.], мы начали подумывать о том, а не вернуться ли нам?

Н. Независимо от того, что в России все было достаточно благополучно?

М. Независимо. Настолько это, видимо... <неразб.> [молчит]... мы здесь и выросли, не знаю... все-таки у меня и детство счастливое здесь было, и юность была счастливая, вся молодость — в разъездах, фестивалях, и все остальное — настолько это было здорово; в общем, даже не знаю, как объяснить... вот с этой работой — это было дополнением маленьким к тому, что мы уже внутренне были готовы вернуться».

Юрий размышляет о том, почему он и его семья все-таки не уехали из Киргизии в период массовых миграций:

«Ю. Как-то мы этого избежали. Мы уже не жили так компактно, родители отдельно жили, я отдельно, сестра отдельно... если бы мы все сидели в одном доме... хотя были такие разговоры — может, поедем? Я так подумывал тоже — не хочется уезжать, не хочется...

Н. А у отца, видимо, корни украинские, а не российские? Он украинец?

Ю. Украинец.

Н. А родственники на Украине есть?

Ю. Есть.

Н. То есть это был вариант?

Ю. Да, даже есть родственники, которые вернулись туда, ну не в это время, а в 80-е годы. Братья есть, и в России есть брат. То есть завязки есть... завязки есть и в ученом мире... Если бы он сильно захотел и начал действовать, то, конечно, мы бы уехали. Не захотел... Он, как патриарх, нас поднял бы, возможно, но просто он не собирался этого делать, и мы тоже не собирались...

Н. А Вы могли бы сходу ответить на такой простенький вопрос — чем Вам нравится Киргизия? Это вопрос из моей анкеты, и люди отвечают по-разному...

Ю. Ну, во-первых, нравится природой, все рядом, все на месте; есть и Иссык-Куль, есть и горы, есть и разные природные зоны, есть все что угодно. Тем более я с этой природой общался с самого детства, лет с четырех по экспедициям мотался... я что могу вспомнить — что зайца мог поймать, и оленя на природе, и волков слышал и видел издалека, то есть

все... такие яркие переживания детства, и не только, не только детства... у меня масса друзей среди киргизов всегда было...

Н. *Несмотря на русскую школу?*

Ю. *Да, там же тоже они были... и особых таких противоречий ментальных у меня с ними не было никогда. Я, наоборот, всячески их поддерживал, и они меня поддерживали, то есть ни в каких расовых, межэтнических конфликтах я никогда не участвовал. Скажем так — в моей среде они практически не встречались.*

Н. *Вы имеете в виду — в научно-студенческой?*

Ю. *Со школьных лет, это то, с чем я рос...*

Н. *И потом тоже?*

Ю. *Фактически да. Видите ли, видимо, особенность именно в том, что я привык общаться с этими людьми, я с ними постоянно общался...».*

Вера (случай, который рассматривался в главе о возвратной миграции), сравнивает своих братьев в их отношении к Киргизии:

В. *Ну, вот младший, ему было пять лет, он уже не помнит скорее всего, как он здесь жил, он даже приобрел черты характера, менталитета, образ мышления именно тот вот, которым живут там люди [в России. — Н. К.]. Он знает, конечно, что он уроженец, здесь, но его сюда не тянет, не привлекает. Старший брат, мне он младший, но из двух старший, он на два года младше меня, он попал в армию, на далекий север, к финнам туда, и он сделал все возможное, чтобы не вернуться в... [место, где респондентка и ее семья жили в России после переезда. — Н. К.]. Он там остался на сверхсрочную, там женился и там получил квартиру. Долгое время тоже страдал, переписывался со своими друзьями, но раз там женился, там уже семью завел... Ну как, я не скажу, что он не переживает, он в душе испытывает огромное чувство ностальгии по этим местам. Когда он в гости приезжает, мы с ним разговариваем... даже на уровне 8 класса, ему было 15 лет [когда его увезли в Россию. — Н. К.], он говорит — как только появляется в их части или городе человек, который из Средней Азии приезжает, он говорит — разговоров не оберешься, об этих традициях, об этом всем, что здесь есть, что близко душе, сердцу...*

Н. *Из Средней Азии или из Киргизии?*

В. *Из Киргизии, из Казахстана, то, что ближе все-таки. Вот из Алма-Аты, он рассказывал, был у них лучший друг, потом из Киргизии тоже очень много, из Узбекистана один тоже».*

И далее о себе в этом контексте:

В. *А для меня вот лично... Я была и в Казахстане, в гости как-то приезжала, мамин брат младший (или старший, теперь уже не помню), жил какое-то время на целине, вот здесь в Казахстане... Я видела Казах-*

стан, в Узбекистане не была, не могу сказать. Мне нравится Киргизия... Я в другом месте не хочу жить [очень прочувствованно].

Н. А как Вы воспринимаете Киргизию?

В. Как что-то свое родное и близкое. Я не знаю, как это объяснить...».

Она же, о привычном многонациональном круге общения:

«Н. А то, что стало меньше русских, это Вас...

В. Нет, Вы знаете, я не комплекую нисколько. Я же общалась... Меня очень хорошо <неразб.> в школе, без проблем... может быть, если бы я столкнулась с чем-то негативным, я бы подумала об этом.

Н. А в школе какие учителя?

В. Разные, и татарки, и киргизы, все нормально... Я не знаю, как у меня сложатся сейчас отношения с учениками...

Н. Они тоже разных национальностей?

В. И киргизы, и русские, и татары, все есть... Как и я в школе в свое время училась... Нормально, я жила здесь, я знаю, что это такое, я знаю, как с ними общаться. Я понимаю, что человеку, выросшему все время в России, кому-то другому, вот приехать сюда, здесь много чего странным покажется, но раз я здесь родилась, выросла, все это знаю и это приемлю...».

Мнение одного из экспертов об отношении русских к Киргизии:

«С. А если о Киргизии, Вы же посмотрите на эту землю; мы же к ней привыкли, мы же ее знаем, особенно я как археолог — я же во всех уголках побывал; нет такого места, где бы я не был, совершенно; особенно, когда я делал археологическую карту Киргизии, я вынужден был исследовать, и делал эту карту на совесть. Я люблю эту землю по-настоящему, и людей люблю. Как и у любой национальности, бывают и негодяи, и подлецы, но в основном-то посмотрите, народ какой хороший — чистый, с чистой душой, с открытой душой, с открытым сердцем.

Н. Как Вы считаете, многие русские разделяют эту Вашу оценку?

С. Я не знаю, какой процент русских разделяет, но... [пауза].

Н. Ну, точную оценку никто не может назвать, но Вы не чувствуете себя исключением?

С. Конечно, нет».

Александр делится своими впечатлениями от давней, еще в советское время, командировки в Россию и поневоле переходит к сравнениям:

«Был я в 1986 году в России: Иваново, Рязань, командировка от завода на месяц. Посмотрел глубинную Россию — ездил на автобусе... посмотрел, поулыбался... грязь, деревянные тротуары, никогда не видел такие деревенские дома... как раз подумал тогда, что там можно кино снимать

про дореволюционную Россию. Подошел к бабке, которая торговала мочеными яблоками, а я был хорошо одет, в модной японской куртке, так она меня за иностранца приняла, хорошо говорящего по-русски. И я действительно почувствовал себя иностранцем. В Иванове, в троллейбусе, я это на всю жизнь запомнил, две женщины, хорошо одетые, городские, не пьяные, и матом, и матом... Вот, думаю, вы тут и не знаете, что это за Бишкек такой, но у нас такого не бывает... [задумчиво]. Я, может быть, патриот, у меня здесь горы, и Иссык-Куль, нету гор кругом в России, не чувствую себя дома... Может быть, так сильно привык к этому? В Ташкент из командировки прилетел — уже дома, привык я в Азии здесь...».

Интервью, которые проходили, как правило, в доверительной обстановке, естественно, располагали к проявлениям эмоций. Однако представление о Киргизии как о родине и, шире, демонстрация привязанности к ней неизменно присутствовали и в ответах на открытые вопросы анкеты, но в более спокойной и лапидарной форме. И тут, учитывая характер вопросов, аргументу родины приходилось выдерживать сильную конкуренцию с другими соображениями, и чаще это происходило у тех респондентов, кто «никуда не хотел уезжать».

При ответе на вопрос «Чем Вам нравится Киргизия?» такими «конкурентами» были «теплый климат», «горы», «красота природы» и т. п., а также, в первую очередь у остающихся, различные рациональные соображения (стабильная социально-политическая обстановка, особый круг общения, наличие хороших людей и т. д.). И все же в 1996 г. 12% женщин и 19% мужчин (желающих уехать) Киргизия нравилась тем, что это родина, родной дом, место, где родился; среди желающих остаться таких было, соответственно, 37,5% и 22%. Похожей была картина и в 1998 г. — родиной Киргизию (в различных вариациях) указали 23% женщин и 19% мужчин (нацеленных на отъезд) и, соответственно, 36% и 29% из тех, кто собирался остаться. В последней группе ответы были более разнообразны и проникновенны:

— а можно говорить, чем нравится то место, где ты родился? Да оно нравится всем;

— это моя родина, моя земля;

— тем, чем нравится родина;

— я родилась здесь и безумно люблю эту страну;

— чем может нравиться дом родной?

— говорят, что родину не выбирают;

— это моя родина, я ее люблю, здесь все родное и близкое, и пр.

Реакции на незаконченное предложение «Я не хочу уезжать из Киргизии, потому что...» и «Я хотел(а) бы уехать из Киргизии, потому что...» еще более рельефны. В ответах остающихся тема родины при-

сутствует практически на равных с другими проявлениями эмоциональной привязанности к своей стране, а также с разного рода прагматическими соображениями⁴⁴. На этом примере хорошо виден **поведенческий характер** рассматриваемой идентичности. Но с точки зрения **интеграционности** она амбивалентна — для желающих уехать выталкивающие обстоятельства и/или притяжение России перевешивают чувства к стране проживания, а для остающихся — наоборот.

Симптоматично, что характер притяжения России совершенно иной, нежели Киргизии — наряду с фактором родственников, доминируют экономические и иные практические соображения (Россия как страна с большими социальными перспективами), а **мотив возвращения на родину, «свою» этническую территорию выражен крайне слабо**. Об этом упомянули лишь восемь человек, вдобавок к еще восьми тем, кто акцентировал свою русскость (см. выше):

- *одолевает ностальгия и хочется покоя;*
- *сам из России, бывает ностальгия;*
- *хотел бы жить на родине;*
- *мои предки жили в России;*
- *хочу жить в России;*
- *с возрастом тянет на родину;*
- *на родину;*
- *хочу активно участвовать в судьбе, благе и славе моего отечества — России, именно России и только России*⁴⁵.

С учетом всего сказанного «повисает в воздухе» утверждение Г. Витковской о том, что «у многих представителей нетитульного населения новых независимых государств оказалось разрушенным представление о родине». Напомним, что это было написано не в 1992–1993 гг., в 1999 г.! Таков один из аргументов, приводимых ею в обоснование той мысли, что утрата прежних идентификаций у русскоязычных не сопровождалась обретением новых. В основе рассуждений автора — несокрушимая уверенность в том, что родиной для русских, если уж исчез СССР, может быть только Россия. Третьего не дано! А раз Россия далеко... Подобный ход мыслей, приписываемый русскоязычным, порождает неоправданную драматизацию в оценках: «Родиной была единая большая страна, уже не существующая. А по отношению к своей исторической или этнической родине они оказались эмигрантами. В результате — ностальгия, сильный психологический дискомфорт»⁴⁶.

Такая позиция, разделяемая многими политиками, журналистами и вообще плохо знакомой с реальной ситуацией «общественностью», питается не только идеологическими пристрастиями и интуитивными представлениями о том, как «нужно и должно» вести себя русскоязычным, но и имеющимся эмпирическим материалом. Позволю себе

высказать предположение, что заметную роль тут могла сыграть написанная по результатам обширного обследования книга Надежды Лебедевой, известного специалиста в своей области.

При чтении этой книги возникает твердая уверенность, что русские почти во всех семи новых независимых государствах чувствуют тесную эмоциональную связь прежде всего с Россией. Вот, например, некоторые из выводов по отдельным странам: «у русских в Казахстане довольно сильно выражена эмоциональная идентификация с Россией и русским этносом», «в восприятии большинства наших респондентов Казахстан — это место их проживания, без эмоциональной и оценочной идентификации»; «у русских в Узбекистане довольно сильно выражено эмоциональное отчуждение от России», но еще об Узбекистане — «и здесь мы не видим тесной эмоциональной идентификации со страной проживания»; для русских в Эстонии «“настоящая родина” — все-таки больше Россия»; о русских в Литве — похоже, что “настоящая родина” все-таки больше Россия»; в Армении «преобладает восприятие России как настоящей родины, родины предков и земли, которая “не ждет”»; даже на Украине, «...несмотря на то, что примерно для половины наших респондентов Россия — настоящая родина, преобладает все же некая “историческая” соотнесенность с ней, в то время как в восприятии Украины, несмотря также на большой процент тех, для кого она — настоящая родина, преобладает нейтрально оценочное восприятие ее “местом, где живу”»⁴⁷. Лишь Азербайджан выпадает из ряда — его «...воспринимают своей “настоящей родиной” вдвое большее количество наших респондентов, чем Россию»⁴⁸.

Итак, «кого ж любить, кому же верить?» Мой ответ таков — при внимательном чтении монографии Н. Лебедевой, особенно при тщательном знакомстве с ее методологическими приемами, становится ясно, что выводы автора относительно родины (впрочем, как и ряд других) никак не могут быть распространены на все русскоязычное население изучаемых стран.

Дистанцируясь на словах от непродуктивных, с ее точки зрения, и искажающих реальность «закрытых» социологических методик, Н. Лебедева временами пользуется ими весьма активно, причем как самый убежденный социолог-количественник — выборка, закрытые вопросы, явно отражающие симпатии автора и не оставляющие респонденту даже лазейки в виде опции «другое»; подсчет процентов и далее обобщения — «у русских в Казахстане», «у русских в Узбекистане» и т. д. Респондентам пришлось отвечать на несколько поставленных в «лоб» вопросов, затрагивающих весьма тонкие сферы человеческих переживаний и *a priori* предполагающих обостренное восприятие ими своей этнической принадлежности («Что значит для Вас быть русским?», «Что для Вас Россия?», «Что поможет русским в... оставаться

русскими?» и пр.), и на полученной таким способом информации базируется немалая часть выводов автора.

Если говорить конкретно об интересующих меня вопросах, касающихся отношения к России и к стране проживания, они носили в немалой степени провоцирующий характер. В первом случае, когда речь шла о России, из пяти предлагаемых подсказок четыре было позитивными («моя настоящая родина», «родина моих предков», «отчий дом, куда я могу вернуться», «сильное государство, способное меня защитить») и лишь одна — негативной («земля, где меня никто не ждет»). Когда же ставился вопрос «Что для Вас Узбекистан (Эстония, Армения и т. д.)?», из пяти закрытий лишь два были позитивными («моя настоящая родина», «родина моих предков»), одно — нейтральным, подразумевающим отсутствие каких-либо эмоций («место, где я живу» — интересно, разве Россия не может быть просто «местом, где я буду жить?»), а два — негативными («земля, откуда меня гонят», «место, где я не чувствую себя в безопасности»). Почему-то респондентам в Казахстане вопрос о России предлагался с семью подсказками, что затрудняет сравнение с остальными странами, и две новые были также позитивными («надежда на будущее», «место, где я могу быть равным среди равных»). Опять же, дополнительное закрытие при выяснении отношения к Казахстану ничего не меняло в этом смещенном «раскладе» — «земля, которую я покидаю».

Симптоматично, что респонденты в некоторых случаях, например, в Эстонии, сами начали добавлять «позитив» в набор характеристик своих стран (под рубрикой «другое» там появилась формулировка «место, где друзья и дом»).

Главный же методологический недостаток подхода Н. Лебедевой — подбор респондентов. Во-первых, ее «выборка» недопустимо мала — от 30 до 60 человек в разных странах. Конечно, при использовании углубленного интервьюирования или других качественных методов такие объемы вполне адекватны, но речь-то идет об анкетном опросе! Во-вторых, люди отбирались не случайным образом или по какому-то иному принятому в социологии принципу, а опрашивались, как пишет автор, «в двух обязательных местах — в российских посольствах, куда они обращались для принятия российского гражданства, и в центрах русской общины»⁴⁹, т. е. в имеющихся в той или иной стране официальных «русских» организациях. Но посетители этих двух типов учреждений не могли представлять весь спектр взглядов, присущих русскоязычным. «Выборка» явно оказалась смещенной в сторону той их части, далеко не самой многочисленной, которая была ориентирована на Россию и «русскость», а в поведенческом плане — на отъезд.

Как верно заметила сама Н. Лебедева, посольство посещают интересующиеся гражданством или уже «запустившие» процедуру его

получения, т. е. люди, принявшие трудное решение или уже собирающие чемоданы. Тех, кто в принципе «хотел бы уехать, но...», естественно, гораздо больше, однако не в посольстве их надо было искать. По замыслу же автора, посетители посольства должны представлять желающих уехать, нацеленных на миграцию, а посетители различных центров, клубов и фондов — желающих остаться, нацеленных на аккультурацию. Последнее также вызывает большие возражения, и фактологические, и чисто научные. Как раз в сентябре 1994 г., в период массовых миграций из Киргизии, я провела несколько полных рабочих дней в главной «русской» организации — Славянском Фонде, и все посетители приходили туда только в связи с выездом в Россию (навести справки, получить ходатайство для предъявления в ФМС, которое, как им казалось, может помочь в обустройстве, и т. д.). Несостоятельны, на мой взгляд, и попытки Н. Лебедевой свести все разнообразие нацеленных на интеграцию к посетителям «центров русской общины». Поскольку данный сюжет тесно смыкается с проблемой политической и гражданской активности русскоязычных, полемику мы продолжим в заключительном разделе книги.

Пересечение идентичностей — «жители Киргизии» (и более локальные общности)

Чувство общности с жителями своей страны, а также города, села, района, какой-то специфической местности — достаточно универсальные идентичности, свойственные всем временам и народам (хотя сосредоточенность привязанности на низших звеньях территориальной структуры, на деревне, городке, где человек прожил всю жизнь, более типична для традиционных обществ с низкой пространственной мобильностью).

Жители страны — нейтральная лояльность, свободная и от фиксации этнокультурных особенностей (если речь идет о полиэтничной стране), и от политико-идеологических наслоений и социального энтузиазма, обычно свойственных гражданской идентичности. Не исключено поэтому, что какая-то часть респондентов, считавших себя «русскими Киргизии» и/или «гражданами Киргизии», предпочла бы при наличии опции «жители...» именно ее. Аналогом последней, как я заметила во время последних визитов в Бишкек, становится прежде официальное «киргизстанцы», почерпнутое из спущенного «сверху» лозунга «Кыргызстан — наш общий дом». Этот труднопроизносимый и непривычный российскому уху «новояз» довольно органично входит в бытовую речь.

Ориентация на более локальные общности также довольно распространенное явление. В рыбинском опросе (см. табл. 1) опция «жители Рыбинска» (38,5%) уступила по популярности лишь «семье» и «русским» и выбиралась чаще, чем «граждане России» (31,9%). Зная по полевому опыту, например, о привязанности жителей Бишкека к своему городу (а она базируется не только на эмоциях, но и на устойчивой привычке к городскому образу жизни), можно предположить, что соответствующая опция была бы весьма популярной.

По моим наблюдениям, наиболее ярко локальные ориентации выражены у возвратившихся в Киргизию из России, поскольку именно эти люди, и прежде всего те из них, кто расстался при выезде со своим жильем, должны были сделать трудный выбор — где же в конце концов приземлиться. Хотя общий настрой состоял в том, что вернуться надо в привычную (а для кого-то — любимую Киргизию), для выросших и воспитанных в городской среде (и особенно намаевавшихся в российской глубинке) наиболее желательным вариантом был Бишкек, а для тех, кто привык к деревенской жизни — село.

Вот как описывали респонденты свои «городские» предпочтения.

«Я хожу... вот этот парк, вот этот фонтан шикарный... Я вспоминала, как я по нему бегала... Ностальгия и все, больше ничего, к этому городу... Я не знаю, я смогла бы в другом месте в Киргизии жить, не знаю... Я честно скажу, не знаю. Я много видела городов, я в России много ездила, я пыталась устроиться в Саратове, по газете, по распределению, я написала, мне ответили, я поехала, посмотрела, все-таки мне не понравилось. Я видела Саратов, приезжала, я в Новгороде месяц жила, в Калининграде две недели, и вообще по туристическим путевкам... я много видела городов, они по-своему красивы в России города, может быть, даже и лучше Фрунзе, для них, но для меня все-таки, лично для меня...».

«Я просто люблю, я люблю эти горы, которых мне никогда не хватает; безумно люблю... я вот что сейчас делаю, если есть свободное время — просто встану перед железнодорожным переходом, встану и могут стоять десять, пятнадцать минут, двадцать, я на них смотрю, я просто заряжаюсь какой-то энергетикой. Я люблю свой микрорайон пятый безумно, где я жила и свой дом... и свою школу, которая теперь умерла, к великому сожалению, в плане образования, когда ушла наш директор».

«Е. Куда-то срываться на новое место, я думаю, мы уже не будем; в общем-то, я вот как приехала сюда после школы, мне понравился вообще этот город, и не хочется отсюда никуда уезжать. Поэтому, наверное, меня сюда и ворачивает, потому что было время, мы уезжали жить и к моим родителям, там, под Целиноградом, 100 км. Районный центр... [респондентка — уроженка Казахстана. — Н. К.]».

Н. *Это еще когда Союз был?*

Е. *Да. Небольшой городок, мы купили там себе маленький домик, по-жили, всё, но вот все-таки что-то мне, как говорится, я прикипела сюда, я постоянно сюда возвращаюсь...».*

Интересный вариант целенаправленно локальной идентичности демонстрирует респондентка, рассказывая, как после возвращения покупала дом:

«Н. *А почему Вы решили именно в Григорьевку? Бишкек или еще куда-то? Это потому, что здесь какие-то знакомые?*

К. *Нет, из-за того, что тут как будто и была. Потому что даже вот соседний поселок, Ананьево, через два поселка, так у нас здесь... даже там дома дешевле, вот по отношению... Григорьевка очень дорого, во всем отношении, хоть в овощах, хоть во фруктах, хоть в продаже домов, хоть в покупке мебели — у нас очень дорогая... дорогой поселок, почему-то цены тут всегда высокие. Мы в то время могли взять прекрасный дом за 30 тысяч, уезжали немцы, дом под крошкой, кухня под крошкой...*

Н. *30 тысяч сомов?*

К. *Да.*

Н. *В Ананьево?*

К. *В Ананьево, да. Там постройки, там все очень-очень хорошее, но опять зашли... участок есть; практически сада нету; там грушенька, там вишенка, там смородинка, в середине картошка... а нам же нужно, чтобы был садик.*

Н. *Из финансовых соображений?*

К. *Да, да. И потом же сестра мне говорит — Клава, ты тут не сможешь жить, потому что ты тут чужая. Я вижу, тебе тут не нравится, потому что ты тут чужая. А здесь я своя, все меня знают, я всех знаю, вот уже 27 лет, уже 30 лет жизни прожито здесь. Не говоря там что-то — Бишкек или что Вы еще говорили... Я даже вот в соседнее село, я не представляю, как я там буду, потому что здесь все меня знают. Пацан у меня уже здесь учится в школе, и все учителя, и все...».*

Респондентка, родившаяся и выросшая в глухом сибирском поселке, говорившая о себе «мы же деревенские люди, я вот часто езжу к сестре, переутомляюсь», естественно, хотела жить после возвращения только в селе. Но не просто в селе как таковом, и в этом смысле для нее было малосущественным, находится привычное место в Киргизии или где-либо еще. Ее рассказ показывает, сколь притягательной для определенного типа людей может быть конкретная точка на карте и возможность видеть вокруг себя только знакомые лица, при том, что ситуация за пределами этой «общности повседневного общения» практически не бралась в расчет.

«Русские Киргизии» — не такие, как в России

Наряду с рассмотренной выше эмоциональной составляющей данной идентичности — все то, что сближает друг с другом русских Киргизии (выросли в единой этнокультурной/природной среде), в ней есть и более рациональный компонент, «работающий» на **сближение**, но уже посредством **обособления**. Это **осознание себя отличающимися от русских в России** (или, скорее, от россиян — поясню это ниже). Два слоя идентичности выделяются здесь в чисто аналитических целях, а в головах людей они, естественно, переплетаются. Чувство общности обостряется в иной социокультурной среде или при непосредственном контакте с ее носителями. В интервью часто попадались рассказы о подобных встречах и впечатлениях.

Вот, например, респондентка рассказывает о том, как встретила с выходцами из Центральной Азии в российской глубинке:

«Мы жили в трехэтажном доме, в нашем подъезде было три семьи неприезжих [остальные все приезжие. — Н. К.], одна семья всю жизнь прожила в Баку... И потом еще одна семья из Душанбе, тоже смешанный брак... Мы жили на квартире, они пришли покупать нашу квартиру, когда ее собрались продавать, муж русский, а жена наполовину узбечка, он пришел, когда узнал, что мы из Фрунзе, он мне кинулся на шею, я так испугалась, сумасшедший какой-то... моего возраста примерно, я не поняла даже... говорит — а мы из Душанбе тоже, причем такое было у них — нашли родственников! Хотя здесь в [Бишкеке. — Н. К.] кажется, Душанбе — это вообще другой конец света. А там это настолько сильно чувствуется, вот этот вот уклад... я не знаю, как там — на Кавказе, на Украине, русская... как это называется... диаспора, я не сталкивалась... но я знаю, что вот в Средней Азии есть какой-то отпечаток особенный».

Интересно, что особое среднеазиатское сообщество, частью которого ощущают себя русскоязычные, может включать в себя и представителей титульных групп, особенно, когда на сцене появляются люди «со стороны» (например, россияне). Помню, с каким видимым удовольствием один из респондентов, житель Киргизии, рассказывал о том, как прилетел из России в Ташкент и сразу почувствовал себя дома: «В Ташкенте случай был: стоял спиной, а узбечка что-то спрашивает по-узбекски... обернулся — вот, приняли за узбека». Вот еще один характерный эпизод из другого интервью:

«Поехали мы как-то по делам в Барнаул на машине, а водитель забыл дома паспорт. Ну, нас на границе российско-казахстанской и “завернули”. Пришлось вернуться на казахскую сторону, вижу, идет какой-то пограничный начальник, пожилой казах. Что, говорит, случилось? Я ему говорю, знаю ведь, что ему это понравится, — да вот, байке, не пропускают нас.

А он отвечает — всегда они там в России что-то с нами вытворяют... вы вот тем лесочком проезжайте... И нормально все, проехали...».

Приведенные цитаты говорят в первую очередь о чувстве солидарности (хотя и выходящим на уровень саморефлексии под давлением определенных обстоятельств). Кроме того, носители рассматриваемой локальной (территориальной) идентичности вполне четко осознают, где проходят «границы», каков общий для них набор этнокультурных (социокультурных) черт и, исходя из этого — в чем отличия среднеазиатских или, другой вариант, балтийских русских от групп, которые вроде бы должны считаться «своими», родственными (русские в России). Причем можно с достаточной уверенностью утверждать, что осознание данных «границ» становилось в постсоветский период все более глубоким и многогранным, т. е., иными словами, укреплялось чувство общности, к примеру, с «русскими» Киргизии, Казахстана и пр., и увеличивалась дистанцированность от «русских России». Поясню свою мысль.

Одним из первых идею о формировании «диаспорой» ближнего зарубежья какой-то собственной идентичности (*identity of its own*), отличной и от «советскости», и от «русскости», высказал П. Колсто в статье, опубликованной в 1996 г. в журнале «Ethnic and Racial Studies»⁵⁰. Не имея здесь возможности подробно анализировать эту глубокую теоретическую работу, отмечу только, что такую идентичность ученый называет «новой» (*new Russian identity, Russians of a special type*). На мой взгляд, это не совсем точно. В прямом смысле слова «новой» она не является, недаром вопрос о существовании локальных, периферийных вариантов русскости ставился, например, на семинаре в Колумбийском университете еще в 1978 г. Да и сам П. Колсто, ссылаясь на исследования и наблюдения различных ученых, пишет о том, что «балтизация» русских переселенцев была зафиксирована еще в 1970-е гг., а русские Центральной Азии еще в самом начале 1990-х гг. (т. е. до подъема миграций) четко отличали себя от русских «материка»⁵¹.

Мои полевые исследования в Киргизии в первой половине 1990-х гг. подтверждают этот тезис. Еще во время самых первых экспедиций я обратила внимание на то, что русскоязычные жители Киргизии, и сельские, и городские, испытывали серьезные затруднения при сравнении местных русских с российскими. Свои колебания респонденты объясняли тем, что «русских вообще» не знают, что они сами «другие», что могут описать только местный вариант «русскости»:

- там [в России. — Н. К.] другой образ жизни, там другие русские;
- всю жизнь в Киргизии, русских не знаю;
- мы не живем только среди русских, с детства все было перемешано;
- Кто его знает? Не жила, не знаю, какие настоящие русские;
- мы здесь, в Киргизии, манкурты, мы совсем другие русские, и т. д.

Примерно в тот же период, в 1994 и 1995 гг., эти наблюдения были подкреплены в ходе изучения мной адаптации вынужденных переселенцев, почти сплошь выходцев из Центральной Азии, в российской глубинке. Респонденты точно так же были готовы описать «только себя» в сравнении с «местными» русскими, причем «себя» они определяли (самоназвание) как «среднеазиатских русских» или, еще более локальный вариант, «русских Казахстана», «русских Киргизии» и т. д.

Кроме того, я полагаю, что осознание своей специфики русскоязычными Центральной Азии началось, подобно Прибалтике, еще в советский период. И от жителей Киргизии и Таджикистана, где я проводила полевые исследования, и от вынужденных переселенцев уже в России мне не раз довелось слушать рассказы о поездках в Россию в советское время — в отпуск, к родственникам, на учебу и т. д. «Дифференцирующий подтекст» присутствовал в таких «реконструкциях прошлого» постоянно — «у них так, а у нас — так» и т. п. Однако тогда, по понятным причинам, подобного рода впечатления оставались вполне безобидными, сугубо умозрительными и ни к чему не обязывающими отпускными или туристическими воспоминаниями.

Однако с распадом СССР ситуация кардинально переменялась. Последовавшие за ним социально-политические катаклизмы, коренное изменение экономических условий, массовые миграции и пр. стали для русскоязычных сильным стимулом к **более глубокому и осмысленному осознанию своей «самости»**, к выходу этих ощущений на уровень принятия решений. И тут на старые отпускные впечатления наложился огромный объем принесенной миграциями новой и далеко не самой радужной информации о жизни в России, о том, какой прием там ожидает переселенцев и, в частности — наиболее важный сейчас момент — о **социально-психологических и социокультурных барьерах между мигрантами и местным населением**. Русскоязычные в бывших республиках были прекрасно осведомлены о подобном столкновении менталитетов и укладов жизни, причем в Киргизии, как можно понять из предшествующих глав, источником сведений стали не одни лишь уехавшие в Россию родственники и знакомые, но и многочисленные возвратные мигранты.

Носителями рассматриваемой идентичности могут быть не только этнические русские, но и любые члены русскоязычного сообщества. Слово «русские» в ее названии служит здесь, по сути, синонимом последних. Действительно, с одной стороны, представителей «европейских» этнических групп объединяет общность исторической судьбы и тех ролей, которые они играли при этнокультурных контактах с титульными группами; с другой стороны, при переезде в Россию им противостоят не обязательно русские, а россияне, солидарность которых при взаимодействии с «приезжими» базируется отнюдь не на этнич-

ности⁵². На самом деле, как я пыталась показать в одной из своих работ, не этнические и даже не этнокультурные, а скорее социокультурные барьеры разделяют в России столь напряжено контактировавшие сообщества, а в сельских районах на первый план выходили статусные и материальные характеристики, обычно являющиеся границей между социальными группами⁵³. Но это в России. Если же оставаться в пределах нашей тематики, то вопрос об истории, специфике и проявлениях этнокультурного взаимодействия «русских» и титульных групп и, самое главное, о том, насколько далеко русскоязычные в различных частях постсоветского пространства готовы идти по пути аккультурации и насколько их выбор устроит титульное население — является одним из наиболее актуальных (и до сих пор малоизученных) в исследованиях русских вне России⁵⁴. Этот вопрос выходит далеко за пределы собственно идентичности и затрагивает траектории будущего русскоязычных сообществ, а для ответа на него потребуются совместные усилия многих ученых⁵⁵.

Новая локальная идентичность — «граждане Киргизии»

Периоды мощных геополитических и социально-экономических трансформаций, сопровождающиеся распадом одних государств и возникновением других, естественно, вносят серьезный разлад в испытываемые людьми гражданские чувства и гражданские привязанности. Тем более это относится к населению постсоветских государств, которое привыкло жить с ощущением, что гражданский статус столь же постоянен, как цвет волос или глаз, а о его смене страшно было даже подумать. То обстоятельство, что гражданство теперь можно выбирать, менять, что от него можно отказаться или иметь два гражданства, поставило людей перед выбором, а это всегда трудно. Если, например, в России с таким выбором столкнулись лишь немногие выезжающие из страны на ПМЖ, то в новых независимых государствах — вся многомиллионная армия «детей империи», а также представители автохтонных для той или иной территории этнических групп, проживающие не в «своем» государстве. Ставки и риски были тут, конечно, гораздо выше, и прежде всего из-за тесной связи выбора гражданства с выбором между «уехать или остаться». И все же к концу 1990-х гг. подавляющая часть русскоязычных определилась с формальной гражданской принадлежностью, хотя и не всегда совпадающей в рассматриваемых условиях с реальной гражданской лояльностью. Вот почему мне представляется не вполне правильным трактовать процесс принятия решения о гражданстве как чрезвычайно болезненный для русско-

язычных, а его результаты, т. е. их фактический гражданский статус — как проявление протеста, глубокой неадаптированности и пр., тем более, когда речь идет о уже достаточно стабильном периоде второй половины 1990-х гг. Аналогично, трудно согласиться и с отождествлением **гражданской принадлежности** с той или иной **гражданской идентичностью**. Связь между ними имеется, но достаточно сложная и опосредованная многими обстоятельствами. Наличие в кармане паспорта какого-то государства совсем не означает, что человек политически к нему лоялен и ощущает себя его гражданином; и наоборот: отсутствие паспорта в период социальных сдвигов и неустойчивости не свидетельствует автоматически о нелояльности.

Все эти моменты не учитывает Г. Витковская, пытаясь доказать все тот же выдвинутый ею тезис об утрате русскоязычными ближнего зарубежья «гражданской и социальной самоидентификации» — утрате, не сопровождаемой «обретением удовлетворительных новых идентификаций». Покончив с представлениями русскоязычных о родине (см. выше), она пишет: «Глубину неадаптированности нетитульного населения к новой геополитической ситуации демонстрируют и данные о гражданской самоидентификации»⁵⁶. И затем в качестве подтверждения представлены результаты двух опросов в Казахстане, Узбекистане и Киргизии (1994 г. и 1997 г.). Хотя в тексте встречаются выражения «считали себя гражданами...», «признавали себя...», речь идет все-таки, как может догадаться читатель после некоторого интеллектуального напряжения, о фактическом гражданском статусе, но никак не о состоянии умов. Так, переходя к опросу 1997 г., автор отмечает: «Большинство нетитульного населения [к этому времени. — Н. К.] вынуждено было определиться с выбором подданства, и, в частности, среди русских 95% в Кыргызстане, 80 — в Казахстане и 77% — в Узбекистане сделали такой выбор, причем, соответственно, 90, 75 и 66% — в пользу гражданства страны проживания (табл. 1)». Таким образом, приведенные в таблице цифры, как эти, так и другие, означают долю владельцев тех или иных паспортов среди участников опроса, не более того. Однако интерпретируются они именно как показатели массовых настроений и ощущений, причем с чрезмерной драматизацией.

В 1994 г., по опросу Г. Витковской, гражданство страны проживания имели немногие из респондентов (33% в Киргизии, 28% в Узбекистане и 20% в Казахстане). Это вполне объяснимо, поскольку до той даты, которая была намечена законодательством в качестве конечной для принятия гражданства нового независимого государства по нулевому варианту, оставалось еще немало времени (в Киргизии, например, требовалось определиться до 1 января 1997 г.). Естественно, что люди, обремененные множеством насущных проблем выживания, не спешили с выбором, тем более, что в обществе еще были широко рас-

пространены миграционные настроения. Выжидательности способствовали и надежды на заключение с Россией соглашений о двойном гражданстве. Г. Витковская же трактует эти цифры как свидетельство «высокой степени неприятия новой гражданской идентификации»⁵⁷ (читай: необходимости принимать гражданство страны проживания; что же касается идентификации, ее нельзя принимать или не принимать, это не что-то внешнее, а внутренний выбор самого индивида). Уж если что и могло рассматриваться как проявление неприятия новых реалий, так это сами миграции; а в вопросе гражданства главным для людей было определиться в принципе, в какой стране они будут жить (или пока будут жить), а остальное воспринималось как необходимое оформление уже принятого решения.

Относительная безболезненность обретения новых гражданских статусов обеспечивалась для русскоязычных Центральной Азии не только тем, что Россия в течение первого постсоветского десятилетия (до середины 2002 г.) гарантировала им, как и всем жителям ближнего зарубежья — держателям «серпасто-молоткастых» паспортов, весьма либеральные условия получения российского гражданства, но и отсутствием каких-либо ограничений в доступе к гражданству стран региона (так называемый нулевой вариант). В этом они выгодно отличаются от государств Балтии⁵⁸. Над Г. Витковской, выдающей выбор гражданства (а это, повторюсь, уже вторичное решение по отношению к главному) как «очень непростую альтернативу», видимо, довлел разделяемое ею представление о родине — она подает «гражданство страны проживания» как «еще более глубокий отрыв от России или иной исторической и этнической родины»⁵⁹. Однако, как было показано выше, воспринимать ситуацию подобным образом может лишь относительно небольшая часть русскоязычных, ориентированных на Россию и считающих ее своей родиной.

Идем дальше. Наличие среди участников опроса 1997 г. определенной доли все еще граждан СССР (5% в Казахстане и 23% в Узбекистане), Г. Витковская считает «протестной самоидентификацией». А по поводу того, что 10% участников опроса в Узбекистане и по 5% — в Казахстане и Киргизии имели российское гражданство, она пишет следующее: «Если в Казахстане это лишь те, кто собирается эмигрировать, то в Узбекистане и Кыргызстане также и те, кто намерен остаться. Почему же часть нетитульного населения, не собирающегося уезжать из стран теперешнего проживания, все же идет на такой шаг, сопряженный к тому же с неблагоприятными последствиями? [здесь опять совершенно очевидно, что на самом деле речь идет о гражданском статусе, но никак не о самоидентификации. — *Н. К.*] По-видимому, мы имеем дело с проявлением неуверенности в будущем, в наличии перспектив для себя и своих детей в новых государствах»⁶⁰, и далее в том же духе.

Многое здесь вызывает вопросы и возражения. Главное из них состоит в том, что необходимая любому исследователю готовность изучить реальные условия жизни людей, вникнуть в их резоны и мотивации подменяется алармистской риторикой. Если посмотреть на проблему с практической стороны, то окажется, что в вопросах гражданства люди нередко руководствуются сугубо прагматическими соображениями (особенно, когда в своем выборе «идут против течения», например, оставаясь в Киргизии с российским гражданством). Когда они, скажем, живут в селе, им может быть просто недосуг ехать куда-то «за штампом» или не хочется платить, если срок бесплатного получения гражданства по каким-то причинам уже истек.

Кроме того, в условиях несовершенного законодательства, плохой организации («бланков для новых паспортов не хватает»); некомпетентности и своекорыстия чиновников, когда и без гражданства можно получить то, что положено лишь гражданину; при отсутствии у населения должной правовой культуры и слабой его информированности о своих правах и обязанностях люди могут годами жить и не тужить, имея, к примеру, советский паспорт. Что здесь «протестного»? При этом некоторые из них полагают, что у них все еще гражданство СССР, некоторые, более осведомленные — что «никакого», а самые осведомленные знают, что по местному законодательству они все равно, с точки зрения властей, считаются гражданами страны проживания (если не заявили до определенной даты о своем отказе от этого статуса). Соответственно, все они, попав в сети социологов, по-разному ответят на вопрос о своей гражданской принадлежности.

Подтверждением сказанному могут быть свидетельства проинтервьюированных мною людей, причем тема гражданства затрагивалась в основном вернувшимися из России, т. к. именно они попадали в самые нестандартные ситуации, связанные с гражданским статусом. Вот несколько характерных отрывков.

Житель Бишкека, имеет российское гражданство:

В. Нет, я теперь не хочу киргизское гражданство.

Н. Теперь не хотите?

В. Нет, мы подали документы в Германию. Если сейчас переделать гражданство, надо опять туда, там опять что-то...

Н. А это не препятствует подаче?

В. Да нет, прислали же... Я не знаю, на работу вот меня взяли, я же не в милицию пошел работать...».

Респондентка из села, живет с советским паспортом, но обладает кое-какой информацией о том, что будет дальше:

Н. А как у Вас с гражданством? У Вас советский паспорт?

К. Советский...

Н. *А прописка эта, григорьевская?*

К. *Наша, григорьевская, прописка.*

Н. *А покупкой дома у Вас не было никаких проблем?*

К. *Никаких... Сорок пять лет мне будет, я буду менять паспорт, мне будут давать... фотографию в 45 лет, и тогда я уже, наверное, получу киргизский паспорт и подданство.*

Сестра респондентки [жительница Алма-Аты. — *Н. К.*]. *Я тоже живу без гражданства...*

К. *У нас знаете, кто паспорта менял — челночники, которые торгуют товаром, из Киргизии едут, везут куда-то в Россию, им обязательно это нужно, а я здесь сижу, мне зачем? Конечно, если бы мне нужно было, я бы пришла и заплатила бы».*

Человек плохо ориентируется в ситуации, но трудностей не испытывает:

«Н. *И выписались отсюда?* [при выезде из Киргизии. — *Н. К.*].

М. *Мы сразу выписались.*

Н. *А гражданство не меняли? Не принимали российское?*

М. *Нет.*

Н. *А сейчас у вас какое гражданство?*

М. *Тот же никакого. Здесь, когда всем давали гражданство, нам сказали, кто приехал до 1993 года, тоже не получает гражданство. Ну, мы так живем, без штампа.*

Н. *А вам не сказали, что нужно ждать пять лет, чтобы киргизское получить гражданство?*

М. [молчание].

Н. *Вас это не интересует?*

М. *Нас это, знаете, оно как бы... оно не нужно или как... с нас никто пока ничего не требует, живем да и живем...*

Н. *То есть Вы не чувствуете, что у вас нет его?*

М. *Да, да, как жили, так и живем».*

Нет денег и времени на хлопоты по оформлению гражданства:

«Н. *А почему нельзя постоянно?* [прописаться в Киргизии. — *Н. К.*]

О. *Потому что мы не приняли гражданство, и не прописали ни меня, ни мужа. То я была прописана на год, а теперь на пять лет. Да и есть документы у меня, что дом на меня оформлен.*

Н. *То есть у Вас собственный дом и прописка на пять лет, штамп есть?*

О. *Да.*

Н. *Там и написано — временно?*

О. *Да.*

Н. *Это Вам в чем-то мешает?*

О. Абсолютно нет, ни в чем. Никто у меня не требует даже паспорта, не спрашивает.

Н. Но Вы будете принимать киргизское гражданство?

О. Ну... если... почему... Если опять платить деньги, у меня сейчас нет.

Н. А за временную у Вас взяли деньги?

О. Нет.

Н. То есть у Вас проблема — платить за гражданство или не платить.

О. Да. Это нужно ехать в Бишкек, опять...

Н. А разве нельзя принять здесь?

О. Не знаю, я с этим даже не сталкивалась, не обращалась; оно мне не мешает, живу и живу спокойно».

Действительно, определенным категориям людей без гражданства страны проживания никак не обойтись — сюда входят часто выезжающие за границу (те же челноки); стремящиеся занять приличную должность в государственных структурах или в иностранных фирмах (в тех, которые работают с правительством и имеют соответствующие обязательства); занимающиеся некоторыми видами бизнеса и т. п. Однако, как свидетельствует мой полевой опыт, человеку со скромными притязаниями отсутствие киргизского гражданства (или наличие российского), независимо от причин, не сильно мешало — удавалось и жилищную проблему решить, и прописаться (вернувшись, а живущим постоянно это и не нужно), и на работу устроиться — в школу, в детский сад, на стройку и пр.

Есть и специфические возрастные группы, нуждающиеся в гражданстве страны проживания — потенциальные студенты (высшее образование для неграждан платное), пенсионеры (неграждане получают минимальную пенсию). Теоретически это так, хотя на практике многое выглядит по-другому; в частности, возможности получения бесплатного высшего образования в условиях рыночной экономики постоянно сокращаются (аналогичное происходит и в России). Кроме того, именно этим категориям бывает необходим именно российский паспорт. К примеру, если говорить о том, почему люди, не собирающиеся эмигрировать из страны, остаются на какое-то время или становятся держателями российских паспортов, то назову несколько ситуаций, взятых из жизни — 1) вернувшиеся из России (сюда входят и те, кто вернулся в буквальном смысле слова, и те, кто переехал в постсоветский период из одной страны в другую на постоянное место жительства); 2) молодые люди призывного возраста, в целях избежать службы в киргизстанской армии; 3) опять же молодежь, собирающаяся поступать в российские вузы; 4) наконец, весьма распространенная ситуация, о которой уже писалось выше — получатели российской пенсии.

По результатам моего опроса 1998 г., разница в гражданском статусе желающих остаться и желающих уехать была малозначительной (см. табл. 5). Опрос показал также, в отличие от данных Г. Витковской, что в Киргизии все еще есть люди с советскими паспортами (я встречала таких и в 1999 г.). Скорее всего, в ее выборку они не попали лишь случайно, хотя на основании этого факта автор делает вывод о лучшей адаптированности «нетитульного населения Киргизии к своей теперешней гражданской идентификации» (читай — к гражданскому статусу). Русскоязычные действительно находятся здесь в более благоприятной ситуации, чем, скажем, в Узбекистане, но это менее всего выражается в формальной гражданской принадлежности, зависящей, на мой взгляд, в первую очередь от жизненных обстоятельств и прагматического расчета. А «дезадаптация», «неприятие» и пр., которые, конечно, имеют место и носителей которых намного больше, чем владельцев российского или советского паспортов, проявляют себя совсем по-другому.

Как ни парадоксально это звучит, ситуация с гражданской идентичностью (настоящей, а не «по паспорту») обстоит хуже, чем представляется Г. Витковской — по моим опросам, считающих себя «гражданами Киргизии» существенно меньше (примерно четверть респондентов, см. табл. 2, 3), чем тех, кто официально имеет гражданство республики. Но тут полезным будет вспомнить известную притчу об алкоголиках (пессимисте и оптимисте), взвешивающих, один с тоской, а другой с предвкушением, на полстакана водки. **Целью** 25% опрошенных в каком-то смысле (об этом мы еще поговорим) отождествляют себя с государством, в котором оказались после распада СССР! Учитывая события нашей новейшей истории и положение

Таблица 5

Гражданский статус русскоязычных жителей Бишкека (по опросу 1998 г., %)

Варианты ответа			
Гражданство:	По выборке в целом N=318	Желающие остаться N=183	Желающие уехать N=103
Киргизской Республики	87,4	89,6	87,4
Российской Федерации	2,8	2,2	1,9
СССР (без гражданства)	8,5	7,1	9,7
Другое	1,3	1,1	1,0
Всего	100,0	100,0	100,0

русскоязычных в ближнем зарубежье, можно ли было ожидать, что за несколько постсоветских лет в их среде сформируется подобная локальная идентичность? Судя по рыбинскому опросу, количественно (32%) она вполне сопоставима с российской (см. табл. 1). Оценивая значимость этих результатов, надо иметь в виду различную их подоплеку. Одно дело — ощущать себя гражданином, пусть и предъявляющим массу претензий к власти, но делающим это с позиций россиянина, и совсем другое дело — разделять гражданскую идентичность, будучи представителем нетитульного населения в национализирующемся государстве.

Сходные результаты были получены сотрудниками Центра социальных исследований Национальной академии наук Киргизии в ходе опроса, проведенного в Бишкеке по репрезентативной выборке летом 1997 г. Респонденты разных национальностей (всего 1200 человек, из них 34,5% киргизов, 47,3% русских, 4,35% украинцев, 2,4% татар, по 1,7% казахов и корейцев и др.) отвечали, среди прочего, на вопрос об идентичности, выбирая из следующих опций: «гражданин Киргизии», «гражданин мира», «гражданин СССР», «другое» и «не знаю»⁶¹. Первую из них предпочли 64,8% всех респондентов (среди русских — 29,9%), вторую — 8,2%, а с СССР отождествляли себя 12,8% всех участников опроса⁶². Правда, последним в данном случае был предъявлен суженный выбор лояльностей, который характеризует далеко не весь спектр идентичностей, разделяемых жителями современной Киргизии, а одну их разновидность.

Чувство общности с «гражданами Киргизии» — безусловно, **интеррациональная** идентичность, носящая отчетливо **поведенческий** характер — данные по всей совокупности скрывают существенные и **устойчиво** сохраняющиеся межгрупповые различия (см. табл. 2). Оба раза именно «желающие остаться» были гораздо больше склонны считать себя гражданами страны проживания, чем «желающие уехать» (разрыв более чем в два раза — 39,5 и 17,4% в 1996 г., 30,1 и 12,4% в 1998 г.).

Каково же содержание гражданской идентичности в изучаемых условиях? Это достаточно трудный вопрос, поскольку политические и гражданские лояльности, развившиеся в западных демократиях, вряд ли приложимы к постсоветским обществам. В зарубежной литературе, например, выделяют три основных пласта европейской национальной идентичности: 1) традиционная, включающая в себя эмоциональный элемент и до-политические этнокультурные ориентации; 2) рациональная национальная идентификация; 3) постнациональное коллективное сознание, нацеленное не на преданность нации, а на идеалы космополитизма⁶³. Основные компоненты интересующего нас рационального, или рефлексивного национального сознания — это конституционный патриотизм (*constitutional patriotism*), с главным акцен-

том на широком политическом участии, а также «рациональная идентификация с системой»⁶⁴. Видимо, не нуждается в особой аргументации тот факт, что ни граждане постсоветских государств, ни сами эти государства (и Россия не является исключением) еще не «доросли» до подобной степени гармонизации отношений друг с другом. Впрочем, и в Западной Европе далеко не все отождествляют себя с «системой». По данным Клауса фон Байме (*Klaus von Beyme*), например, среди западных немцев таких в середине 1990-х гг. было 32%, среди восточных — около 30%⁶⁵.

Как мне кажется, именно по этой причине в гражданском самоощущении русскоязычных большинства стран нового зарубежья откровенно политические, причем «одобряющие систему» настроения выражены очень слабо. Хорошим примером может служить реакция респондентов на поставленный довольно жестко и провокативно, на мой взгляд, вопрос об их отношении к независимости тех государств, в которых они проживают (вопрос задавался в ходе обследований, проведенных в 1996—1998 гг. в Казахстане, Латвии, Молдавии и Эстонии под руководством П. Колсто). В этом вопросе людям предлагалась, по сути, лишь одна из нескольких возможных «разверток» чувства гражданина. По замыслу ученых, ответы должны были выявить рациональное начало в отношении русскоязычных к стране проживания (*political allegiances*), в противовес эмоциональным привязанностям (чувству родины)⁶⁶. Вряд ли можно было ожидать — при такой формулировке — что люди с одобрением отнесутся к событиям, из-за которых они попали в очень сложную жизненную ситуацию⁶⁷. Другое дело, что многие со временем приспособились к ней и обнаружили, что большая часть проблем разрешима, а своя рубашка, т. е. страна проживания, все-таки ближе к телу.

Приведу цифры по Молдавии, потому что по этой стране у меня есть контрастирующие данные. Как пишет П. Колсто, «лишь 12% русских респондентов заявили, что они с самого начала поддерживали независимую молдавскую государственность, а 42% отвергали ее все постсоветские годы»⁶⁸ (1998 г., 1200 человек). Однако уровень гражданской лояльности нетитульных групп населения здесь все же довольно высок. В ходе опроса, проведенного в республике в 2000 г. российскими учеными (опрошено 513 человек), респондентам был предложен на выбор стандартный набор идентификаций (этнических, гражданских, «советских» и пр.), т. е. вопрос формулировался в нейтральной форме. Каков же результат? В **первую очередь** к гражданам Молдавии отнесли себя 59,8% молдаван, 23,6% русских и 29,8% украинцев⁶⁹. И далее организаторы опроса пишут: «Но это отнюдь не означает, что русские и украинцы нелояльны к Республике Молдове: доля тех, кто, отдавая предпочтение какой-то другой идентичности, в то же

время считает себя гражданином Молдовы, составляет у русских 50,8%, у украинцев — 75,3%. Идентичность у тех и других более многослойна, чем у этнических молдаван, и структурирована таким образом, что ее гражданская составляющая находится как бы на втором уровне»⁷⁰.

Итак, удовлетворенность политическим устройством и готовность активно участвовать в жизни «системы» вряд ли являются массовыми слагаемыми гражданской идентичности в постсоветских условиях, тем более для русскоязычных национализирующихся государств. А вот национальная гордость (в государственном, а не этническом смысле) на такую роль лучше подходит. Конечно, это не «конституционный патриотизм», а патриотизм в более привычном, приземленном смысле.

О достаточно большой доле русских и других русскоязычных Латвии и Казахстана, испытывающих подобные чувства (*civic patriotism*), говорят материалы того же обследования западных ученых (1996 г.). Отвечая на вопрос: «Гордитесь ли Вы тем, что являетесь казахстанцем (латвийцем)?», ответили «да» 25,4% русских («горжусь иногда» — 11%); 25% украинцев (25); 19,5% немцев (14,6); 26,7% корейцев (20,0) и 46,9% татар. Соответственно, для жителей Латвии результат оказался следующим: русские — 17,2% (21,9); украинцы — 12,5 (18,8); белорусы — 4,4 (26,7) и евреи — 14,3%⁷¹.

Авторы комментируют эти цифры с определенной долей скепсиса, связывая их с тяжелой экономической ситуацией; «вдобавок негативные ощущения, испытываемые русскоязычными, могут быть отражением дискомфорта, вызванного реальной (или воспринимаемой) политикой казахизации (олатышывания). Каковы бы ни были причины, ясно, что нетитульные этнические группы значительно в меньшей степени гордятся своей страной, чем титульные»⁷². Неясно, на чем основывались оптимистические ожидания авторов, но я бы прокомментировала этот результат так же, как вышеприведенные данные о доле русскоязычных, считающих себя «гражданами Киргизии» — можно ли было рассчитывать на большее с учетом тех сложных условий, в которых они оказались?

Что касается Киргизии, где вопрос о чувстве гордости не задавался, «развернуть» содержание гражданской идентичности нам могут помочь высказывания самих ее жителей. «Гражданин» — понятие, плохо совместимое с социальной апатией, иждивенчеством и стремлением не высовываться, поэтому неудивительно, что чаще всего интересующий нас сюжет затрагивали эксперты, которые по определению, выражаясь языком советских времен, являются людьми «активной жизненной позиции». Я бы выделила два основных мотива рассуждений моих собеседников на «гражданские темы»: 1) «мы живем в этой стране, и если здесь что-то не так, надо стремиться это изменить»;

2) «мы живем в этой стране, и если здесь что-то не так, то причем здесь Россия, у нас есть свое государство».

О чем бы ни заходила речь во время интервью — об экономической ситуации, отношениях с Россией, положении русскоязычных, — резко, напористо высказывалась в подобном духе правозащитница Наталья Аблова (22.09.98):

«Надо дистанцироваться от России как можно дальше в экономическом плане, только в культурном надо сохранять <отношения>. Мы совсем другая страна; маленькая страна имеет свои ограничители и меньше проблем, она сама себя прокормит...»

Мы не на главной трассе Великого Шелкового пути. Хорошо, если бы Россия, Китай о нас на время забыли. Россия не знает, что ей делать с СНГ, и лучше, чтобы страна в таком положении была от нас подальше [беседа состоялась во время российского финансового кризиса 1998 г. — Н. К.]...

Надо творить, создавать, что-то пытаться делать, и в этом решение всех проблем...

Вот посол ваш при встречах со мной всегда говорит, что одна из его функций — “заниматься соотечественниками”. Только не трогайте нас, не надо нас защищать, не надо вообще нами заниматься!» (острая реакция на брошенную мной фразу о том, что «я занимаюсь теми русскими, которые хотят остаться»; успокоилась, услышав мои объяснения, что речь идет лишь о научных «занятиях»).

Еще один пример. Во время беседы с Виктором Запольским, журналистом и крупной фигурой в местном издательском бизнесе (9.09.98), обсуждалась серия статей Талипа Ибраимова о русских в Киргизии (напечатанная в 1998 г. газетой «Res Publica»):

«Н. К. ...такая у него идея — в России жизненный уровень может сильно подняться, и тогда все русские уедут “за ослепительным счастьем”. Как Вы к этому относитесь?»

В. З. *То есть он обвиняет нас в отсутствии патриотизма, да?*

Н. К. *К Киргизии...*

В. З. *То есть обвиняет нас, которые живут в Киргизии, в отсутствии патриотизма к республике, в которой мы живем? Понимаете, те, о которых здесь пишут, они давно уже уехали, еще с первой или со второй волной эмиграции. Не оттого, что они испугались...*

Н. К. *Вы имеете в виду, до 1995 года или еще раньше?*

В. З. *...в основном после 1991 года. А те, которые остались, они не выжидали, что там будет, лучше или хуже. Не оттого, что некуда было или чего-то мы выжидали, нет, причина в другом. Есть и биологические причины, представьте себе, причины чисто и ментального характера... Вот я, скажем, мог бы хорошую карьеру сделать в Москве; я учился в Москве, меня оставляли на кафедре, институт очень хороший, Москов-*

ский государственный педагогический, и там мог бы развиваться, по русской филологии или психологии... продолжать учебу. Я не согласился, понимаете; я, как биологическое существо, я в России жить не могу. Я должен жить здесь, потому что я здесь родился и, наверное, какая-то... уже на уровне генетическом, я не могу, понимаете...

Н. К. *Вы себя считаете русским или киргизским русским, или среднеазиатским?*

В. З. *Я не знаю, как я себя считаю, но по крайней мере, всегда, где бы я ни был, я буду защищать интересы этого региона; может быть, со своей точки зрения, может быть, моя точка зрения совпадает с точкой зрения титульной нации, но я всегда говорю, что для меня Киргизия — это родина, все. И когда я говорю, вот, скажем, я за границу выезжаю, на месяц, а через неделю мне хочется не в Москву, а в Бишкек, я же не кривлю душой. А может, я еще и больший патриот, чем они, и патриотизм, это не то, чтобы на каждом углу ходить и кричать — какой я патриот, а надо чего-то делать».*

Отмеченные мотивы присутствуют и в самооощущениях обычных людей. Показательны некоторые ответы на включенный в анкету 1998 г. открытый вопрос, сформулированный следующим образом: «Много говорят и пишут о том, что Россия должна защищать своих соотечественников, оставшихся в бывших советских республиках. К каким мерам, на Ваш взгляд, Россия должна прибегнуть в этих целях?»:

— *всем помочь не сможет, мы рассчитываем только на свои силы;*
— *меня лично это не волнует, я надеюсь только на себя и на своего мужа;*

— *я думаю, что все это зависит от самого себя;*

— *мне кажется, каждый человек должен сам думать о своей жизни;*

— *я люблю эту страну и считаю, что везде можно сделать жизнь лучше; это зависит от нас;*

— *по-моему, никаких мер не надо; мы — русские, но ведь мы граждане Киргизии, и это государство должно о нас заботиться;*

— *не должна защищать, если я здесь живу, работаю;*

— *если у меня есть киргизское гражданство, я считаю себя гражданкой этой страны, и никакое другое государство не должно вмешиваться в мои отношения с Киргизией;*

— *в общем, наверное, ни к каким мерам; мы граждане Киргизии, и если кому-то что-то не нравится, то пусть российское посольство поможет такому человеку уехать.*

Таким образом, важным элементом **зарождающейся гражданской идентичности русскоязычных** является **чувство ответственности за происходящее в стране и готовность действовать** (это позиция человека

гражданского общества, разделяемая, естественно, пока еще немногими). Для **пассивного же большинства** лояльность государству выражается не столько в одобрении или удовлетворенности «системой», сколько в **надежде на его защиту**, что имеет особое звучание в контексте дискуссий о диаспоре и «внешней родине». Этот вопрос, как и другие, касающиеся возможных траекторий развития русскоязычных сообществ на основе формирующихся лояльностей и их сочетаний, будет рассмотрен в последнем разделе книги, посвященном взлелеянной российской научной и общественной мыслью концепции «русских диаспор» и ее критике.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Этой работой занимались, в частности, такие авторитетные учреждения, как Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Институт социологии РАН, Фонд «Общественное мнение», Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП) и др. Особо следует отметить лонгитюдное исследование ВЦИОМ по обширной программе «Советский человек» (1989, 1994 и 1999 г.), одной из целей которой было выявление так называемого «образа нации». Итоговый анализ результатов содержится в: *Левада Ю.* «Человек советский» десять лет спустя: 1989–1999 // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ. М., 1999. № 3; *Гудков Л.* Комплекс «жертвы». Особенности массового восприятия россиянами себя как этнонациональной общности (там же). Опубликовано и множество других статей, в том числе и в массовых изданиях, а также ряд солидных монографий (см., напр.: *Динамика ценностей населения реформируемой России.* Отв. ред. Н. И. Лапин и Л. А. Беляева. М., 1996; *Ментальность россиян (специфика сознания больших групп населения России).* М., 1997; *Россия на рубеже веков.* М., 2000; *Ачкасов В. А., Бабаев С. А.* «Мобилизованная этничность». Этническое измерение политической культуры современной России. СПб., 2000, и др.).
- ² Наиболее важные аргументы и результаты исследований авторов, обратившихся к теме идентичности русскоязычных, будут анализироваться по ходу изложения.
- ³ *Вишневецкий А.* Неизбежно ли возвращение? // Знамя. М., 1994. № 1. С. 180.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 181.
- ⁶ Цитирую по имеющейся в моем распоряжении стенограмме семинара, с. 14.
- ⁷ Там же. С. 20.
- ⁸ *Витковская Г. С.* Вынужденная миграция в Россию: итоги десятилетия // Миграционная ситуация в странах СНГ. Под ред. Ж. А. Зайончковской. М., 1999. С. 161.
- ⁹ *Брусина О. И.* Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX — конец XX века. М., 2001. С. 170.
- ¹⁰ *Полоскова Т.* Искушение «диаспоральной» полемикой. Россия должна помочь соотечественникам научиться выживанию // Содружество НГ. М., 2000. № 2. С. 3.
- ¹¹ См., напр.: *Ядов В. А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. М., 1995. № 3–4. С. 168; *Россия на рубеже веков...* С. 193.
- ¹² *Россия на рубеже веков...* С. 193.
- ¹³ Вопрос об идентичности был сформулирован так же, как и в опросах жителей Бишкека (с необходимой незначительной модификацией), чтобы иметь возможность проводить релевантные параллели между Киргизией и Россией.

- ¹⁴ Левада Ю. А. Комплексы общественного мнения // Экономические и социальные перемены... 1996. № 6. С. 11. См. также: Косова Л. Б. «Человек советский» — возможность типологии // Там же. 1997. № 2. С. 19; Россия на рубеже веков... С. 192.
- ¹⁵ Косова Л. Б. «Человек советский» — возможность типологии... С. 19.
- ¹⁶ Россия на рубеже веков... С. 192.
- ¹⁷ Левада Ю. «Человек советский» десять лет спустя... С. 9.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993—2000. Б/м. Московская школа политических исследований, 2000. С. 431.
- ²⁰ А значимость изучения социальной идентификации и коренится в первую очередь в том, что она «...опосредует влияние группы (общности) на поведение индивидов. Поэтому представительная картина тенденций развития социальной идентификации ...является основой для более аккуратных прогнозов массового социального поведения различных групп населения» (Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы... С. 160).
- ²¹ Наиболее заметна в этом отношении резкая активизация в 1998 г. семейно-родственной идентичности.
- ²² Русские в новом зарубежье: итоги этносоциологического обследования в цифрах. Отв. ред. С. С. Савоскул. М., 1996. С. 62.
- ²³ Malkova I., Kolsto P., Melberg H. O. Attitudinal and Linguistic Integration in Latvia and Kazakstan // Nation-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Society. An Investigation of Latvia and Kazakstan. Ed. by P. Kolsto. Boulder, Westview Press, 1999. P. 239.
- ²⁴ Дискуссия проанализирована в статье П. Колсто и ее русскоязычной версии, изданной в Эстонии (см.: Kolsto P. The New Russian Diaspora — an Identity of its Own? Possible Identity Trajectories for Russians in the Former Soviet Republics // Ethnic and Racial Studies. L., 1996. Vol. 19. № 3; Колсто П. Русская диаспора: собственная идентичность? // Радуга. Таллин, 1993. № 11).
- ²⁵ Колсто П. Русская диаспора... С. 68.
- ²⁶ Kolsto P. The New Russian Diaspora... P. 611.
- ²⁷ Колсто П. Русская диаспора... С. 68.
- ²⁸ Kolsto P. The New Russian Diaspora... P. 614, 615.
- ²⁹ Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 67.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Следом по распространенности шла группа несоответствий иного рода (меньше половины), когда респонденты определяли себя «советским человеком», «гражданином», «ником, просто человеком», «гражданином Киргизии», «русской среди русских» (казашка), «среднеазиатской русской», «казаком», «казачкой», «хохлому», «метисом» и пр.
- ³² «Другие русские» или мобилизованная ментальность. Рабочие материалы проекта. Вып. 1. Отчет о пилотажном исследовании. СПб., 2001. С. 44.
- ³³ Зыкин Г., Савиных В. Мы, русские // Азия (газета). Алма-Ата, август 1992 г. № 20.
- ³⁴ Савоскул С. С. Русские нового зарубежья... С. 93—94.
- ³⁵ Там же. С. 383. Для меня наиболее интересным объектом наблюдения является тут не подавляющее большинство согласившихся, а, наоборот, те 13% респондентов в городах и 8% в селах (а опрашивались, напомним, только русские!), которые затруднились ответить на предложенный риторический вопрос, а также, соответственно, 3% и 7% тех, кто ответил отрицательно. Именно в их среде можно многое узнать о том, как и почему происходят «дрейфы» и сдвиги в идентичности (естественно, уже не количественными методами).
- ³⁶ Русские в новом зарубежье: итоги... С. 92.
- ³⁷ Савоскул С. С. Русские нового зарубежья... С. 383—384.
- ³⁸ Россия на рубеже веков... С. 192.
- ³⁹ Материалы Надежды Лебедевой, например, демонстрируют очень высокую популярность культурных критериев — «говорить на русском языке» и «жить русской культурой» (соответственно, 53,1 и 68,8% для Казахстана; 38,9 и 63,9% для Узбекистана;

64,3 и 78,6% для Эстонии; 56,3 и 87,5% для Литвы, 55,1 и 82,8% для Азербайджана и, наконец, 54,6 и 66,7% для Армении). Однако набор предлагаемых ею «подсказок» был очень суженным и не включал «кровных» критериев (см.: *Лебедева Н. М.* Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. 2-е изд. М., 1997. С. 60, 100, 133, 167, 201, 230).

В рамках опроса, проведенного в начале 1990-х гг. сотрудниками Института этнологии РАН, интересующий нас вопрос формулировался несколько иначе, т. е. был повернут непосредственно к респонденту: «Если Вы считаете себя русским, то почему?» Именно из-за этого, отражая фактическое положение вещей, подавляющее большинство людей выбрали опцию «потому что у меня русские родители (один из родителей)» — в частности, 67 и 71% в городах и селах Киргизии, 78 и 61% — Правобережной Молдавии, 65% — в городах Эстонии. Опция «потому что я говорю по-русски» была в целом несколько менее популярна в Молдавии и Эстонии (например, 42 и 44% для горожан), а с мнением «потому что я считаю русский язык, русскую культуру, обычаи и традиции родными для меня» согласились 53 и 32% опрошенных в городах и селах Молдавии и 42% в городах Эстонии (см.: Русские в новом зарубежье: итоги... С. 97). Но все же, если считать «вес» культурно-языковых критериев в первом случае преувеличенным, а во втором — несколько преуменьшенным, они вполне могут соперничать по значимости с кровным и территориальным признаками.

⁴⁰ Другое встречающееся в литературе название такой идентичности — «русско-культурно-ориентированные» (см., напр.: Россия и новые диаспоры: приоритеты и направления политики. Стенограмма семинара в Московском Центре Карнеги. М., 1997. С. 20, 39, 40).

⁴¹ *Градировский С.* Россия и постсоветские государства: искушение диаспоральной политикой // Диаспоры. М., 1999. № 2–3. С. 49–50.

⁴² *Гриченко В.* Русские среди русских. Проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России. М., 1999. С. 39.

⁴³ Сходные тенденции в восприятии родины русскоязычными Украины и Казахстана были выявлены и другими обследованиями (см., напр.: *Malkova I., Kolsto P., Melberg H. O.* Attitudinal and Linguistic Integration in Latvia and Kazakstan... P. 239; *Рябчук М.* Кто самая крупная рыба в украинском пруду? Новый взгляд на отношения меньшинства и большинства в постсоветском государстве // Диаспоры. 2002. № 2. С. 21).

⁴⁴ Подробный структурный анализ ответов на вопрос о родине и миграционных планах был проведен в главе 5 разд. I.

⁴⁵ Данное высказывание примечательно тем, что в двух моих выборках этот человек оказался единственным, кто многократно и эмоционально выражал свою привязанность к России и русским (например, отвечая на вопрос об идентичности, он выбрал опцию «русские» и приписал «и только»; отвечая на вопрос «Что больше всего сейчас беспокоит Вас и Вашу семью?» он написал в графе «другое» — «хочу работать на благо России» и т. д.).

⁴⁶ *Витковская Г.* Вынужденная миграция в Россию... С. 161.

⁴⁷ См.: *Лебедева Н. М.* Новая русская диаспора... С. 61, 62, 101, 134, 163, 229, 259.

⁴⁸ Там же. С. 200.

⁴⁹ Там же. С. 94.

⁵⁰ См.: *Kolsto P.* The New Russian Diaspora — an Identity of its Own? Possible Identity Trajectories...

⁵¹ *Ibid.* P. 624, 631.

⁵² Да и трудности социально-психологической адаптации русскоязычных из разных этнических групп были практически одни и те же.

⁵³ Подр. см.: *Космарская Н. П.* Трудности адаптации переселенцев в сельской России: попытка концептуализации // В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. Под ред. А. Р. Вяткина, Н. П. Космарской, С. А. Панарина. М., 1999. С. 235–237. См. также: *Филитова Е.* Роль культурных различий в процессе адаптации русских переселенцев в России // Идентичность и конфликт в

постсоветских государствах. Под ред. М. Б. Олкотт, В. А. Тишкова и А. В. Малашенко. М., 1997. С. 137.

⁵⁴ Как было совершенно правильно отмечено на семинаре в Колумбийском университете в 1978 г., специалисты в области «национальных проблем» СССР всегда уделяли преимущественное внимание тому, как присутствие русских влияло на самоощущения и поведение находящихся по соседству с ними народов, а обратный процесс изучен гораздо хуже. Этот имеющий долгую историю «крен», к сожалению, не ликвидирован до сих пор.

⁵⁵ Межстрановых сравнительных исследований «другой русскости» на основе общих методологических приемов, насколько нам известно, пока нет. Интересные наблюдения о типах и параметрах локальной идентичности русских Крыма, Украины в целом и стран Балтии, а также результаты ряда солидных количественных исследований и их концептуализацию читатель сможет найти в серии статей по идентичности, заботливо собираемых в течение последних лет редколлекцией журнала «Диаспоры». См.: *Рябчук М.* Кто самая крупная рыба в украинском пруду?..; *Вихалем Т., Массо А.* Динамика идентичности русских Эстонии в период постсоветских трансформаций // *Диаспоры.* 2003. № 2; *Мальгин А.* «Русский Крым» в поисках себя // *Диаспоры.* 2003. № 4; *Горохов С., Лийметс А.* Об идентичности национальных групп жителей Эстонии (ситуация в Нарве) // Там же; *Волков В., Лиуга Т.* Русские Латвии в контексте интеграции латвийского общества // *Диаспоры.* 2004. № 3.

⁵⁶ *Витковская Г.* Вынужденная миграция в Россию... С. 161.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ В Латвии, например, где власти заняли очень жестко-избирательную позицию в вопросах предоставления гражданства русскоязычным, прослеживается тесная связь между политической национализацией государства, гражданской идентичностью и выбором человеком того или иного гражданского статуса. И все же П. Колсто, анализируя в своей статье латвийскую ситуацию, пишет об этом довольно осторожно: «В Латвии более 100 тыс. русскоязычных, имеющих право получить ее гражданство по закону 1995 г, не стали за ним обращаться. Хотя причины подобного поведения остаются не вполне ясными и могут быть вызваны различными факторами, одним из них наверняка является отсутствие идентификации с Латвийской Республикой. Многие из местных русских сильно привязаны к ней как к стране и территории, тем менее они не чувствуют единства с Латвией как с **государством**. Это и не удивительно, поскольку власти страны вполне недвусмысленно дают понять русскоязычным, что они не намерены приглашать их в ряды латвийской нации. Поэтому русские и не стремятся вступать в клуб, не желающих видеть их в качестве своих членов» [выделено автором. — *Н. К.*] (см.: *Kolsto P.* Territorialising Diasporas: The Case of Russians in the Former Soviet Republics // *Millennium: Journal of International Studies.* L., 1999. Vol. 19. № 3. P. 629; на русском языке статья опубликована в журнале «Диаспоры», 2001, № 1).

При **таких** масштабах необращения за гражданством и при **такой** политике властей поведение людей действительно можно интерпретировать как протестное. Однако пример Эстонии, где официальная позиция практически не отличается от латвийской, а массового игнорирования возможности принять эстонское гражданство не наблюдалось, показывает, что все не так просто. Тот же П. Колсто замечает далее: «И все же такое объяснение плохо согласуется с результатами опроса в Эстонии, который показал, что местные русские, судя по всему, все активнее идентифицируют себя не только с Эстонией как со страной, но и как с независимым государством, несмотря на дискриминационную политику, проводимую против них эстонским правительством» (*Ibid.*).

⁵⁹ *Витковская Г.* Вынужденная миграция в Россию... С. 162.

⁶⁰ Там же. С. 162, 164.

⁶¹ См.: *Elebaeyva A., Omuraliev N., Abazov R.* The Shifting Identities and Loyalties in Kyrgyzstan: The Evidence From the Field // *Nationalities Papers.* L., 2000. Vol. 28. № 2. P. 348–349.

⁶² Ibid. P. 346.

⁶³ Подр. см.: *Beume K. von. Shifting National Identities: the Case of German History // National Identities. Abingdon, 1999. Vol. 1. № 1. P. 49.*

⁶⁴ Ibid. P. 49, 50.

⁶⁵ Ibid. P. 50.

⁶⁶ Некоторые результаты этих обследований представлены в: *Kolsto P. Territorialising Diasporas... P. 628, 629.*

⁶⁷ Поддержку русскими Эстонии ее независимой государственности (41,5% опрошенных указали, что разделяли эту позицию всегда, а еще 15% сменили первоначальную враждебность на одобрение) П. Колсто назвал «довольно удивительной» (см.: *Kolsto P. Territorialising Diasporas... P. 629.*).

⁶⁸ Ibid. P. 628.

⁶⁹ Подр. об опросе см.: *Колосов В., Заяц Д. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. М., 2001. № 1. С. 104.*

⁷⁰ Там же. С. 104–105.

⁷¹ См.: *Malkova I., Kolsto P., Melberg H. O. Attitudinal and Linguistic Integration in Latvia and Kazakstan... P. 237.*

⁷² Ibid.

ЧЕМ МЫ БЫЛИ ДРУГ ДЛЯ ДРУГА? ИСТОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ ГЛАЗАМИ ЖИТЕЛЕЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ КИРГИЗИИ

Данная глава представляет собой попытку взглянуть на жизнь русскоязычных в Центральной Азии сквозь призму **прошлого**, причем в первую очередь не реального, а сконструированного массовым сознанием. Труднейшим вопросам здесь несть числа: каковы представления людей об исторических корнях переживаемых ими трудностей межгруппового общения; под влиянием каких событий и обстоятельств сформировалась их историческая память и где находятся ее основные «болевы́е точки»; меняются ли этнокультурные комплексы и фобии и если да, то в какую сторону; как представители народов, десятилетиями или еще дольше живущих бок о бок, оценивают свой вклад в развитие и благосостояние друг друга; какова, наконец, взаимозависимость между исторической памятью, историческими стереотипами, с одной стороны, и оценками людьми новой этнополитической ситуации и их поведенческими реакциями, с другой. Интересно также выявить степень мифологизации сознания, ее истоки и проявления. Таковыми могут быть, к примеру, следование социальным мифам советских времен или специфические групповые мифологизированные реакции, носящие компенсаторный характер.

Пролить свет на некоторые из этих вопросов мне поможет достаточно своеобразный социологический материал, собранный во время полевых исследований в Киргизии и Таджикистане в 1996 г. Чтобы выяснить, как их население представляет себе историю взаимоотношений «детей империи» и коренных народов Центральной Азии, русскоязычным участникам анкетирования в Бишкеке было задано четыре следующих вопроса (открытого типа): «Что хорошего (плохого) сделали русские для киргизов?» и «Что хорошего (плохого) сделали киргизы для русских?». Аналогичные вопросы задавались той же осенью 1996 г. в ходе интервьюирования киргизов Бишкека и таджиков Худжанда (Ленинабадская область¹ Таджикистана)². Глава написана преимущественно на киргизстанском материале — именно в этом случае возникает удачная возможность соотнести разделяемые массовым сознанием представления о прошлом с настоящим, т. е. с тем, как складывались в последние годы отношения между русскоязычными и титульной группой. В целях сравнения будут привлечены и мнения таджиков Ленинабадской области.

Хотя необходимые вступительные слова сказаны, перед тем, как перейти к анализу полученных мнений и оценок, рискну занять еще толику читательского внимания некоторыми методологическими пояснениями, а также размышлениями концептуального характера.

Хочу особо подчеркнуть (и это отражено в названии главы), что вопросы о «хорошем» и «плохом» имели своей главной целью прояснить, как массовым сознанием оценивается взаимодействие народов, культур³, цивилизаций, но ни в коем случае не конкретных людей или их групп. В большинстве случаев они именно так и воспринимались без дополнительных пояснений (хотя абстрактный характер вопросов делал их достаточно сложными для восприятия, и процент затруднившихся с ответом составил в среднем 20–25%). Попытки же некоторых респондентов, в основном малообразованных, апеллировать к личному опыту и отвечать в духе: «мне никто ничего плохого не сделал, с соседями хорошо живем», пресекались интервьюерами. В подобных случаях людям объясняли, в чем смысл вопроса, и если после этого ответ нужного уровня обобщения так и не был получен, он также фиксировался под рубрикой «затрудняюсь ответить».

Были ситуации и иного рода (примерно 1–2% ответов), когда вопрос вызывал отрицательную реакцию респондентов как «некорректный», «лишний», «вносящий смуту в наши отношения» и пр., отсюда и нежелание отвечать на него. При обработке эти случаи фиксировались под рубрикой «нет ответа». Действительно, вопрос намеренно был подан в острой, провокационной форме — во-первых, чтобы смысл его был предельно ясен; во-вторых, чтобы подтолкнуть отвечающих к четким, возможно, столь же заостренным формулировкам, без полутонов и «размытости», плохо поддающихся содержательной интерпретации. Добиться как можно большей откровенности при обсуждении весьма деликатных тем мы старались и с другого конца — это обеспечение строгой анонимности исследования и подбор квалифицированных интервьюеров-социологов нужной национальности (с русскоязычными беседовали «русские», с таджиками — таджики, а с киргизами — киргиз, который мог общаться с респондентами, исходя из их пожеланий, на русском, киргизском языках или на двух языках сразу⁴). И надо сказать, в подавляющем большинстве случаев наша цель была достигнута — судя по многим весьма раскованным ответам, респонденты отнюдь не были ограничены внутренним «цензором».

Несколько слов о трудностях и подводных камнях исследования, во многом предопределяющих дискуссионный характер его выводов. Как уже отмечалось, «хитрые» исторические вопросы задавались менее всего с экзаменационной целью — выяснить, насколько хорошо люди знают историю (в данном случае историю взаимоотношений своих народов и культур); намного важнее было узнать, как они ее

конструируют и насколько совпадают (или расходятся) оценки киргизов (таджиков) и русскоязычных. И все же наличие некоего устоявшегося массива исторических концепций и сведений о том, как «все было в действительности», оказалось бы в подобном исследовании весьма кстати. К сожалению, такого массива не существует.

Дело не только в том, что история — наука неточная, и даже изученные вдоль и поперек судьбы мировых империй так и не дали однозначного ответа на вопрос, чего больше — «хорошего» или «плохого», — принесли эти империи на «переваренные» ими территории. Кроме всего прочего, мы, жители и народы бывшего Советского Союза, вынуждены по известным причинам переосмысливать и переписывать свою историю. А когда в таком многоквартирном с этнической и культурной точки зрения «доме», какой были Российская империя и СССР, жители всех квартир получили наконец-то свободу выражать и даже политически реализовывать свою «самость», едва ли не самым жгучим оказался для них соблазн переосмыслить именно имперский пласт нашего прошлого; написать, как теперь говорят, собственные, независимые, или национальные истории⁵. Неудивительно, что в работах постсоветского периода разноречивость или, по крайней мере, заметные расхождения интерпретаций и оценок являются скорее правилом, чем исключением — идет ли речь о масштабных социальных явлениях (например, сущность Российской империи⁶), об их модификации во времени и пространстве (в частности, характер отношений имперского Центра с отдельными территориями в разные периоды⁷) или, наконец, о конкретных исторических эпизодах⁸. Ряд примеров, приведенных в примечаниях, лишь фиксируют существующие различия во взглядах коллег, но анализ высказываний респондентов потребует возврата к некоторым сюжетам уже с определенных авторских позиций.

Еще одно замечание — по поводу терминов. Напомню, что в соответствии с заявленным в начале книги авторским подходом к объекту исследования использование в вопросах о «хорошем» и «плохом» термина «русские» весьма условно и ни в коем случае не подразумевает русских в чисто этническом смысле. Это своего рода кодовое название для обозначения всей совокупности этнических групп, являвшихся в разные периоды проводниками имперской политики в Центральной Азии; внешней силой, пришедшей с Севера (пусть русские и преобладали численно в этих людских потоках)⁹. Речь, таким образом, идет о тех сообществах, которые в книге называются **русскоязычными**.

Именно они и имеются в виду в данной главе под термином **«русские»**, за исключением специально оговоренных случаев или тех, когда чисто этническое его содержание очевидно из контекста. Причем ответы на вопрос о «хорошем» и «плохом» показали, что и респонденты в своем большинстве восприняли слово «русские» в его «трансэтни-

ческом», более всего социальном смысле, называя те явления, которые были результатом взаимодействия не отдельных людей, а прежде всего обществ, социально-политических систем. Некоторые из них даже делали уточняющие комментарии: «надо говорить не русские, а россияне»; «надо говорить не “русские”, а ”Центр”, “государство”»; «это не русский человек провел русификацию, Сталин не был русским».

Столь пространный экскурс в этот, казалось бы, «боковой» для главы сюжет сделан мной с одной-единственной целью — избежать (к чему я стремлюсь на протяжении всей книги) чрезмерной «этнизации» изучаемых процессов и явлений, а в данном случае — объяснения мотивов и побуждений участвующих сторон преимущественно особенностями их национального характера. В чувствительном пространстве взаимоотношений различных этнокультурных групп, отягощенных бременем исторических обид и массой современных претензий друг к другу, оперировать категориями этничности нужно с большой осторожностью, не теряя из виду факторы геополитические, экономические, социальные.

Одно дело — русские такие-то по своей природе, по своему национальному складу, по свойствам души, и потому они действовали так-то и так-то, того-то и того-то следует от них ожидать и т. д.; и совсем другое дело — русские, оказавшись вместе с представителями других этнических групп в определенной исторической ситуации, будучи агентами тех или иных социально-политических систем, выполняли соответствующие функции и играли предписанные этими системами роли. Отсюда и различия в ответах на важнейший вопрос об исторической ответственности и исторических заслугах.

Между тем в нашей литературе необоснованная «этнизация» присутствовала и присутствует (в данном случае речь идет о работах, реконструирующих историю). Ярким примером является, в частности, прекрасный по своему стилю и убеждающей эмоциональности очерк Сергея Панарина «Восток глазами русских». С его основным посылом, если «очистить» его от этничности, нельзя не согласиться — речь идет об особом, «оценочном зрении» русскоязычных в их восприятии народов Востока как лишенных «этнической самости и цивилизационной неповторимости»¹⁰. По крайней мере, так обстояли дела в период написания очерка, т. е. в начале 1990-х гг. Сами же авторские аргументы, да и форма подачи материала пронизаны «русскостью» — в качестве субъектов действия, влияния и т. д. фигурируют исключительно русские в их этнической ипостаси; речь идет о русской душе, русских умах, особом предназначении русского народа; о клише старшинства и избранничества русских, о мессианских традициях русских; об исламофобии, превращающейся в «глубоко интериоризированный элемент сознания всего русского народа», о рецидивах

«застарелой русской болезни» и пр.¹¹ Лишь одно упоминание о социально-исторической обусловленности поведения русских (замечу в скобках — и не только их) касалось «негативистского большевистского видения Востока» и его возможного влияния на взгляды «нового поколения участников русско-восточных контактов»¹².

Аналогичную попытку «вывести» особенности российской/советской колониальной политики из свойств русского национального характера наблюдаем в статье Шарифа и Рустама Шукуровых. На определенном этапе изложения они вводят понятие русскоязычных как трансэтнической группы, и можно было бы считать многократно использованные обороты с эпитетом «русские» лишь фигурой речи (русский солдат, русская жестокость, русская власть — хотя по контексту речь явно идет о советской власти; русский колонизатор, русские штыки и т. д.), если бы, например, не объяснение злодеяний большевиков в Центральной Азии наличием, по Николаю Бердяеву, «“женской” хаотической черты в русском духе»¹³. При этом «за кадром» остается антигуманная природа большевистского режима как такового — режима, который «прошел катком» не только «по среднеазиатской жизни», но и по всей России и ее многочисленным народам, подминая, не в последнюю очередь, и самих русских. Кстати, из-за особенностей проводимой в Российской империи в начале XX в. национальной политики русские отнюдь не преобладали среди массы активных революционеров и лидеров революционных организаций, многие из которых и стали потом «преобразователями» этой самой среднеазиатской жизни¹⁴. И делали они это не как русские, а как носители, по их убеждению, бессмертной и всесокрушающей, причем наднациональной идеи — «Москва не как русскому мне дана, а как огневое знамя!» (Владимир Маяковский).

Аналогично, если продолжить начатый во введении экскурс в историю, в силу стечения исторических обстоятельств и предшествующая советской Российской империя не была национальным государством русских (длительное время уступавших по важнейшим показателям качества жизни многим другим, нерусским народам). «И хотя имперский патриотизм, который лежал в основе ее интеграции, имел некоторые элементы, связанные с этническим самосознанием русских (православие, общая история и культура), все же преобладали в этом комплексе наднациональные черты»¹⁵.

В контексте сказанного хотелось бы обратить особое внимание на «нерусские» или, по меньшей мере, не столько «русские», сколько **европейские** корни того чувства превосходства по отношению к «отсталым народам», которое стало на столетия стержнем не только официальной имперской политики (заимствованной в этом своем качестве и большевиками), но и, вплоть до последнего времени, главной

составляющей мироощущения оказавшихся на Востоке «детей империи» разных поколений и миграционных волн. Как отмечает Андреас Каппелер (*Andreas Kappeler*), копирование европейского опыта началось еще в первой половине XVIII в., когда, стремясь усилить давление на Степь, «Россия переняла на Западе европоцентристское сознание превосходства над Азией; дистанция по отношению к азиатам увеличилась, понятия “ислам”, “кочевники”, “Азия” и “Восток” приобрели однозначно негативный характер»¹⁶. В дальнейшем, на протяжении XIX в., эта ориентация постепенно усилилась, и «все меньше оставалось места для толерантности и понимания иного социального уклада, иной хозяйственной структуры, иной системы ценностей... как и западноевропейские колониальные державы, у которых Россия переняла это самосознание, она должна была якобы исполнить в Азии некую цивилизаторскую миссию, неся “примитивным” нерусским свет “более высокой” европейской культуры»¹⁷.

Сравнительная ценность материального и духовного («Что хорошего сделали русские для киргизов?»)

Перед тем, как будут проанализированы ответы русских и киргизов на каждый из четырех вопросов о «хорошем» и «плохом», несколько слов о технологии проведения исследования и принципах организации таблиц.

Всего в октябре 1996 г. было опрошено 304 русскоязычных жителей Бишкека. О выборке подробно говорилось выше (см. Введение). Напомню лишь, что в нее были включены лишь мужчины и женщины трудоспособного возраста (от 20 до 60 лет), преимущественно состоящие (или состоявшие) в браке. По признаку этнической принадлежности, участниками опроса стали, кроме собственно русских (их было большинство), представители многих «пришлых» русскоязычных этнических групп, населяющих Киргизию. Целевая группа из 96 киргизов, с которыми были проведены полуструктурированные интервью, подбиралась по принципу снежного кома. В нее попали люди разных возрастов и занятий, включая пенсионеров и студентов. Однако обитатели маргинализованного «миграционного пояса» Бишкека, где осели в последние годы многочисленные выходцы из ближних и дальних сел, остались за пределами обследования. Моей целью было выяснение позиции именно «городских киргизов», с которыми русскоязычные в основном и контактируют на бытовом и профессиональном уровнях.

Полученные ответы группировались по естественно возникающим смысловым блокам (рубрикам); при сведении в таблицы более мелкие блоки объединялись по смыслу в более крупные. Число отве-

тов, «выбивающихся» из колеи массового восприятия и помещенных в рубрику «разное», в обоих случаях было очень небольшим.

Ответы русских анализировались не по всему массиву целиком, а по двум уже известным читателю группам респондентов (именно так ответы и представлены в «русских» таблицах, причем к условно желающим уехать присоединены несколько человек, уже готовящихся к отъезду). Различия в позициях мужчин и женщин оказались для русскоязычных несущественными ни с содержательной, ни с количественной точек зрения (за исключением того знакомого социологам обстоятельства, что при ответах на абстрактные вопросы об истории, политике и пр. доля женщин, затруднившихся с ответом, обычно выше доли мужчин). Иное с киргизами — гендерные различия здесь достаточно заметны, поэтому в таблицах ответы женщин и мужчин представлены раздельно.

Итак, что же хорошего, по мнению русских, они принесли киргизам? Различия между группами по содержательной структуре не очень существенны, впрочем, как и по частотному «весу» той или иной рубрики (см. табл. 1а). Разница заметна лишь в одном: в группе «желающих остаться» ощутимо больше тех, кто заслуги русских видит в развитии социальной инфраструктуры. Нет значимых различий и по подбору слов и выражений, глубине обобщений; детализированности ответов, их стилистической красочности и эмоциональной насыщенности.

Ответы в массе своей свидетельствуют о полной уверенности в значимости и огромной пользе миссии, выполненной русскими; киргизы (за кадром) видятся как сторона абсолютно пассивная, лишь воспринимающая импульсы извне. Особенно это заметно в ответах с «цивилизационной» нагрузкой, и тут симптоматичен сам подбор глаголов: внесли цивилизацию; принесли, ввели в Киргизию цивилизацию; внесли технический прогресс; основали, создали (на пустом месте), подняли сельское хозяйство; дали им культуру, дали толчок развитию; привили культуру, культуру привезли; открыли путь к...; приобщили к мировой цивилизации, оцивилизовали, окультурили, научили...; обустроили республику, практически с нуля создали...; дали самое лучшее и т. д. По численности им значительно уступают ответы либо более «мягкие», предполагающие хотя бы минимальное участие киргизов и наличие не только «пустого места» до прихода русских: помогли, обогатили, ускорили, повысили, совместно построили, обмен культур и пр., либо нейтральные, состоящие из одних существительных (образование; мировая культура; градостроительство; заводы; жилье и т. д.). Лишь одна женщина существенно смягчила тональность, переведя разговор из области результатов в область добрых намерений: «всегда старались сделать что-то лучшее, хорошее». Ответы явно шовинистического характера, правда, тоже единичны — «не загнали их в резервации, как индейцев»; «не истребили их как нацию».

Таблица 1а

Русские.
Смысловая структура ответов на вопрос «Что хорошего сделали русские для киргизов?», в % к числу ответов

Основные смысловые блоки	Желающие остаться в Киргизии (N=131)*	Ориентированные на выезд (N=194)*
1. «Всё» или очень многое	8,4	14,0
2. Русские принесли с собой изменения цивилизационных масштабов	12,2	13,4
3. Изменения в экономической и социальной сферах — создали экономику, систему образования, здравоохранения и пр.	24,5	21,6
4. Изменения в социальной и духовной сферах — медицина, развитие культуры и пр.	22,9	14,0
5. Создали экономику, построили промышленность	10,7	14,9
6. Научили, обучили...	3,8	6,7
7. Сохранили киргизов как нацию	0,0	3,6
8. Ничего хорошего не сделали	1,0	0,0
9. Затрудняюсь ответить	6,2	3,1
10. Нет ответа	4,6	3,6
Всего	100,0	100,0

* Здесь и в последующих таблицах единицей учета является не респондент(ка), а, в соответствии с методикой content-анализа, некая смысловая единица. Поскольку ответы иногда распадались по своему содержанию на два (или, реже, три) смысловых отрезка, базой для подсчета процентов стала величина, превышающая число опрошенных.

Некоторые ответы под рубрикой сделали «всё» звучат особенно патетически: «если бы не было русских, то киргизы вряд ли что смогли сами сделать»; «всё, что сделали — всё хорошо»; «всё, что имела Киргизия до развала СССР»; «всё, что есть хорошего в Киргизии, сделали русские», «подняли Киргизстан во всем»; «помогли им во всем; дали то, чего не было; поступили, что называется, по-братски». Правда, объективности ради надо отметить, что категориями «всё» и «цивилизация» мыслит все-таки меньшинство респондентов (20,6% среди «желающих остаться» и 27,4% среди «желающих уехать»).

Говоря о цивилизационных сдвигах, которым один респондент дал яркую метафорическую характеристику: «русские для киргизов —

это машина времени; перенесли их на много лет вперед», опрошенные не всегда использовали само слово «цивилизация». По сути, под эту рубрику можно подвести и ответы следующего типа:

- *создали экономику, государство и социальные структуры;*
- *внесли технический прогресс, культуру и благоустройство быта;*
- *научили обрабатывать землю;*
- *из аграрного Киргизстан стал промышленным государством;*
- *помогли приобщиться к мировому сообществу;*
- *помогли осесть, уйти от кочевого образа жизни;*
- *из феодального строя, минуя капитализм, пожили при коммунизме!*
- *помогли перешагнуть феодализм; из первобытного общества в капитализм;*
- *принесли социализм в эти края* (в последних трех высказываниях обращает на себя внимание весьма вольное обращение с теорией общественных формаций);
- *ускорили прогресс в XX веке;*
- *помогли встать на ноги;*
- *создали республику;*
- *построили новый строй;*
- *помогли становлению киргизской государственности;*
- *помогли киргизскому народу за 50 лет пройти от первобытнообщинного строя до нынешней перестройки на путь рыночной экономики.*

Говоря о вкладе русских в развитие и становление культуры, опрошенные рассматривают ее не в вышеупомянутом академическом смысле, а в более практическом — «всё от искусства до литературы, образования, быта, культуры». Наиболее часто употребляется само слово «культура», но упоминаются и образование, культурно-образовательный уровень, ликвидация неграмотности, подготовка кадров в вузах России, а также быт, производственная культура, градостроительство, медицина (создание системы бесплатного здравоохранения, ликвидация опасности эпидемий, излечение от сифилиса).

Ответы, касающиеся развития культуры русскими (или приобщения к ней киргизов с помощью русских) в ряде случаев подразумевают, что последние представляют культуру не только собственно русскую или славянскую, но и европейскую или даже мировую: «как человек искусства могут сказать — киргизы влились в мировую и русскую культуру». Лишь в одном ответе упоминается о развитии «киргизской культуры».

К идеям о культурном вкладе близки по смыслу и выделенные в отдельную рубрику высказывания, начинающиеся со слова «научили». Оно и здесь, и при использовании его в дальнейшем отражает восприятие себя русскими как учителей, а киргизов — как внимающих учеников; правда, смягчающим обстоятельством служит то, что и сами

киргизы активно прибегают к этому обороту при описании «воздействия» на них русских.

Диапазон того, чему русские «научили» киргизов, весьма широк — начиная опять же от языка, культуры, конкретных производственных навыков и бытовых привычек, умения работать:

- *научили сельскому хозяйству, показали, как надо работать;*
- *обучили тем или иным профессиям;*
- *научили работать;*
- *расширили кругозор, научили тому, о чем киргизы и не подозревали (сельское хозяйство, огород);*
- *научили обрабатывать землю;*
- *научили земледельческой культуре, строить дома, трудиться на производстве;*
- *многому научили: дали письменность, цивилизацию;*
- *научили языку, культуре;*
- *научили их мыться в бане и ходить в туалет, выдвигали, продвигали;*

и кончая тем, что

- *жить научили.*

Небольшую группу, но стоящую выделения в качестве отдельной — «сохранили киргизов как нацию», составляют ответы типа:

- *защитили нацию от вымирания;*
- *спасли от вымирания еще при царской России;*
- *сохранили как нацию;*
- *лечили, учили, убить друг друга не дали;*
- *сохранили самобытность киргизов.*

Итак, комплекс превосходства русских, комплекс «старшего брата» или, как более изысканно его называют некоторые авторы, «коллективное демиургическое и мессианское сознание»¹⁸, — казалось бы, налицо, во всей своей неприкрытой откровенности. Не будем, однако, спешить с выводами.

Начнем с того, что это ощущение огромности своего вклада у русских практически лишено здесь мифологичности, по крайней мере, собственной, групповой (универсальный миф о великом советском народе не в счет), а значит, и придуманности в том смысле, что опирается на многообразные материальные и духовные достижения цивилизации, которые **действительно** пришли в Центральную Азию по мере того, как она всё глубже втягивалась в орбиту российского/советского влияния. Модернизационный импульс дореволюционного периода был достаточно скромным, и все же сюда начали проникать и знания, и новые технологии (см. фото 1, 2). Началось и преодоление неграмотности (см. фото 3). Я думаю, можно согласиться с Анатолием

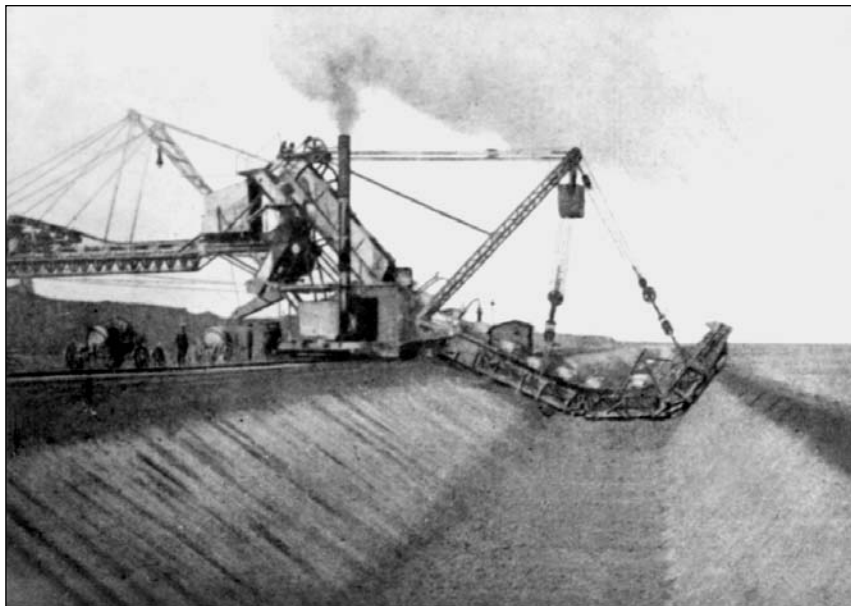


Фото 1. Многочерпаковый экскаватор при разработке выемки Шур-Узякского водоотводного канала. 1915 г.



Фото 2. Голодностепская опытная с/х станция по хлопководству у пос. Спасский. 1915 г.

Вишневым в том, что «южные или восточные районы империи, если бы они дожили до XX в., оставаясь в сфере имперского влияния Турции, Персии или Китая, вряд ли продвинулись бы в своем развитии дальше, чем это удалось им сделать, идя вместе с Россией»¹⁹.

Респонденты, правда, не задумываются об этом далеком периоде — ответы и русских, и киргизов на все четыре вопроса практически не вышли за временные рамки советской эпохи (за исключением одного более раннего эпизода — восстания 1916 г.). И тут, хоть ученые и спорят о сравнительной весомости вклада двух империй и указывают на ограниченный характер советской модернизации в Центральной Азии²⁰, для самих русских, а мы говорим сейчас именно о них, а не о позиции титульных групп, — достижения более чем очевидны. Они зримы, реальны, масштабны и ежедневно являются здешнему жителю как часть его профессиональной жизни, культурного пространства, бытовой и природной среды обитания. Конечно, не всё было сделано исключительно руками русских (напомню — русскоязычных!), но, по крайней мере, по их инициативе, настоянию, побуждению и т. д. И как минимум в силу именно этих обстоятельств в структуре самооценки русских идея «сози-

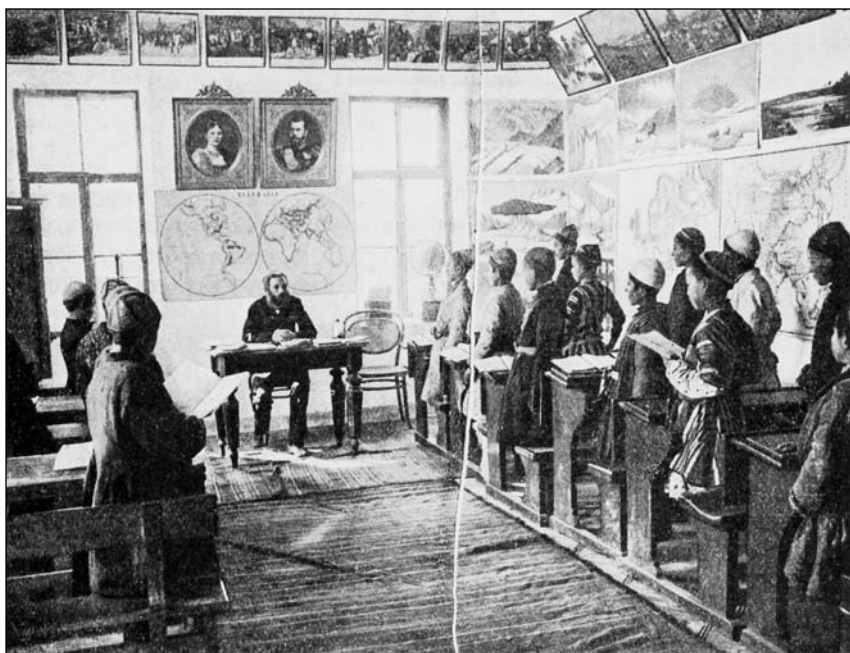


Фото 3. Русско-туземное училище. Учитель Сычев, выработавший многие практические основания обучения в русско-туземных училищах края. Ист.: Туркестан. География и история края. Составил М.В. Лавров. М., 1916. С. 54.

дательного вклада» суждена долгая жизнь, хотя, естественно, в советский период подобные самоощущения были более органичны эпохе и потому проявлялись в более напористых и безапелляционных формах. Всё это, однако, не означает, что в новой социально-политической среде не меняются и не будут меняться другие компоненты самосознания русских. И вряд ли можно будет говорить о комплексе превосходства в том случае, когда высокая самооценка сочетается с признанием собственных ошибок и достижений другой стороны.

Вернемся, однако, к анализу эмпирического материала. Общественный прогресс, сколь масштабным он бы ни был, имеет, как известно, свою оборотную сторону. Рано или поздно возникает вопрос — за счет чего или какой ценой? Что из материально-технических и социальных достижений имеет ценность безусловную, а что — относительную или даже сомнительную, для тех людей, например, кому эти достижения и были «принесены», «даны», «привиты», «преподаны» и т. д.? Посмотрим с этой точки зрения на ответы киргизов (см. табл. 1б) и сравним их с реакцией русских.

Две группы объединяет высокая степень, так сказать, «ответственности» на вопрос — доля затруднившихся здесь весьма невелика, сильно контрастируя с соответствующими показателями следующих таблиц. Понятно, что другие вопросы поворачивают проблему в более непривычную для респондентов плоскость; кроме того, задача была облегчена отмеченной выше «материальностью», «осязаемостью» предмета разговора. Различия же в видении проблемы русскими и киргизами весьма существенны, причем и в содержательном, и в количественном отношениях, несмотря на похожесть рубрик.

Во-первых, эмоциональный «градус» оценок киргизов значительно понижен, что характерно и для мужчин, и для женщин. Мы почти не встречаем здесь патетики и энтузиазма; куда больше спокойных, нейтральных констатаций, идет ли речь об образовании, культуре или экономике, а самые распространенные глаголы — «помогли», «способствовали», не подразумевающие иерархичности отношений между двумя взаимодействующими сторонами:

- *внесли вклад в социально-экономическое развитие Киргизии;*
- *промышленность с их непосредственным участием была поднята;*
- *оказали поддержку в экономике;*
- *культуру помогли поднять на более высокий уровень;*
- *оказали содействие в получении образования;*
- *через русский язык мы приобщились к мировой культуре, и т. д., и т. п.*

Посмотрим, далее, на первые две рубрики таблиц 1а и 1б. Киргизы, и это вполне объяснимо, вообще не оперируют категорией «всё»; первая рубрика содержит всего-навсего один ответ: «по-моему, немало,

Таблица 16

Киргизы.
Смысловая структура ответов на вопрос «Что хорошего сделали русские для киргизов?»,
в % к числу ответов

Основные смысловые блоки	Мужчины (N=50)	Женщины (N=54)	Всего (N=104)
1. Немало	0,0	1,8	0,9
2. Русские принесли масштабные изменения	8,0	1,8	4,8
3. Процесс был взаимным, все хорошее создавалось совместными усилиями	6,0	5,6	5,8
4. Помощь в развитии культуры, образования, науки	32,0	35,2	33,6
5. Развитие экономики, промышленности	12,0	11,1	11,5
6. Вклад в становление экономики и культуры	4,0	1,8	2,9
7. Научились у русских, позаимствовали у них...	22,0	18,5	20,2
8. Ничего хорошего не сделали	2,0	1,8	1,9
9. Затрудняюсь ответить	8,0	13,0	10,7
10. Нет ответа	0,0	3,8	1,9
11. Разное	6,0	5,6	5,8
Всего	100,0	100,0	100,0

но конкретно ответить затрудняюсь». Ответы, фиксирующие масштабность принесенных русскими изменений, не только малочисленны и принадлежат в основном лишь мужчинам, но и довольно сдержанны по тону: «все преимущества социалистического общества»; «общий уровень во всех отношениях помогли поднять»; «цивилизации с их помощью достигли»; «современный уровень жизни во многом их заслуга»; «поставили на ноги государство».

Часть опрошенных сочла необходимым подчеркнуть, что правильнее ставить вопрос не о вкладе русских, а о совместно достигнутых результатах:

- *думаю, друг для друга мы сделали много;*
- *экономическое, культурное развитие достигнуто совместным усилием;*
- *при общении любые народы обогащают друг друга;*
- *киргизы и русские друг друга взаимно обогащали — материально и духовно;*

- *поднимали вместе с киргизами культуру;*
- *все хорошее создавалось совместно.*

Аналогичный «понижающий» смысл имеют и ответы с оговорками — сделано-то сделано, но..:

- *они в какой-то мере способствовали развитию экономики, культуры;*
- *может быть, здесь заводы построили;*
- *после революции в рамках СССР поднималось на все более высокий уровень образование и пр., но это заслуга не только русских;*
- *немножко помогли быть образованными;*
- *кое-какую культуру переняли от них, образование.*

На мой взгляд, здесь мы имеем дело со своего рода **компенсаторной реакцией**, естественной для периода пробуждения национального самосознания и направленной на снижение заслуг «другого» в целях поднятия собственной самооценки.

Объективности ради отметим наличие рубрики «научились у русских» (около одной пятой ответов), и сам этот оборот подразумевает достаточно высокую оценку деятельности последних. За исключением ответов нескольких мужчин, обративших внимание на производственный аспект («научили работать неплохо»; «научили обращаться с техникой»; «обучили специальностям»), во всех остальных случаях речь шла о сферах культуры и образования:

- *киргизы научились от них многому (работе, культуре);*
- *способствовали расширению мировоззрения;*
- *обогатили физически и духовно;*
- *научили культуре (этика поведения);*
- *только в тех местах, где живут русские, есть справедливость, этика;*
- *научили языку, цивилизации и культуре других народов;*
- *позаимствовали у них много положительного;*
- *многому от них научились, и т. д.*

И тут мы подходим ко второму важнейшему отличию позиции киргизов — **культурный, образовательный вклад** русских представляется им **гораздо более заслуживающим внимания**, нежели преобразования в **материальной сфере**. Посмотрим, к примеру, на таблицы. Почти 36% русских респондентов говорили о развитии экономики, промышленности и пр., либо ограничиваясь этим, либо упоминая об экономике в ряду с другими своими успехами (и это без учета тех почти 13%, которые мыслили категорией цивилизационных сдвигов, куда опять-таки включались масштабные социально-экономические преобразования).

Велико и разнообразие названных русскими достижений — экономический, технический прогресс; создание легкой и тяжелой промышленности; перестройка быта; строительство городов, ГЭС, дорог, мостов; подъем сельского хозяйства; развитие архитектуры, создание системы здравоохранения, жилого фонда и пр. Что касается респондентов-киргизов, лишь 14,4% из них упомянули об экономических преобразованиях, причем в самом общем виде: «вклад в социально-экономическое развитие Киргизии» и т. д. (некоторые из подобных высказываний приведены выше).

Интересно, что никто (!) не вспомнил о развитии медицины и здравоохранения, создании сети больниц, поликлиник и пр., что составляет разительный контраст с ответами русских. А ведь речь идет о ценности безусловной, о плодах цивилизации, нужных каждому человеку, по отношению к которым трудно говорить о каких-то издержках и перекосах. Видимо, для нынешнего поколения киргизов, тем более городских, все созданное в этой сфере представляется привычным и само собой разумеющимся, и они мало задумываются о «точке отчета» — о тех страшных болезнях, которые преследовали киргизов и других кочевников до прихода русских²¹.

Обращают на себя внимание и другие «незамеченные» респондентами плоды прогресса: лишь один ответ касался сельского хозяйства («в сельском хозяйстве много чего сделали»), а про строительство и обустройство городов, которых не знали киргизы-кочевники, вообще никто не упомянул. Между тем перемены произошли действительно грандиозные, и роль русских тут трудно переоценить. Воспользуясь для иллюстрации поэтическим их описанием самими же киргизами. Вот выдержка из стихотворения Алыкула Осмонова «Город Фрунзе»:

...Помню в детстве, был ты темен, и уныл, и глух.
Над тобою пыль парила, пышная, как пух.
Вырос я. А ты, мой город, начал молодеть —
В каждой линии мне виден юношеский дух.
Льются струны телеграфа ниже твоих крыш.
Меж проспектов заблудился деревенский стриж.
Здесь — музей, а там — театры, школы, институт.
Ты витринами сияешь. Ты в огнях горюшь.
Ты прошел, как тень былого, старый мой Пишпек.
Пыльно-серый, был от грязи чуть не черно-пег.
Но из ветхого столетья русская рука
Соколом тебя пустила прямо в новый век...²².

Стихотворение написано в 1946 г., и, хотя нельзя сбрасывать со счетов идеологический прессинг глухой сталинской поры, с неизбежными реверансами в адрес «старшего брата», картинка получилась очень реалистичная (Пишпек как поселение, напомним, был отстроен русскими на месте кокандского опорного пункта). А вот Молдо



Фото 4. Русский доктор. Фото М. Пенсона.

Ист.: *Ходжаев Ф. Узбекистан открытым сердцем. Повесть о жизни и творчестве Макса Пенсона.* Ташкент, 1989, с. 22

Кылыча, умершего в 1917 г., вряд ли можно подозревать в следовании советским идеологическим догмам, когда в поэме «Сказание о Чуйской долине» (1915 г.) он колоритно описывает все буйство разнообразия — народов, обычаев, сельскохозяйственных практик, товаров, плодов и пр., появившееся в долине с приходом туда русских:

...Расскажу, как люди пришли,
Из обширной русской земли,
Как в пустынной, сонной дали
Основали город Токмак...
Там, где город Токмак возник,
Расцвела, глаза веселя,
Превращенная в пашни земля...
Здесь прилежный сажает народ
И китайский кунак, и кунжут.
И у русских, и у дунган
Есть немало плодовых семян.
Было раньше нам невдомек,
Что пойдут человеку впрок
Эти овощи и плоды!
Хороши у русских сады,
Так густы, что встают стеной.
Огороды у них разрослись.
В удивленье придет киргиз!..²³

И строительство городов, и колхозные эксперименты на базе чуждой кочевникам земледельческой формы сельскохозяйственного производства, при всех их очевидных (как минимум, для советского периода) плюсах означали для киргизов радикальную перестройку привычной социально-природной среды и образа жизни, так называемое оседание. И, судя по ответам даже городских киргизов, которые сами вряд ли мечтают сменить благоустроенную бишкекскую квартиру на юрту чабана, на подсознательном уровне ощущение навязанности, ненужности этих перемен сохраняется или, по крайней мере, их ценность воспринимается как далеко не безусловная. В еще большей степени это относится к советскому индустриальному проекту — вспомним, что респонденты-киргизы пусть не проигнорировали полностью эту сторону созидательной деятельности русских, но сдержанность в оценках проявили.

Тут уместным будет обращение к весьма продуктивной, на мой взгляд, идее А. Вишневого о «восточнославянской метрополии» и, соответственно, о том, что реализованная советским режимом модель консервативной модернизации наиболее органично соответствовала потребностям восточнославянских народов и тем условиям, которые сложились в первой половине XX в. на основных территориях их расселения. А при «пересаживании» ее в иную социокультурную почву, будь то продвинутый Запад или традиционалистский Юг страны, неизбежно возникали пробуксовки и отторжение ее местным населением, естественно, по разным причинам, но с одинаковым результатом — модернизационный прорыв приходилось осуществлять населению пришлому, в первую очередь русским, украинцам, белорусам²⁴. Если говорить о Центральной Азии, то даже в конце 1980-х гг. среди занятых в промышленности было лишь 53% узбеков и того меньше киргизов — всего 25%²⁵. «Догоняющее развитие, которое несколько веков держало в напряжении восточнославянскую Россию, не играло большой роли в жизни неславянских народов ее восточных и южных колоний. Новые ценности промышленно-городской жизни здесь вообще долго не осознавались как ценности,.. не получали широкой общественной поддержки, встречали пассивное неприятие, а нередко вызвали и активное противодействие»²⁶. Неудивительно, что предмет особой гордости русских, их созидательная мощь²⁷ и ее воплощения в Центральной Азии — великие стройки, перекрытия рек, обводнение пустынь и механизация хлопководства (см. фото 5) — не встречали адекватного энтузиазма со стороны коренных народов.

Отзвуки этого пассивного неприятия слышны и в ответах киргизов, однако на общую закономерность, порожденную советским временем²⁸, не могли не наложить своего отпечатка локальная специфика и резкая смена исторической ситуации (как мы увидим ниже, особен-



Фото 5. Штурм хлопковых полей. Фотография Д. Бальтерманца, 1970-е гг.
Ист.: Дмитрий Бальтерманц. Избранные фотографии. М., 1977, с. не ук.

ности постсоветского развития различных стран региона и положения отдельных титульных групп также могут иметь значение). На мой взгляд, на оценках киргизов отразились два взаимосвязанных фактора — во-первых, специфика Бишкека, наспигованного предприятиями ВПК, на которых работали преимущественно русские за очень большие, по советским меркам, зарплаты; во-вторых, экономические трудности, вызванные распадом СССР и разрывом межхозяйственных связей, что превратило советское индустриальное наследство в почти недееспособный организм, гирию на ногах слабой национальной экономики.

А вот ценность советского **культурного** наследства в глазах респондентов-киргизов гораздо выше. Более 36% ответов фиксируют вклад русских в развитие образования; приобщение киргизов к русскому языку, русской и мировой культуре; кроме того, как уже указывалось, об этом же были и многие ответы, помещенные в рубрику «научили»; в то же время об экономических сдвигах было упомянуто лишь примерно в 14% ответах. Видимо, опрошенные исходили из жизненного опыта — знания имеют ценность во все времена. Возможно, повлияло на них и то обстоятельство, что культурная революция, в сравнении со

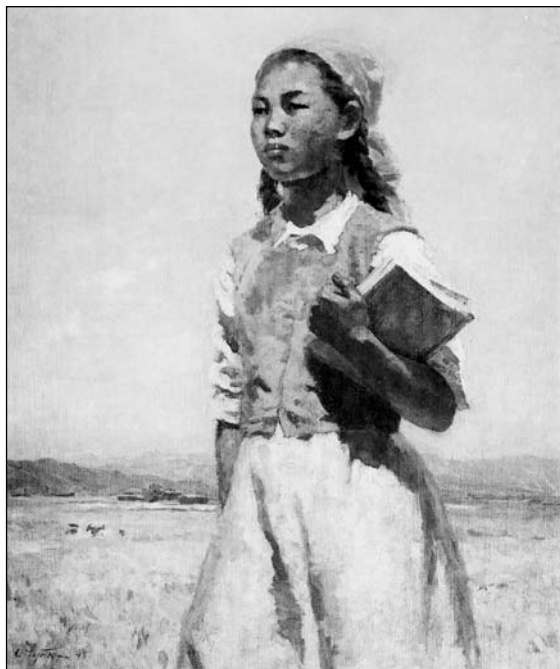


Фото б. С. А. Чуйков. Дочь Советской Киргизии. 1948 г. Ист.: С. Чуйков.
Из собрания Государственной Третьяковской галереи. М., 1986, с. 17

всеми другими «рывками» советской власти, в первую очередь с индустриализацией и коллективизацией, прошла без колоссальных жертв и перекосов. Важно и то, что в период независимости практически не наблюдалось существенного снижения реального статуса русского языка (подр. см. разд. I, главу 3) и, соответственно, девальвации тех знаний и умений, которыми располагали опрошенные нами киргизы — люди, представляющие образованную и модернизированную часть нации (возможно, киргизы традиционно сельских и/или несевверных районов страны ответили бы на наши вопросы по-иному). Не будем забывать и о том, что Киргизия достаточно открытое общество, где русский язык и знания являются для многих людей «окном в мир», а ее система высшего образования считается одной из самых развитых в СНГ по масштабам, разнообразию вариантов и качеству обучения.

Мне кажется, что хрестоматийный, созданный по всем канонам социалистического реализма образ девушки-киргизки, идущей по степи к светлому будущему с книгами в руках, образ «Дочери Советской Киргизии» художника Семена Чуйкова (см. рис. 6), рано списывать как «реликт» советской эпохи. Это дочь новой, независимой

Киргизии смотрит в лицо своему будущему, которое ей никто уже не навязывает, но в котором знания и образованность будут цениться не меньше, а может быть, даже больше, чем при жизни под патронажем «старшего брата».

Цивилизация ценой самобытности («Что плохого сделали русские для киргизов?»)

Итак, культурный вклад русских оценен весьма высоко, но даже у этого, казалось бы, безусловно позитивного проявления цивилизации, принесенного русскими, есть оборотная сторона — **потеря** киргизами, во многом невосполнимая, своей **самобытности**. Именно на это обратили основное внимание респонденты — русские и киргизы, отвечая на второй вопрос (см. табл. 2а и 2б).

Начнем с анализа позиции русских. Заметной количественной и качественной разницы в ответах респондентов двух групп нет; обращает на себя внимание лишь то, что в группе ориентированных на выезд семь человек сочли необходимым еще раз подчеркнуть, что русские плохого не делали, а только хорошее (эти ответы были включены в рубрику «ничего»).

Таблица 2а

Русские.

Смысловая структура ответов на вопрос «Что плохого сделали русские для киргизов?», в % к числу ответов

Основные смысловые блоки	Желающие остаться в Киргизии (N=124)	Ориентированные на выезд (N=170)
1. Ущемление; подавление самобытной культуры народа	19,4	15,9
2. Научили плохому, в том числе научили пить	11,3	9,5
3. Научили хорошему, которое обернулось плохим, вредным	5,6	4,7
4. Ничего плохого не сделали	34,7	37,6
5. Затрудняюсь ответить	21,0	18,8
6. Нет ответа	4,0	8,8
7. Разное	4,0	4,7
Всего	100,0	100,0

Таблица 26

Киргизы.

Смысловая структура ответов на вопрос «Что плохого сделали русские для киргизов?», в % к числу ответов

Основные смысловые блоки	Мужчины (N=51)	Женщины (N=55)	Всего (N=106)
1. Вели развитие страны в неправильном направлении	7,8	0,0	3,8
2. Шовинизм, ущемление прав киргизов, комплекс превосходства	19,7	12,7	16,0
3. Потеря киргизами национального лица, подавление языка и традиций	11,8	10,9	11,3
4. Научили вредным привычкам (пить, курить)	11,8	18,2	15,1
5. Расправа с киргизами во время восстания 1916 г.	7,8	3,6	5,8
6. Ничего плохого не сделали	17,6	23,6	20,7
7. Затрудняюсь ответить	15,7	23,6	20,7
8. Нет ответа	0,0	5,5	2,8
9. Разное	7,8	0,0	3,8
Всего	100,0	100,0	100,0

Главная же содержательная рубрика объединяет здесь высказывания о негативном воздействии русских на киргизскую культуру и образ жизни, что привело к потере киргизами своего национального лица. Обращает на себя внимание высокая самокритичность респондентов; ответы более мягкие, нейтральные, уводящие мысль от субъекта воздействия и делающие акцент на результате — в меньшинстве («долгое время обучение в школах шло на русском языке»; «в городе киргизы перестали общаться на родном языке»; «киргизы стали забывать свои обычаи, культуру, язык»; «киргизы утратили элементы своей культуры»; «киргизами утрачена на некоторое время индивидуальность» и пр.). Преобладают высказывания с глаголами, весьма жесткими по отношению к русским — оторвали от..., запретили, лишили, навязали, поломали, уничтожили, помешали, заставили, искусственно прививали, вмешались в..., нарушили, задавили, — причем различий в этом отношении между желающими остаться и желающими уехать практически нет:

- оторвали их от кочевого образа жизни;
- запретили кочевой образ жизни;
- оторвали от национальных традиций;
- лишили национальной самобытности;
- навязали свою идеологию;
- навязали им свои устои: культуру, обычаи, и киргизы постепенно стали утрачивать свои традиции;
- лишили их родного языка, всячески игнорировали традиционную, веками сложившуюся культуру и свой путь развития;
- во многом поломали отношение к святому;
- изменили самобытность народа;
- лишили их самобытности;
- уничтожили киргизский быт;
- оторвали от самобытности;
- вмешались в свое время в дела их государства;
- помешали их самобытному развитию;
- заставили забыть свою культуру, задавили самобытность киргизов;
- навязали свой путь развития, лишили самобытной культуры, языка, тормозили развитие местных кадров;
- лишили их родного языка;
- искусственно прививали любовь ко всему русскому;
- навязали свой путь развития; в Бишкеке действовало лишь три-четыре школы на киргизском языке;
- вмешались в развитие киргизов;
- лишили национальных традиций, индивидуализма и т. д.

Высказывания, иначе построенные грамматически, идентичны по смыслу; в частности, активно используется слово «русификация»:

- заметно русифицировали все городское население, постепенно вытеснялись национальная культура, язык и т. д.;
- произошла сильная русификация киргизов;
- русификация в школах;
- чрезмерная русификация;
- была махровая шовинистическая национальная русская идеология;
- вмешательство в жизнь республики;
- вторжение в культуру народа;
- везде все было точно по-русски, а надо было наоборот.

Привлекает внимание один аналитический ответ, автор которого отстаивает идею недопустимости вмешательства высокоразвитых цивилизаций в ход развития культур иных народов, пусть даже и с благими намерениями:

«Насильно заставили задуматься о смысле их прошлой жизни, о необходимости изменить ее; надо было, чтобы они сами до этого “дошли”, тогда, может быть, не было бы такого отношения к русским как к “чужим”, которые, по их мнению, ничего хорошего для них не сделали».

Названы разнообразные формы подавления, выхолащивания национального естества, национального колорита. О том, как это реально выглядело в «жизни», я с интересом прочитала в серии статей Жыпара Жекшеева в газете «Res Publica», один из сюжетов которой — весьма драматическая история создания им в начале 1970-х гг., в бытность студентом художественного училища, неформальной молодежной организации, ставившей перед собой по нынешним меркам очень скромные и вполне безобидные цели возрождения киргизской культуры (группа была быстро разогнана силами местной партийной верхушки и КГБ). Интересно, что ребят с самого начала поддерживала известная исследовательница, «бабушка киргизской этнографии» Клавдия Антипина. Вот что рассказывает Ж. Жекшеев о тех временах, когда «не то, чтобы затронуть эти проблемы, а элементарно надеть колпак казалось настолько экзотическим, что психологически ты не всегда чувствовал себя уютно и удобно»: «Разве же не обидно, что кроме чисто внешнего облика, говорящего о нашей принадлежности к кыргызской нации, у нас ничего не осталось? Почему мы вслепую копируем все, что делается в Москве?.. Начнем со школы. Неужели нельзя на уроке рисования, кроме того, что обучать перерисовывать листы или кувшины, обучить прекрасным навыкам народных мастеров... Ведь сегодня, если спросить школьников, что такое юрта, и то не каждый ответит. А на уроке физкультуры, кроме прыжков в длину и высоту, можно было бы обучать национальным видам спорта, связанным с верховой ездой... А посмотрите на наши города и села. Неужели человеческая фантазия стала настолько убогой, что на бескрайних просторах СССР, кроме как уныло однообразных домов, нет несущего в себе признаки национальной культуры здания?»²⁹.

Текстовой ряд мне хотелось бы дополнить более выразительным художественным, и в качестве иллюстрации я выбрала одну из картин уже упоминавшегося С. Чуйкова, талантливого советского художника, искренне любящего и понимающего Киргизию, землю, где он родился и работал всю свою жизнь. И все же много ли киргизского, кроме неизменных гор на горизонте, в картине «Утро» из серии «Киргизская колхозная сюита», центральной в творчестве художника (см. рис. 7)? Если отвлечься от черт лица изображенной женщины, судя по названию, колхозницы, ее практически не отличишь от доярки где-нибудь в Тамбовской или Рязанской области. Вспоминается моя первая поездка в Киргизию — в 1992 г., по сути, еще в советское время, на северное



Фото 7. С. А. Чуйков. Утро. Из серии «Киргизская колхозная сюита». 1947 г. Ист.: С. Чуйков. Из собрания Государственной Третьяковской галереи. М., 1986, с. 13

побережье Иссык-Куля — курортный, сильно русифицированный район. И тем не менее сельские киргизские женщины выглядели там значительно более «по-киргизски», чем на картине С. Чуйкова, написанной вполне в идеологически выдержанном интернационалистском духе в тот период, когда до перестройки было еще очень-очень далеко (1947 г.).

Следующая по удельному весу рубрика объединяет высказывания, фиксирующие внимание на том плохом, чему русские научили киргизов или (реже), на том хорошем, чему их научить не удалось. Здесь также проявилась самокритичность русских, правда, она не простирается до признания простой истины: плохому, как правило, никто специально не учит, а усвоение плохого происходит в режиме копирования недостатков воспитателей. В первую очередь это относится к неудачному заимствованию, чаще всего упоминавшемуся респондентами — «научили пить». Лишь два человека тут вспомнили и об «учителях»: «научили пить водку, русская национальная черта»; «познакомили с изнанкой русской культуры (пьянство и т. д.)».

Среди других усвоенных киргизами недостатков назывались следующие:

- научили не уважать старших, плохо работать;
 - слишком опекали; побольше бы им самостоятельности, а так — воспитали в некотором смысле иждивенцев; сейчас они только торговать и обманывать умеют;
 - отношение как к «младшему брату», который так и не вырос из коротких штанишек за 70 лет;
 - развратили этот народ;
 - разрушили многие этические установки;
 - научили быть иждивенцами у государства;
 - научили бездельничать, из ничего делать деньги и пить водку;
 - научили чинопочитанию;
 - не научили молодежь самостоятельности и интернационализму,
- и пр.

В целом доля респондентов, ощущающих свою вину перед киргизами, для «желающих остаться» равна доле тех, по мнению которых русские «ничего плохого не сделали» (34,7%), а для ориентированных на отъезд — несколько ниже (30,1 против 37,6%). Подсчеты были сделаны по двум уже рассмотренным рубрикам и рубрике «разное»: практически все вошедшие в нее ответы касались тех или иных негативных аспектов деятельности русских («репрессии, раскулачивание»; «нанесли экологический ущерб» и пр.).

Особое место среди ответов русских — и своей неоднозначностью, и отсутствием аналога среди мнений киргизов, — занимает рубрика № 3, не очень, правда, весомая по размеру. Эти ответы, судя по всему, нужно понимать не в прямом, а в переносном, метафорическом смысле, ибо формально речь идет не о плохом, а о том хорошем, что было сделано для киргизов:

- дали свободу;
- построили промышленные предприятия;
- ускорили темпы социального развития;
- довели до цивилизационного уровня и дали самостоятельность;
- они их учили;
- многому научили — читать, писать;
- принесли цивилизацию;
- заставляли их работать;
- принудили к труду — они ведь не любят работать;
- перетащили из феодализма;
- оторвали от феодализма;
- вытащили их из юрт;
- подняли экономику, переселили из юрт в дома, научили мыться;
- не дали возможности жить по своему желанию (в юртах) и др.

Ход мыслей респондентов состоит, как мне представляется, в следующем: делали хорошее, которое обернулось плохим и поэтому не стоило его делать; старались научить только хорошему, а оно не было в должной мере усвоено или «урок был не впрок». Под «плохим» результатом, как можно прочесть между строк, имеется в виду вред, нанесенный киргизам (чрезмерное и искусственное ускорение хода их общественного развития — последние пять высказываний), и некоторые респонденты искренне сожалеют об этом или же иронизируют — все равно «не в коня корм», «пусть бы кочевали дальше». «Хорошее» способно было обернуться «плохим» и против самих русских — подтекст приведенных ответов может состоять и в том, что жаль затраченных усилий, что русским от этих «свобод» и «самостоятельности» киргизов только хуже, что за все они отплатили неблагодарностью («все, что сделали хорошего, лучше бы не делали»).

Обратимся теперь к ответам киргизов, которые оценили последствия деятельности русских гораздо критичнее. Лишь одна пятая респондентов полагают, что «русские ничего плохого не сделали» (в сравнении с более чем одной третью русских). Выше, в особенности среди женщин-киргизок, процент тех, кто отметил заимствование от русских вредных привычек, причем в ответах киргизов речь идет в основном об алкоголизме, курении, сквернословии. А вот об искоренении киргизской культуры, языка, традиций, насаждении русскими своих порядков, игнорировании киргизов как нации, подавлении ее роста и инициативы киргизы говорили даже реже, чем русские респонденты (11,3% против 17,6%). Зато появились две отсутствующие у русских рубрики с претензиями более глобального характера, и мужчины-киргизы здесь выступили намного активнее, чем женщины. Так, исключительно из ответов мужчин состоит рубрика, в которой оценивается роль русских в развитии Киргизии в целом, в том числе и с экономической точки зрения:

- *Киргизию сделали сырьевой республикой;*
- *недостаточно развивали инфраструктуру в Киргизии;*
- *развитие страны вели в неправильном направлении.*

Самой же весомой содержательной рубрикой стала та, где собраны ответы, подчеркивающие постоянную дискриминацию киргизов и жесткую иерархичность в отношениях между ними и русскими:

- *проявляли шовинизм, господствовали здесь;*
- *держали нас все 70 лет в неволе;*
- *поступали как будто завоеватели;*
- *ни один первый руководитель республики не решал ни одного кадрового и других важных вопросов без Москвы; они командовали все время;*
- *шовинизм проявляли;*

- в свое время ущемляли права киргизов;
- дискриминация по национальному признаку;
- делили людей на нации;
- воспользовались неправильной политикой в межнациональных отношениях, чувствовали себя великими, указывали, принижали;
- раньше явно было заметно их превосходство во всем; могли указывать, обзывать;
- привыкли указывать, учить, даже если это некорректно, не к месту;
- некоторые из русских пренебрежительно к нам относились;
- ущемляли права, обзывали, унижали; если начальник был русский, киргизов не принимали на работу;
- при советской власти старшее поколение привыкло командовать, указывать, а для современной молодежи это нехарактерно, и пр.

Необходимо кратко остановиться и на небольшой группе респондентов (шесть человек), указавших на «массовое истребление киргизов» во время восстания 1916 г. Это событие, представляющее собой, пожалуй, самую болевую точку во взаимоотношениях русских (русскоязычных) и киргизов, до сих оценивается специалистами-историками весьма неоднозначно. Пиком общественного интереса к восстанию и последующему трагическому бегству киргизов в Китай стало лето 1991 г., когда довольно широко отмечалась его 75-я годовщина (по историческому течению обстоятельств именно в это время, в августе 1991 г., была провозглашена независимость Киргизии). По мнению Абылабека Асанканова, отдельные состоявшиеся в это время националистические выступления киргизской молодежи, склонной считать виноватыми в гибели киргизов ныне проживающих в республике русских, не были поддержаны народом и не оказали существенного влияния на межгрупповые отношения³⁰. Результат опроса как раз и подтверждает этот вывод. Что касается русских, то, на мой взгляд, они не упомянули события 1916 г. в своих ответах потому, что публичный интерес к ним спал и сейчас они более активно обсуждаются специалистами, нежели муссируются в прессе. Возможно, на подсознательном уровне ими также отвергалась сама идея возложения на себя какой-либо ответственности за преступления «царизма», который, как все хорошо усвоили из школьной программы, был ничем иным, как «тюрьмой народов».

Итак, главным злом, принесенным русскими, и в этом сходятся во мнениях и опрошенные русские, и киргизы, стало подавление, искоренение народного духа, национальной культуры, ценностей, языка и пр. Возникает, однако, резонный вопрос, хотя во многом и риторический — как пошли на все это сами народы, над которыми был поставлен коммунистический «эксперимент»? Мы говорим именно о

советском времени: дальше него в глубь истории ответы респондентов не проникали, и, главное, в период Российской империи, как уже указывалось, по отношению к Центральной Азии проводилась политика «невмешательства», а при большевиках, наоборот, это вмешательство стало тотальным и всеобъемлющим.

Риторический характер вопроса состоит в расхожей, но оттого не менее правильной формуле «такое было время» — время, почти никому, и прежде всего массам простых людей, не оставившее никакого выбора; а судьба тех немногих, кто реализовал свое право на выбор, т. е. на вооруженное сопротивление, хорошо известна (это относится, естественно, не только к Центральной Азии, но ко всей территории СССР). В результате русификация в данном регионе, и в первую очередь среди кочевников, прошла с полным успехом, хотя и провоцировала, несмотря на многочисленные позитивные новшества, то пассивное неприятие людей, о котором говорилось выше и которое вышло наружу с распадом СССР.

Все эти рассуждения, однако, не означают, что киргизы именно так и интерпретируют свое участие в «эксперименте» — их восприятию своей роли и посвящена, среди прочего, следующая часть статьи. Закончить же эту часть хотелось бы замечанием о том, что при рассмотрении негативных культурных последствий «русского» присутствия в Центральной Азии нельзя сбрасывать со счетов соглашательскую позицию национальных элит, заинтересованных в сохранении и укреплении своей власти (об этом, кстати, не упомянул никто из опрошенных). Приведем в качестве иллюстрации отрывок из интервью с Владимиром Мокрыниным (26.08.99):

«В. М. Советская власть очень много добра сделала... Если разбить это на отдельные вопросы, то плохого осталось бы очень мало, только то, что в процессе этого добра она уничтожила национальную культуру.

Н. К. Да, русские в этом духе и отвечали... навязали свою культуру и пр.

В. М. Именно навязали... прошла русификация вместе с этим добром...

Н. К. Это что же, неизбежное зло?

В. М. Нет, наоборот; киргизские деятели считали, что это добро; зачем этот язык, зачем этот образ жизни, зачем эта наша культура традиционная? Нужно быть как русские, вот и всё... Нормальные киргизские деятели, которые занимались русификацией, чаще всего это был министр народного образования, они-то считали, что стыдно говорить по-киргизски: “Если ты русский язык знаешь, зачем же ты говоришь по-киргизски? Ты же не в аиле, ты же в городе Фрунзе, понимаешь, так и говори, понимаешь, как человек!”».

В объятиях мифа («Что хорошего сделали киргизы для русских?»)

Начнем с ответов, прозрачных по своему смыслу и привлекающих внимание к культурному вкладу, культурному влиянию киргизов на русских. В интерпретации русских (см. табл. 3а), киргизы в большинстве случаев представлены **активной, дающей стороной** (а не так, что русские сами усвоили что-то полезное для себя). Запомним этот момент как знаковый для трактовки респондентами «хорошего», сделанного киргизами. Подбор глаголов и тональность вполне схожи с теми, которые использовались при описании вклада русских — «обогатили знания о жизни и культуре людей республик Средней Азии»; «познакомили с основами национальной культуры, национальной кухни»; «внесли киргизскую культуру»; «приобщили к своей культуре»; «приобщили русских к восточной психологии»; «обогатили внутренний мир русских культурой Азии»; «внесли весомый вклад в культуру народов, в том числе и русских»; «культурный обмен»; «объединение культурных традиций». О кулинарии, заимствовании сравнительно неглубоком, говорилось достаточно редко; в более конкретизированных ответах упор делался на морально-этических моментах:

— *научили своей культуре, уважению к старшим, доброжелательности;*

— *русские из Киргизии отличаются от остальных русских своим воспитанием, характером, т. е. сказывается традиционная восточная культура: терпимость, такт, уважение;*

— *они более коллективны и всегда действуют вместе — есть чему поучиться; уважают родителей и прежде всего — мать;*

— *киргизы очень сплоченный народ, дружный; это то, что можно и нужно позаимствовать русским;*

— *привили любовь к природе;*

— *научили азиатской предприимчивости;*

— *произошло слияние лучшего в воспитании подрастающего поколения, и пр.*

Примерно равная по весу и близкая по смыслу рубрика присутствует и в ответах киргизов (см. табл. 3б):

— *обогатили духовно;*

— *русские позаимствовали очень хорошие традиции киргизов;*

— *русские стали под влиянием киргизов более человечными по отношению к старшим;*

— *научили киргизскому гостеприимству, познакомили со своей культурой, и пр.*

Таблица 3а

Русские.
Смысловая структура ответов на вопрос «А что хорошего сделали киргизы для русских?», в % к числу ответов

Основные смысловые блоки	Желающие остаться в Киргизии (N=129)	Ориентированные на выезд (N=173)
1. Многое	0,7	1,7
2. Познакомили со своей культурой, межкультурный обмен	17,1	11,0
3. Приютили; приняли все новшества	27,1	23,1
4. Не навязывали своего, своей культуры	5,4	5,2
5. Сейчас (пока) все хорошо, нет обострения межнациональных отношений	8,5	10,4
6. Ничего хорошего не сделали	10,1	13,3
7. Затрудняюсь ответить	25,6	25,4
8. Нет ответа	1,6	6,4
9. Разное	3,9	3,5
Всего	100,0	100,0

Достаточно часто встречающиеся ответы русских в рубрике № 3 под кодовым названием «приютили» так же выглядят достаточно прозрачными, одномерными — положительная роль киргизов здесь очевидна как с человеческой, так и исторической точек зрения. Речь идет о годах войны, об отношении к попавшим в Киргизию ссыльным и т. д.: «приютили во время сталинских репрессий»; «приютили в годы войны»; «поделились кровом и хлебом в трудные времена»; «на этой территории находили приют те, от кого избавлялись в России»; «изгнанные со своей родины люди нашли здесь приют (после раскулачивания), а также в другие исторические периоды»; «во время войны приняли как родных» и т. д. В высказываниях киргизов этот мотив тоже присутствует, причем это самая представительная рубрика (18,4% ответов). Основная мысль киргизов состоит в том, что они «приняли и вместили русских как своих», «всегда доброе отношение проявляли», «гостеприимно встречали», «как своих близких приняли» и т. д.

Чувства людей, отвечающих в таком духе, вполне понятны, особенно русских. Родители (деды) немалой части русскоязычных респондентов, судя по ответам на другие вопросы анкеты, попали в Киргизию как ссыльные, раскулаченные, эвакуированные, спасаясь

Таблица 36

Киргизы.
Смысловая структура ответов на вопрос «А что хорошего сделали киргизы для русских?», в % к числу ответов

Основные смысловые блоки	Мужчины (N=48)	Женщины (N=55)	Всего (N=103)
1. Происходило взаимное обогащение народов	2,1	3,6	2,9
2. Русские переняли хорошие традиции киргизов	14,6	14,6	14,6
3. Приняли как братьев, с дружелюбием, гостеприимством	20,8	16,5	18,4
4. Создали условия для свободной жизни и свободного развития русских (киргизы как активная сторона)	14,6	12,7	13,6
5. «Не мешали, делали все, что они говорили» (киргизы как пассивная сторона)	6,3	0,0	2,9
6. Оказывали материальную помощь	12,5	20,0	16,5
7. Не притесняли, не ущемляли их права (раньше)	8,3	1,8	4,9
8. Не притесняют (сейчас)	2,1	0,0	1,0
9. Затрудняюсь ответить	12,5	23,6	18,4
10. Нет ответа	0,0	3,6	1,9
11. Разное	6,2	3,6	4,9
Всего	100,0	100,0	100,0

от голода и т. д., поэтому не исключено, что, говоря о доброте и гостеприимстве киргизов, они опираются и на конкретные факты из семейной биографии. И все же в данной группе ответов нельзя не видеть и важный социальный подтекст — следы приверженности мифологии советского времени.

Вот как прокомментировал обсуждаемый сюжет В. Мокрынин (26.08.99):

«Это все отголоски мифа о том, что была такая общность, советский народ... Это в нашей коммунистической пропаганде постоянно муссировалось, что во время войны, когда бедствовали народы Украины, России, Белоруссии, здесь наши народы дали приют, дали кров, дали хлеб и т. д. Да какое там “приютили”! Просто приходили люди из соответствующих органов, выселяли, разграничивали... Конечно, было и человеческое участие, но главное, что все организовывалось сверху. В этот город вселяется столько-то и оттуда-то, вместе с заводом... И местные

жители обязаны были их принять, но это преподносилось как личная готовность киргизов, узбеков и т. д. Это полный нонсенс, когда говорят, что киргизы что-то там разрешили. Они бы ни за что не разрешили, если бы их спрашивали, если можно было бы выбрать...».

Мифологизация присутствует и в остальных содержательных ответах той и другой стороны, однако «докопаться» до ее истоков уже не так легко, прежде всего потому, что и киргизы, и русские играют тут в своеобразную психологическую игру, правда, с разными целями и разными мотивациями. Киргизы демонстрируют, на наш взгляд, игру воображения — инструмент, **мифологизирующий** и таким образом **подправляющий** достаточно болезненную для этнического самолюбия **историческую правду**.

Действительно, посмотрим на достаточно весомые (13,6 и 16,5% ответов) рубрики № 4 и 6 (таблица 3б), в которых киргизы описывают свою реакцию на появление русских в категориях, более чем далеких от реальности — «создали условия», «дали возможность», «дали право» и пр.:

- *создали условия для свободного проживания в Киргизии;*
- *дали возможность освоиться на самых лучших землях нашей территории;*
- *предоставили необходимые условия, обеспеченную жизнь;*
- *создали условия для спокойной жизни;*
- *дали право жить в Киргизии;*
- *дали возможность жить, работать, учиться как они хотели; все им позволяли;*
- *давали им все необходимое;*
- *дали землю;*
- *предоставление работы, жилья, образования;*
- *вместили их на своей земле, давали возможность развиваться по всем направлениям;*
- *решили социально-экономические проблемы, и т. п.*

Интересно, в ответах русских также присутствует немало формулировок подобного рода, некоторые из которых дословно совпадают с ответами киргизов (самая весомая количественно часть рубрики № 3 — «приняли все новшества», см. табл. 3а).

Общий смысл этих высказываний киргизов сводится к тому, что они «предоставили свою территорию для советского эксперимента», «приняли русских в своей стране», «разрешили» всем пользоваться, «позволили жить на своей земле» и в итоге «позволили осуществить задуманное» и даже сами кое в чем поучаствовали: «активно подключились к работе, переняли самый лучший опыт»; «всегда шли навстре-

чу с особой охотой, воспринимали культуру, быт, вместе строились, обзаводились»; «благодарно отнеслись ко всем приводимым новшества», «охотно шли навстречу всему прогрессивному со стороны русскоязычного населения» и т. д. В общем, «терпимо отнеслись к революционным экспериментам России».

Если то, что киргизы постепенно начали осваивать все новшества, «помогали строить новую жизнь на местах», вполне правдоподобно, вряд ли можно всерьез говорить о том, что они «дали землю», «дали жилье, работу», «обеспечили жильем», «создали условия для жизни» и пр.

Киргизы представлены здесь чуть ли не главной принимающей стороной и главными распорядителями находящихся на их территории материальных ресурсов. Однако любому здравомыслящему человеку, прожившему большую часть жизни при социализме (а именно таковыми и являются респонденты), понятно, как функционировала тоталитарная Система: никто не спрашивал никаких разрешений у простых людей, будь-то киргизы, русские и прочие, а любые возникающие, в основном на начальном этапе, попытки сопротивления и неповиновения безжалостно подавлялись. Если же говорить о более раннем периоде вхождения киргизов в состав Российской империи, то картина тут, естественно, сложнее — среди северных племен многие сделали это не просто добровольно, а сами активно искали заступничества России; южные киргизы оказывали вооруженное сопротивление и их пришлось «усмирять» силой; однако при любом варианте развития событий решения принимались вождями, *мананами*, а «позволения» у простых киргизов опять же никто не спрашивал.

Почему же тогда были получены ответы, идущие, казалось бы, вопреки здравому смыслу? Если говорить о киргизах, то мы имеем дело, на наш взгляд, со своеобразной формой **мифологизированного сознания**. Под «мифом», или, точнее, социально-мифологической конструкцией, тут понимается не просто то, чего не было в жизни; а особое психологическое состояние человека, исторически и культурно обусловленное и выполняющее компенсирующую, примиряющую функцию: «это такое состояние сознания, которое является нейтрализатором между всеми фундаментальными культурными бинарными оппозициями, прежде всего между жизнью и смертью, правдой и ложью, иллюзией и реальностью»; оно возникает тогда, когда человек «долго не может психологически удерживать в себе... непосильное для него знание»³¹.

В отличие от мифов глобального уровня, пронизывающих все общество и создаваемых мощными многолетними усилиями официальной пропаганды (как уже упомянутый миф о великом советском народе), тут имеет место скорее **самопроизвольная**, но тоже **компенсаторная реакция** отдельной этносоциальной группы, переживающей фазу возрождения этнического самосознания. Киргизы, если можно так вырази-

иться, играют на повышение — повышение своего нынешнего статуса через реконструирование прошлой исторической роли; они как бы приподнимают, активизируют свой образ, приближая его таким способом к воплощаемому русскими активному, деятельному началу (весьма сдержанные оценки цивилизационного вклада русских выполняли ту же функцию, но уже с другого конца, через «понижение» образа «другого»).

«Игра на повышение» присутствует, на мой взгляд, и в небольшой группе ответов, выделенных в рубрику № 7 — не притесняли, не ущемляли права русских и т. д. (подтекст — а ведь могли бы это делать). Лишь очень немногие из киргизов (трое мужчин) дали ответы, отражающие реальное положение вещей (рубрика № 5, табл. 3б): «никогда не мешали русским»; «делали все, что они [русские. — Н. К.] говорили»; «русские получили все, что хотели».

А что же русские? Как мне представляется, их ответы свидетельствуют о том, что они включились в игру, как бы подыгрывают киргизам. Причем это, судя по всему, не экспромт для анкеты, а достаточно устойчивая реакция русских в ответ на известную им позицию киргизов — ведь респонденты той и другой стороны, незнакомые друг с другом, дали во многом совпадающие ответы (либо дословно, либо по своей тональности). Опять же, как и у киргизов, число реалистичных (ироничных) ответов крайне невелико: «предоставили себя для эксперимента — заехали в социализм без особых затрат»; «всегда исполняли приказы "старшего брата"»; «"разрешили" русским жить с ними».

«Подыгрыванием» можно считать не только уже упомянутую группу ответов в духе «киргизы создали условия» и т. п., но и, к примеру, рубрику № 4 (см. табл. 3а) «не навязывали своего, своей культуры», имеющую прямую аналогию с ответами киргизов:

- не мешали жить, развиваться;
- давали возможность жить свободно;
- не притесняли [русских. — Н. К.] и не угнетали чувство собственного достоинства, не делали различий между киргизами и русскими;
- не досаждали своей культурой и бытом;
- не распространяли свою культуру на русскоязычных;
- не делали и не притесняли нас в чем-то, не унижали собственного достоинства;
- не навязывали своего образа жизни, и т. д.³²

Что касается мотиваций «подыгрывания», то они могут быть весьма разнообразными; для кого-то это стремление, возможно, неосознанное, гармонизировать прошлые контакты и таким образом несколько уменьшить груз «русификаторской» вины; кто-то, наверное, действует по принципу «пусть будет так, если это вам приятно», что

тоже является своеобразным желанием гармонизировать отношения, но уже в настоящем. Не исключено, что в подтексте ответов «не навязывали» лежит следующее: «тогда этого не делали, это хорошо, а почему же сейчас делаете?», хотя очевидно, что «тогда» у киргизов не было никакого выбора и ничего «навязывать» русским они не могли.

Могут быть и иные интерпретации, но русские явно ищут возможность дать какой-либо ответ, т. е. найти в поведении и отношении киргизов что-то хорошее, позитивное — пусть это многим не удалось, но все-таки гораздо больше таких респондентов нашли выход в нейтральном «затрудняюсь ответить» (около 25%), чем в однозначно негативном «ничего хорошего не сделали» (около 11%).

А русские, ответившие-таки на данный вопрос, стремятся, тем ли, иным ли способом, сознательно или неосознанно, но **активизировать образ «другого»**, своих главных этнокультурных партнеров, и тем самым пытаются **преодолеть жесткую иерархичность прежних стереотипов**, прежнее видение киргизов лишь пассивным, воспринимающим, берущим началом. Собственно, такая активизация как элемент массового сознания, пусть в действительности до этого еще далеко, является совершенно необходимым, хотя и недостаточным условием нормального межгруппового диалога. Русские респонденты в поисках опоры либо обращаются к реально существующему «позитиву» (положительное культурное воздействие киргизов), либо, обобщая опять же реальный опыт конкретных людей («приютили»), оказываются вместе с киргизами в объятиях расхожего советского мифа; либо подыгрывают киргизам на этот раз уже в их собственном мифотворчестве.

Проблем много, а виноватых нет («Что плохого сделали киргизы для русских?»)

Ответы на данный вопрос и русских, и киргизов были самыми легкими для анализа, во-первых, в силу упрощенной смысловой структуры (всего две содержательных рубрики, см. табл. 4а и 4б), и во-вторых, по контрасту с предыдущим вопросом, позиции двух сторон здесь наиболее поляризованы.

Суть содержательных ответов русских сводится к перечислению разнообразных проявлений дискриминации и ущемления их прав в постсоветский период. Все они были объединены в рубрику № 1 «национализм, дискриминация и пр.». Здесь можно встретить достаточно общие формулировки («ущемление прав русскоязычного населения»; «подняли вопрос о национальности»; «в последнее время стали проявлять националистические амбиции»; «отношения в последние годы стали не как раньше» и т. д.) или еще проще: «национализм», «изме-

Таблица 4а

Русские.
Смысловая структура ответов на вопрос «А что плохого сделали киргизы для русских?», в % к числу ответов

Основные смысловые блоки	Желающие остаться в Киргизии (N=128)	Ориентированные на выезд (N=172)
1. Национализм, дискриминация, ухудшение межгрупповых отношений	31,3	45,3
2. Осторожно-оптимистические оценки межнациональной ситуации	3,9	1,2
3. Ничего плохого не сделали	26,5	20,3
4. Затрудняюсь ответить	28,9	25,6
5. Нет ответа	5,5	5,8
6. Разное	3,9	1,7
Всего	100,0	100,0

нили свою национальную политику». Более широко представлены детализированные ответы, в которых называются конкретные проявления дискриминации или те сферы жизни, в которых русские ощущают ее наиболее остро.

Так, говорится **о языковой политике**:

- *введя киргизский язык как единственный государственный, поставили русскоязычное население в сложное положение;*
- *ввели киргизский язык как государственный, а как ему научить — не знают;*
- *ввели киргизский язык как государственный, и отсюда все и началось, и т. д.*

Перечислим и другие проблемы, беспокоящие респондентов. Русские почувствовали свою **ненужность**:

- *напомнили русским, что их Родина — Россия;*
- *мы почувствовали, что можем быть ненужными;*
- *напомнили русским об их исторической Родине;*
- *мы почувствовали, что можем быть ненужными (перемены власти), что мы не дома.*

Киргизы заняли лучшие места, **дискриминация на рынке труда**:

- *не дают занимать высокие должности;*
- *стали своих на лучшие места загонять;*

- все руководящие роли постепенно стали ими захватываться;
- недоступность определенных должностей и профессий;
- методично перекрывают путь по службе;
- не пропускают на ведущие должности, подъем по служебной лестнице;
- стали домогаться руководящих постов;
- национальность играет большую роль при устройстве на работу, при поступлении в вузы;
- киргизы считают, что в советское время русские захватили лучшие места, квартиры, земли и теперь стараются отыграться.

Киргизия стала независимым государством:

- отделились от России, стали суверенным государством;
- выход из состава России [видимо, имеется в виду СССР. — Н. К.];
- изолированность от России.

Киргизы стали хуже относиться к русским:

- обострение отношений;
- стали все более замыкаться в себе и нередко проявлять недружелюбность;
- стали немного агрессивнее, недоброжелательны, особенно после перестройки;
- отношения изменились сразу же после 1991 г. во всех социальных вопросах;
- после этого суверенитета и независимости отношения стали неважными;
- много говорят о том, что русские плохие и не дают им спокойно жить;
- наплевали на них [русских. — Н. К.] и до сих пор это делают, и т. д.

Киргизы выживают русских, провоцируют миграцию:

- сократили число русских в Киргизии;
- создали такие условия, что русскоязычному населению приходится уезжать с насиженных мест;
- вынудили уехать;
- твердят «уезжайте в свою Россию»;
- выгоняют нас;
- не воспрепятствовали массовой миграции;
- планомерно выживают русских из страны;
- поставили их в жесткое положение, начиная с 1990 по 1995 г., что привело к их массовому отъезду;
- пытаются согнать с тех мест, которые для многих стали уже малой родиной, и т. д.

Если говорить о различиях между остающимися и желающими уехать, именно здесь количественный разрыв наиболее заметен, причем по ключевому показателю — существенно больше последних обвиняет киргизов в ущемлении, ухудшении отношений и т. д., чем среди первых. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что желающие уехать нарисовали более многообразную картину дискриминации, упомянули большее число ее проявлений. Кроме того, лишь среди женщин, стремящихся уехать, нашлось две респондентки, которые ответили «многое» и «всё»; у этой же категории опрошенных высказывания наиболее жесткие и безапелляционные:

- *езде не дают работать и жить, все делается негласно;*
- *забрали свободу у русских;*
- *воспитывают в детях чувство ненависти к русским;*
- *убивают, насилуют русских девушек, оскорбляют, унижают;*
- *после введения киргизского языка везде на работу стали принимать людей, знающих его.*

В ответах небольшой по удельному весу рубрики № 2 (см. табл. 4а) ухудшение межгрупповых отношений фиксируется с либо с оговорками, несколько оправдывающими киргизов («немного стали злее; может, потому, что время изменилось»), либо респонденты подчеркивают, что свои претензии они не распространяют на всех киргизов, на весь народ:

- *возможно, нынешнее время создало большие трудности в отношениях этих народов, но вскоре они улучшатся;*
- *изменили свою политику, а теперь вновь выправляются;*
- *да, отношения изменились только за последние пять лет, но это вина некоторых политиков, местных националистов, некоторых подлецов;*
- *плохое проявляется только в бытовом национализме и то в основном только среди сельских киргизов;*
- *ничего, кроме того, что поднимают голову киргизские националисты;*
- *это все подогревается политиками и интриганами, и виной не киргизский народ.*

Итак, хотя анализируемый вопрос, в отличие от остальных трех, затронул для русских сложные реалии сегодняшнего дня, всколыхнул в сознании насущные заботы и тяжесть постсоветского бытия, далеко не все, а лишь менее одной трети (для желающих остаться) и около 38% (в среднем для выборки) поспешили обвинить в этом киргизов. Тех же респондентов, кто в этих обстоятельствах все-таки ответил, что киргизы «ничего плохого не сделали», не меньше, а даже чуть больше (а для желающих остаться — заметно больше) в сравнении с долей

Таблица 46

Киргизы.
Смысловая структура ответов на вопрос «А что плохого сделали киргизы для русских?», в % к числу ответов

Основные смысловые блоки	Мужчины (N=46)	Женщины (N=50)	Всего (N=96)
1. Некоторые проявления национализма	13,0	8,0	10,3
2. Научили плохому	4,3	0,0	2,1
3. Ничего плохого не сделали	50,0	58,0	54,2
4. Затрудняюсь ответить	26,2	28,0	27,1
5. Нет ответа	2,2	6,0	4,2
6. Разное	4,3	0,0	2,1
Всего	100,0	100,0	100,0

киргизов, ни в чем не обвинивших русских в их — уже прошлых, — деяниях (соответствующие цифры — 24,8 и 20,7%; 26,5 и 20,7%).

Интересно также, что именно здесь самой высокой оказалась доля затруднившихся с ответом, особенно среди желающих остаться (примерно 29%), хотя ответ на четвертый вопрос, казалось бы, лежит на поверхности: все «плохое» связано с событиями последних лет, когда киргизы круто «переложили руль». Видимо, это связано не только с неохотой людей говорить о неприятных для себя обстоятельствах жизни, но и с нежеланием обвинять другую сторону (в первую очередь это может касаться «остающихся»).

А вот когда речь заходит о способности «на себя оборотиться», русские **проявляют явно большую самокритичность** — чуть выше одной трети респондентов (36,7%) ответили, что они киргизам «ничего плохого не сделали»; а среди всех опрошенных киргизов таких более половины (54,2%), среди женщин-киргизок — 58% (см. табл. 46).

Лишь около 10% опрошенных киргизов сочли возможным назвать то «плохое», что в конечном итоге и подняло с насиженных мест в первые постсоветские годы десятки тысяч русских. Однако эти респонденты были в своих оценках очень сдержанны и прибегали зачастую к различным оговоркам («иногда», «некоторые»):

— были проявления бытового национализма, но в масштабе нации ничего;

— если не считать бытовые конфликты, ничего не сделали;

— иногда выпившие ребята угрожают русским (отдельные люди);

- после введения государственного языка многие реагировали и некоторые задевали русских;
- иногда проявления агрессивности на бытовом уровне;
- в последние годы были моменты плохого отношения к ним;
- может быть, то, что сделали один киргизский язык государственным;
- когда суверенитет приняли, решили отгородиться от русских; это неправильно было;
- не отнеслись к ним терпимо.

* * *

Хотя промежуточные выводы уже были сделаны в тексте главы, а приведенный материал, в силу своей многозначности и многослойности, нуждается в дальнейшем осмыслении, сделаем еще несколько обобщающих замечаний.

1. Слабые различия между группами «желающих остаться» и «желающих уехать» при ответах на вопросы абстрактно-исторического характера контрастируют с выявленным в Киргизии очень заметным водоразделом между группами по большинству характеристик сознания и поведенческих моделей. Объяснение, видимо, состоит в том, что большая часть вопросов использованной и в 1996, и в 1998 гг. анкеты были в основном привязаны к текущей социально-экономической/политической ситуации и носили персонализированный характер; зато четыре рассмотренных здесь вопроса были повернуты в прошлое и не касались личного опыта респондентов. В том единственном случае, когда ответ на вопрос о негативном влиянии киргизов неизбежно должен был затронуть повседневную жизнь людей, и имело место заметное расхождение позиций двух групп.

2. Русские (русскоязычные) респонденты выглядят достаточно консолидированной группой, **выступающей со взвешенными оценками и суждениями**, в которых, с одной стороны, практически отсутствуют такие крайности, как **шовинизм, этническая неприязнь**, а также **самовозвеличивание**; с другой стороны, **комплекс неполноценности и сопровождающие его чувства стыда, униженности** и пр.

Проведенный анализ позволяет оспорить, во-первых, чрезмерный негативизм в оценках психологического состояния русскоязычных после распада СССР и, во-вторых, этноцентрированное стремление вывести на первые места в ряду их поведенческих мотиваций соображения «этнической ущербности» (правда, в какой-то мере данные перегибы можно оправдать борьбой против пресловутого «экономического детерминизма»). Обратимся, например, к выводам Надежды

Лебедевой, которая пишет, ссылаясь на свое исследование в семи странах нового зарубежья: «многие наши соотечественники переживают острый психологический кризис, связанный с утратой “чувства Родины”, с утратой позитивного ощущения своей этнической принадлежности, ощущением своей “второсортности” и ненужности на земле, которой многие из них отдали всю свою жизнь. Несмотря на то, что большинство опрошенных сохранило позитивные чувства, связанные с этнической принадлежностью, **многие (особенно в странах Балтии) испытывают минорные чувства (обиду, стыд, ущемленность, униженность)** [выделено мной. — *Н. К.*]»³³. Кстати, а как в рамках этого образа мыслей «оприходовать» чувства нерусских, но других русскоязычных (украинцев вне Украины, евреев, немцев, татар и пр.), положение которых в национализирующихся государствах ничем не отличается от положения собственно русских?

Подспудная, возможно, не всегда осознаваемая авторами логика подобных рассуждений могла быть следующей: глубинные комплексы сознания обладают значительной инерцией по отношению к меняющейся внешней среде, и потому долгое время будут воздействовать на поведение людей (в нашем случае — выталкивать их из новых независимых государств). Вот весьма безапелляционное высказывание, как нельзя лучше иллюстрирующее мою мысль: «Инверсионный переход от колониально-патерналистского менталитета к **комплексам гордого меньшинства (а это стандартная черта нынешнего мироощущения русскоязычных граждан среднеазиатских государств)** [выделено мной. — *Н. К.*] толкает русские диаспоры к самоликвидации. Это только вопрос времени»³⁴.

Но вернемся к позиции Н. Лебедевой. О «чувстве родины» среди русскоязычных я уже писала ранее и еще вернусь к этой теме в последнем разделе книги. А что же с чувством этнической неполноценности? Приводимые ею данные опять вызывают сомнения — и из-за специфичности выборки (подр. см. гл. 1 наст. раздела), и потому, что вопрос «Какие чувства и эмоции Вы испытываете от сознания своей этнической принадлежности?» предполагал, судя по его формулировке и полученным цифрам (превышающим 100%), возможность выбора респондентом нескольких опций. Значит, полученные проценты нельзя складывать, что, однако, все же делает автор и получает, например, такой результат для Эстонии — «в 71% случаев наши респонденты испытывают негативные чувства, связанные с этнической принадлежностью (обиду, вину, стыд, ущемленность, униженность)»³⁵. А ведь все это разные «подсказки»! Не замедлил появиться и вывод — «острый кризис этнической идентичности».

Вряд ли можно спорить с тем, что русскоязычные оказались после распада СССР в очень сложном положении, в том числе и психо-

логическом. Но правильным ли будет, повторю опять свою мысль, маркировать стоящие перед ними проблемы как главным образом **этнические**, пусть даже на поверхности явлений, в глазах обывателей это так и выглядело? Впрочем, при использовании репрезентативной выборки мы не найдем в ответах на аналогичный вопрос почти никакой униженности, стыда и пр. При всех «но» и «если» закрытых количественных методик вопрос, заданный «в лоб», показал такой же расклад в самооощущениях русскоязычных (пусть и без множества интересных нюансов), что и предпринятая мной попытка «подобраться с боку» (см. табл. 5).

Наиболее массово разделяемые эмоции связаны с гордостью (но почти без превосходства); чувство «этнической неполноценности» испытывают очень немногие (кстати, и в Эстонии тоже), но довольно сильно ощущение нестабильности (еще бы, ведь только недавно все рухнуло!) и поэтому — никакой уверенности. Несмотря на этническую окрашенность вопроса, среди негативных эмоций доминируют опасения, скорее всего связанные не с этнической принадлежностью, а с резким понижением статуса «своей» группы в условиях глобального

Таблица 5

«Какие чувства вызывает у Вас принадлежность к русскому народу?» (%)*

Варианты ответа	Киргизия		Литва	Эстония
	город	село	город	город
Чувство ущемленности, униженности	6	3	12	9
Стыд	5	4	3	4
Гордость	57	47	48	44
Вину	2	6	2	3
Нестабильность	15	15	34	23
Превосходство	6	10	2	2
Уверенность	—	—	—	—
Другие	2	3	4	2
Никаких	10	9	10	9
Затруднились ответить и нет ответа	8	6	13	13

* Итог не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос

Источник: Русские в новом зарубежье: итоги этносоциологического исследования в цифрах. Отв. ред. С. Савоскул. М., 1996. с. 95.

постсоветского хаоса и непредсказуемости (исследование, напомним, проводилось учеными Института этнологии РАН в начале 1990-х гг.).

В этой связи более адекватной мне видится апелляция не к этнической, а, шире, к социальной идентичности; в частности, встречающаяся и у той же Н. Лебедевой идея о том, что важным стимулом к миграции становилась неудовлетворенная потребность личности в самоуважении³⁶. Правда, тут не учтены фактор времени и различия позиций русскоязычных. Уехавшие на пике миграционной волны, возможно, и действовали в рамках этой парадигмы, а вот оставшиеся? Русские, опрошенные в Бишкеке в конце 1996 г., уже в достаточно стабильный период, явно не производят впечатление людей, утративших самоуважение. В то же время они не демонстрируют и многократно приписываемого русским в Центральной Азии «упертого» комплекса превосходства.

3. В контексте последнего замечания напрашивается важный вывод о том, что стереотипы и установки массового сознания — какими бы незыблемыми, имманентными тем или иным группам и жестко привязанными к тем или иным объективным обстоятельствам они ни казались, подвержены пусть медленным, но верным адаптационным изменениям. И познается это лучше всего в сравнении. Так, в сравнении с ответами киргизов на аналогичные вопросы видно, что русские заметно дальше отошли в своих суждениях и оценках от края шкалы (пресловутого комплекса превосходства), чем киргизы отошли от своего аналога — комплекса национальных обид и чувства униженности. У русских высокая оценка своей роли в Центральной Азии сочетается с достаточно выраженной самокритичностью в признании собственных ошибок; у киргизов же налицо стремление принизить чужие достижения (естественная защитная реакция) и «не замечать» свои просчеты; они пытаются приподнять, активизировать образ «себя», а русские — образ «другого». И происходит все это совсем не потому, что русские в принципе более гибки и адаптабельны. Просто в сложившихся социально-экономических обстоятельствах они оказались перед лицом гораздо более жестких императивов — «жизнь заставляет». Более того, действует не только общий постсоветский фон, но и конкретная страновая ситуация — как было показано в предыдущих разделах книги, в Киргизии явно дает о себе знать тенденция к интеграции русскоязычных в местный социум. Особо важен поэтому межстрановой анализ самооощений русских и их динамики³⁷.

4. Казавшиеся незыблемыми стереотипы массового сознания обладают изменчивостью не только во времени, но и в пространстве. И относится это не только к русским, но и к их основным этническим партнерам на той или иной территории — к титульным группам, пусть они и связаны общностью исторических судеб в последние полтора

столетия и в особенности в советский и постсоветский периоды. И познается эта изменчивость опять-таки в сравнении. Очень показательны в данном отношении результаты синхронного по времени интервьюирования 120 таджиков (Ленинабадская область), являющие нам качественно иную модель восприятия себя и русских.

Контрастность ответов таджиков и киргизов на одинаково сформулированные вопросы усиливается тем, что вопросы о «хорошем» и «плохом» задавались не коренным жителям Худжанда (бывший Ленинабад и область, находящиеся на севере страны, в наименьшей степени оказались затронуты гражданской войной и последующей разрухой), а таджикам-мигрантам, чье переселение в город так или иначе инспирировалось военными действиями и сопутствующими трагическими событиями.

Говоря о вкладе русских в развитие Таджикистана, около 37% респондентов лаконично ответили, что они сделали «всё» или «очень много хорошего», а многочисленные более развернутые формулировки зачастую носили почти панегирический характер:

- *сделали переворот: ум, культура, строительство;*
- *все, что хорошее есть у нас — это благодаря русским;*
- *без русских нет жизни — культура, знания, опытность;*
- *очень много; не будь их, мы были бы закабаленными;*
- *все, что имеет Таджикистан;*
- *Таджикистан расцвел руками и умом русских;*
- *все хорошее, что есть в настоящее время у таджиков;*
- *принесли цивилизацию;*
- *сыграли ведущую роль в прогрессе Таджикистана;*
- *Таджикистан сделали русские, и т. д.*

Более 67% респондентов полагали, что русские для таджиков «ничего плохого не сделали» (у киргизов, напомним, таких было всего 20,7%). Картину запоздалого раскаяния и осознания тяжести потерь последнего времени довершают ответы на вопрос «Что плохого сделали таджики для русских?», очень самокритичные и почти не содержащие оправдывающих оговорок:

- *создали политическую ситуацию, чтобы они уехали;*
- *не были чуткими к их переживаниям за последние годы;*
- *не проявили должной заботы и внимания в период до и после конфликта;*
- *начали их вытеснять;*
- *убивали, издевались во время гражданской войны;*
- *жить не дали;*
- *избивали, уничтожали в последние годы;*
- *из-за войны пострадали, из-за них покидают родные места;*

- угнетают;
- в настоящее время превратили в людей второго сорта;
- сам факт миграции от нас;
- сильно обидели;
- проявления шовинизма;
- не дали уверенности почувствовать себя земляками на таджикской земле, и т. д., и т. п.

Ответы подобного содержания и тональности составили самую весомую группу — около 50% (в сравнении с примерно 12% самокритичных ответов киргизов). Однозначная жесткость ситуации, типичной для постсоветского Таджикистана (ведь война не терпит полутонов), видимо, предопределила тот факт, что почти у всех респондентов-таджиков сформировалась четкая позиция по данному вопросу — затруднились с ответом лишь примерно 11% (у киргизов — 27%), а около 39% сочли, что таджики «ничего плохого не сделали» (у киргизов таких ответов было свыше 54%).

Выявленные особенности мироощущения киргизов, видимо, являются «модельными» для страны с достаточно стабильной социально-политической ситуацией, каковой Киргизия являлась в течение всего изучаемого периода. Во многом благодаря этому обстоятельству и удалось сохранить большую часть проживавших здесь русскоязычных, иначе не смогли бы вступить в действие механизмы экономической и психологической адаптации. Однако, как нет худа без добра, так нет и добра без худа. Своеобразной «платой» за стабильность является то, что психология титульной группы, при условии сохранения прежних тенденций, будет медленнее и постепенно проходить обычные стадии «постколониальной» эволюции, стартовой точкой которой был резкий всплеск национального самосознания в период до и в первые годы после распада СССР. Таджики же, «благодаря» трагедии гражданской войны и угрозе раскола страны, перешли к стадии отрезвления гораздо быстрее, но, увы, выстраивать разумный межкультурный диалог им теперь почти не с кем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 2000 г. область стала называться Согдийской.

² Работа с таджиками проводилась сотрудниками Отдела стран СНГ Института востоковедения РАН в рамках международного научного проекта по изучению постсоветских этнических миграций (1995–1997 гг., грант ИНТАС 98-МО43).

³ Под «культурой», термином, используемом здесь в научном, т. е. самом широком смысле и близком термину «общество», имеется в виду характерный именно для человека, в отличие от животных, способ организации материального и духовного про-

странства (см., напр.: *Белик А. А.* Культурология. Антропологические теории культур. М., 1999. С. 9–11).

⁴ При беседах с киргизами важно было исключить намек на причастность российских ученых, поэтому интервьюирование было представлено как инициатива Национальной академии наук Киргизской Республики.

⁵ Из заметных работ этого направления стоит назвать следующие коллективные монографии: «Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений». Под ред. А. Н. Сахарова, В. А. Михайлова. М., 1999; «Национальные истории в советском и постсоветском государствах». Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 1999, а также книгу С. Константинова и А. Ушакова «История после истории. Образы России на постсоветском пространстве» (М., 2001). Особый размах эта работа приобрела в самих новых независимых государствах — создаются новые учебники истории для средней и высшей школы, пишутся новые версии исторического пути той или иной страны (народа) в составе и вне России/СССР. В применении к Киргизии сошлось в качестве примера на новый учебник для вузов («История кыргызов и Кыргызстана». Под ред. Т. К. Койчуева, С. С. Даниярова, В. М. Плоских. Бишкек, 1998), а также на солидное трехтомное собрание документов и материалов, раскрывающее историю контактов России и Киргизии на протяжении почти трех столетий: «Кыргызстан — Россия. История взаимоотношений в XVIII–XIX вв.», Бишкек, 1998; «Кыргызстан — Россия. История взаимоотношений в составе империи и СССР (вторая половина XIX в. — 1990 г.)», Бишкек, 2000 и «Кыргызстан — Россия. История взаимоотношений суверенных государств (90-е годы XX века)», Бишкек, 2001).

⁶ Как отмечал Борис Миронов, автор фундаментального труда о социальной истории России, «о российской экспансии написано много... и высказано несколько точек зрения: от признания России агрессивной империалистической державой, стремящейся к бесконечному расширению своих границ, до оправдания колонизационного движения интересами не только русских, но и самого населения присоединенных территорий» (*Миронов Б. Н.* Социальная история России. Т. 1. СПб., 1999. С. 19). Если продолжить тему, этот ученый приходит к выводу о том, что «Российская империя никогда не была колониальной державой в европейском смысле этого слова (хотя элементы колониализма наблюдались, например, по отношению к народам Сибири)», и приводит в качестве обоснования ряд серьезных аргументов (*Миронов Б. Н.* Социальная история... С. 62–65). Другой авторитетный исследователь имперской истории России, Андреас Каппелер, полагает, что «штамп “колониальной державы” не подходит лишь к российской дореформенной империи, а впоследствии ее колониальный характер усилился, причем «показательным примером классической колонии становится Средняя Азия с ее целевым форсированным производством хлопка». И далее: «...азиатские области России без каких-либо оговорок могут охарактеризованы как колонии» (*Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 122; 154–155; 238). Есть в литературе и значительно более осторожные высказывания по данному вопросу. Анатолий Вишневский, к примеру, пишет о «неопределенности границ между метрополией и колониями»: «подобно тому, как Сибирь не была на сто процентов метрополией, так южные — кавказские или среднеазиатские — окраины империи не были на сто процентов колониями» (*Вишневский А. Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 275).

⁷ Значительны расхождения и в трактовке такого важного аспекта нашей темы, как сравнительная оценка результатов российско-имперского влияния на Центральную Азию, с одной стороны, и советского, с другой. Иными словами, речь идет о локальном варианте разрешения вечной дилеммы о соотношении колонизаторского и цивилизаторского начал в имперской политике. Некоторыми учеными модернизационный вклад Российской империи в развитие данных территорий оценивается тем не менее как весьма скромный (в сравнении с советским временем), а генеральная линия в отношениях с ними видится как «сосуществование» и «невмешательство». По словам А. Каппелера, например, «оседлые мусульмане и мусульмане-кочевники продолжали

- жить в соответствии со своим традиционным социальным укладом и ценностными ориентирами». Если представить себе шкалу «интенсивности унифицирующей интеграции», «...то на самом нижнем конце этой шкалы надо было бы поставить российскую политику невмешательства по отношению к мусульманам Средней Азии» (*Каппелер А.* Россия — многонациональная империя... С. 148; 206—207). На этом фоне выделяется во многом противоположное видение данных проблем Шарифом и Рустамом Шукуровыми. Воздействие большевистского режима, «советского катка», трактуется ими как почти полностью деструктивное, а вклад дореволюционной России — и духовный, и материальный, оценивается, напротив, как очень весомый и позитивный: «Россия не только существенно структурировала и очистила повседневную азиатскую жизнь [тезис, кстати, плохо согласующийся со следующим далее по тексту утверждением о том, что «Россия избежала откровенного вмешательства в частную жизнь мусульман» — *Н. К.*], но и совершила в нее благотворную инъекцию новейших европейских достижений» (*Шукуров Ш., Шукуров Р.* О воле к культуре // Центральная Азия и Кавказ. Luleå (Швеция), 1998. № 1. С. 167, 168 (статья первая)).
- ⁸ Упомяну здесь лишь об одном событии, возможно, наиболее болезненном в истории взаимоотношений России и покоренных ею кочевников Средней Азии — речь идет о восстании, охватившем в 1916 г. Туркестан и, главным образом, Семиречье (южные районы современного Казахстана и северную часть современной Киргизии). Естественно, официальные советские версии подобных событий не могли не подвергнуться радикальной ревизии, в первую очередь со стороны самих киргизов, но даже среди киргизских ученых существуют серьезные расхождения по поводу того, чем же все это было (см., напр., резкую полемику А. Арзыматова с автором монографии о восстании 1916 г. К. Усенбаевым в газете «Res Publica», Бишкек, 1998, № 33). Пестрота мнений носит в данном случае не только концептуально-идеологический, но и фактологический характер. Так, вряд ли те авторы, кто резко обвиняют российский колониальный режим и считают события 1916 г. геноцидом киргизского народа, согласятся с утверждением Ш. и Р. Шукуровых о том, что «...Туркестан под властью Романовых не знал по-настоящему массовых антирусских колониальных движений» (*Шукуров Ш., Шукуров Р.* О воле к культуре (статья первая)... С. 168).
- ⁹ Собственно, если бы не было необходимости сделать вопросы «симметричными» (т. е. спрашивать о «вкладе» не только русских, но и киргизов и таджиков), то в формулировке можно было бы вообще обойтись без этнонима «русские», например, таким образом: «Что принесло киргизам пребывание в составе Российской империи?» или «Что хорошего и плохого дала киргизам Советская власть?» и т. п.
- ¹⁰ *Панарин С.* Восток глазами русских // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы одноименной конференции. Ч. 1. М., 1993.
- ¹¹ Там же. С. 63, 65, 70, 71, 73, 74.
- ¹² Там же. С. 70. Необходимо отметить, однако, что в последующих работах С. Панарин снизил акцентацию на этничность и перешел при рассмотрении главных субъектов имперского воздействия на центральноазиатские общества к более расширительным и социализированным понятиям — «дети империи» и «русскоязычные». См., напр., его статью «Русскоязычные у внешних границ России: вызовы и ответы (на примере Казахстана)», «Дiasпоры», М., 1999, № 2/3. С. 137—140, а также главу в коллективной монографии «В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии», под ред. А. Р. Вяткина, Н. П. Космарской и С. А. Панарины, М., 1999. С. 61.
- ¹³ *Шукуров Ш., Шукуров Р.* О воле к культуре (статья вторая) // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 2. С. 197.
- ¹⁴ См., напр.: *Миронов Б. Н.* Социальная история... С. 42—43.
- ¹⁵ *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя... С. 177.
- ¹⁶ Там же. С. 124.
- ¹⁷ Там же. С. 153. Научной основой подобной политики стали западные эволюционистские концепции происхождения культур (пик популярности их приходится на вторую

- половину XIX в.), исходящие из постулата «лучше то, что более развито» (подр. см.: *Белик А. А. Культурология...* С. 25–33, 43–47).
- ¹⁸ *Шукуров Ш., Шукуров Р. О воле к культуре (статья вторая)...* С. 202.
- ¹⁹ *Вишневский А. Серп и рубль...* С. 280.
- ²⁰ «...советская система, несомненно, смогла запустить механизм модернизации в Средней Азии, но она не сумела довести ее до конца...», хотя «в экономической и социальной структуре, в политике и культуре, в повседневной жизни Средней Азии — повсюду были видны признаки “современности”...» (*Вишневский А. Там же. С. 290*).
- ²¹ «...умирал киргиз от осы, умирал от чумы (она переносилась сурками), а сифилис — это же поголовно совершенно. А лечили шаманы, баши по-киргизски. Даже великий Атаке-батыр, который впервые прислал посольство в Петербург, к Екатерине, он же без носа был; вместо носа у него была такая черная повязочка... Один уездный врач в Пишпеке, он не врач даже был, а фельдшер, пользовал почти всю Чуйскую долину. При советской власти было сделано очень много, потрясающе много, пришла настоящая медицина наконец» (из интервью с В. Мокрынским, 30.08.99)
- ²² Антология киргизской поэзии. М., 1957. С. 286.
- ²³ Там же. С. 145, 147.
- ²⁴ Подр. см.: *Вишневский А. Серп и рубль...* С. 271–282.
- ²⁵ Там же. С. 292.
- ²⁶ Там же. С. 280.
- ²⁷ О масштабах этой деятельности красноречиво говорит хотя бы тот факт, что в период индустриализации промышленное производство в республике (которого до революции 1917 г. практически не существовало) выросло в 736 раз! Подр. см.: *История Киргизской ССР. Т. 3. Фрунзе. 1986. С. 367–384. Цит. по: Abazov R. Migration of Population, the Labor Market and Economic Changes in Kirghizstan // Migration in Central Asia: Its History and Current Problems. Ed. by H. Komatsu, Ch. Obiya and J. S. Schoberlein. ICAS Symposium Series No. 9. The Japan Center for Area Studies. Osaka. 2000. P. 213.*
- ²⁸ Неоднозначное отношение киргизов к индустриальному труду и неподготовленность к нему, а также отсутствие у системы «настроенности» на преодоление определенных трудностей взаимно подпитывали друг друга: «*Сельская молодежь, которая не поступила в вузы, могла идти только на фабрики и заводы. В силу особенностей менталитета она не могла сразу адаптироваться к дисциплине фабрично-заводского труда... Вы представляете, что такое сельская местность? Там же нет никаких твердых рамок. А у наставников часто не хватало нужного терпения; может быть, по-другому как-то подойти нужно было... Там была очень большая текучесть кадров... И в основном, конечно, в промышленности преобладало русскоязычное население. Отделы кадров и другие службы брали прежде всего русских. С ними легче было, чем переучивать и дольше заниматься с киргизской молодежью, которая, конечно, свои особенности имела*» (из интервью с Айнурой Элебаевой, 2.10.96).
- ²⁹ *Жекшеев Ж. Правда и вымысел не только об «Ашаре» // Res Publica. 1992. № 22.*
- ³⁰ *Асанканов А. Кыргыз: рост национального самосознания. Бишкек, 1997. С. 96.*
- ³¹ *Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М., 1999. С. 170.*
- ³² В этой группе выделяются высказывания, касающиеся сохранения русскими своей идентичности — «возможность чувствовать себя русским», «позволили сохранить русским как русским». Подобные мнения, которые вряд ли могли быть озвучены в советский период, являются логическим продолжением (хотя и не очень весомым количеством) ответов на уже проанализированный вопрос о том, что русские сделали плохого для киргизов («навязали им свою культуру»). На мой взгляд, эти ответы можно интерпретировать и в том смысле, что часть русских начинает осознавать происходящее с ними в национализирующемся государстве как следствие пороков своей собственной политики.
- ³³ *Лебедева Н. М. Психологические проблемы миграции из нового зарубежья // Российская диаспора и проблемы недобровольной миграции на постсоветском пространстве. М., 1997. С. 62–63.*

- ³⁴ *Воронин О. Л.* Русские в Средней Азии — исчезающая диаспора // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Иркутск, 1994. С. 128.
- ³⁵ *Лебедева Н. М.* Психологические проблемы миграции... С. 151.
- ³⁶ См., напр.: *Гриценко В. В.* Русские среди русских. Проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России. М., 1999. С. 160; *Лебедева Н. М.* Психологические проблемы миграции... С. 63.
- ³⁷ К сожалению, наши ученые, насколько мне известно, эту тематику не очень жалуют. Но из имеющихся в литературе отрывочных сведений можно заключить, что Киргизия исключением не является и что сдвиги в сознании русскоязычных начали проявлять себя еще до распада СССР. Сошлюсь для примера на опрос 1480 представителей разных национальностей (включая 820 узбеков и 460 русских), проведенный в 1990—1991 гг. в Узбекистане. Значительная доля и первых, и вторых (60,0 и 55,6% соответственно) согласились с тем, что в республиках проводилась политика русификации. Отвечая на вопрос о проявлениях такого курса, более одной пятой русских (22,2%) согласились, что существовала их монополия на ключевые посты в партийных и государственных органах и около трети (27,8%) подтвердили, что относились с презрением к иным культурам и традициям (33,3% затруднились с ответом). См.: *Nikolaev S.* Russians in Uzbekistan // *The New Russian Diaspora. Russian Minorities in the Former Soviet Republics.* Ed. by V. Shlapentokh, M. Sendich & E. Payin. Armonk, N. Y., M. E. Sharpe, 1994. P. 115—116.